

Экономика и управление:

научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

Актуальные проблемы
экономики и общества

Региональная экономика

Менеджмент

Финансы

Социально-политические процессы

1/2020

Редакционный совет

Н.З. Арабаджийски, профессор департамента Администрации и управления Нового болгарского университета, д-р экономики, профессор

Р.Р. Ахунов, врио председателя Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (УФИЦ РАН), д-р экон. наук, доцент, доктор делового администрирования (DBA)

М.А. Аюпов, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, д-р полит. наук, профессор

А.Р. Бахтизин, член-корреспондент Российской академии наук (РАН), директор Центрального экономико-математического института РАН, д-р экон. наук, профессор

В.И. Буренко, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

В.М. Валиев, директор НИИ экономических реформ Министерства экономического развития Азербайджана, д-р экон. наук, профессор

Д.А. Гайнанов, директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, д-р экон. наук, профессор

А.М. Ганиев, руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

М.Н. Грачев, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

К.Е. Гришин, и.о. директора Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, д-р экон. наук, доцент

А.Н. Дегтярев, и.о. вице-президента Академии наук Республики Башкортостан, д-р экон. наук, профессор

О.И. Зазнаев, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета, д-р юрид. наук, профессор

Л.Е. Ильичева, директор программ Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д-р полит. наук, профессор

Ю.Г. Коргунок, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, д-р полит. наук

И.Р. Кызыргулов, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ) (председатель Совета), д-р физ.-мат. наук, доцент

А.В. Кынев, доцент департамента политических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», канд. полит. наук, доцент

Т.Б. Лейберт, директор Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета, д-р экон. наук, профессор

Р.Х. Марданов, начальник Уральского главного управления Центрального банка Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент

А.Х. Махмутов, действительный член Академии наук Республики Башкортостан, научный консультант редакции журнала, д-р экон. наук, профессор

Г.Н. Никонова, член-корреспондент РАН, заведующая аспирантурой, заведующая отделом прогнозирования трансформации экономических структур и земельных отношений Северо-Западного НИИ экономики и организации сельского хозяйства, д-р экон. наук, профессор

А.В. Павроз, профессор кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, д-р полит. наук, профессор

П.В. Панов, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского Отделения РАН, д-р полит. наук, профессор

О.Б. Подвинцев, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского Отделения РАН по исследованию политических институтов и процессов, д-р полит. наук, профессор

А.А. Пороховский, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор

А.В. Скиперских, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Перми, д-р полит. наук, профессор

Л.Н. Тимофеева, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

К.Б. Толкачев, председатель Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, д-р юрид. наук, профессор

В.И. Трубников, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

О.Ф. Шабров, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

А.В. Янгиров, и.о. ректора Института развития образования Республики Башкортостан, д-р экон. наук, доцент

ПРАВИЛА

направления статей для опубликования в издании
«Экономика и управление: научно-практический журнал»

1. Статья, представляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала, быть подписана автором (соавторами) с указанием фамилии, имени и отчества, ученой степени и звания (если есть), места работы и занимаемой должности, телефонов, электронного адреса автора (соавторов).
2. Статья объемом от 6 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, кегль 14, интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см, поля — 2 см со всех сторон), набранная в Word, направляется на электронный адрес редакции: ekonuprav@ufanet.ru. Заголовок статьи — не более 8 слов. Страницы нумеруются. Таблицы и графические изображения (рисунки, схемы) даются в черно-белом варианте.
3. Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русские, затем — иностранные). Источники нумеруются, ссылки на них приводятся в тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы доля работ автора не должна превышать 30 %.
4. В краткой аннотации (до 5 предложений) необходимо отметить то новое, что содержится в статье, и реальные возможности практического применения рекомендаций. Также приводятся 5-8 ключевых слов (опорных терминов). Аннотация и ключевые слова представляются на русском и английском языках.
5. Автор статьи несет ответственность за подбор, правильность и точность приводимых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений.
6. К статье также прилагается небольшая рецензия из вуза (научного учреждения).
7. Оригинальность представляемого материала (по системе «Антиплагиат») должна составлять не менее 80 %.

Подробнее смотрите здесь:
<http://www.inefb.ru/econuprav-ufa/115-econuprav/1418-informatsiya-dlya-avtorov>

Регистрационный номер и дата принятия решения: серия ПИ № ФС77-73135 от 22 июня 2018 г. В запись о регистрации СМИ изменения внесены Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписные индексы издания в Объединенном каталоге «Пресса России» на первое полугодие 2020 года: 11487 (подписка на полугодие), 39487 (годовая подписка).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 08.00.00 — экономические науки; 23.00.00 — политология.

Экономика и управление:

научно-практический журнал

№ 1 (151)

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы экономики и общества

А. МАХМУТОВ, А. КУЗНЕЦОВА. Проблемы подготовки кадров высшей квалификации в Российской Федерации	4
О. ДРОНОВА, Ж. КОЗЛОВА. Антиглобализационные тенденции в деятельности транснациональных корпораций	10
З. ИБРАГИМОВА, Н. ИШМУХАМЕТОВ, Г. РОССИНСКАЯ. Цифровизация и домохозяйства: неравенство возможностей и дифференциация состояния	14
Н. ИВАНОВА, В. ВЛЕЗКОВА, Ю. ЛОГУНОВА. Экономика совместного пользования в мировой экономике и России	19
Д. МУСИНА, А. ЯНГИРОВ, С. НАСЫРОВА. Цифровая трансформация агропромышленного комплекса: российский опыт	22
Ш. МИНАСОВ. Концепция построения единого цифрового пространства знаний	25

Региональная экономика

Е. ЯНГИРОВА, А. ЯНГИРОВ, С. НАСЫРОВА, К. ЮСУПОВ. Структурные показатели потребительского спроса в Республике Башкортостан на современном этапе	29
И. ТУРГЕЛЬ, Л. БОЖКО, А. ОЙХЕР. Кластерная политика индустриального региона	32
С. ПРЯНИЧНИКОВ. Оценка состояния и тенденций функционирования предприятий Нижегородской области	37
А. ЗОТОВА, Г. ТОРОСЯН. Структура системы кредитования малого и среднего бизнеса в регионе	40
Р. РАХИМОВ, И. КАРЕЛИН. Анализ современной системы управления расходами бюджета Республики Башкортостан	43
А. САМБА. Основные изменения в социально-трудовом пространстве Республики Тыва	47

Менеджмент

Л. ЕЛКИНА, Н. СУХОВА, А. ЯКОВЛЕВА. Интеграция процессного подхода и Agile-технологии проектного менеджмента в бережливом производстве	51
Э. БАЙКОВА, А. КОСУРИНА, М. ТАРЗИМИНА. Цифровая модель компетенций как инструмент управления талантами	58
В. ПАРШИНА. Алгоритмы управления развитием кадров в организациях	62
Е. ТЕРЕЛЕЦКОВА, Н. ГАБДРАХМАНОВА. Мотивация управленческого персонала фармацевтической отрасли	66

А. ГАЛИ. Ценностно-ориентированное управление: эволюция концепции	70
М. КАЗАКОВА, К. ЛУРЬЕ. Влияние вовлеченности персонала на качественные показатели компании	74
Г. СИРГАЛИНА. Методика управления рисками в бизнес-процессах компании ПАО «Газпром»	77

Финансы

И. ЗАРИПОВА, В. МИНЕЕВА, Г. АЗНАБАЕВА, Э. ИСЛАМГУЛОВА. Анализ исполнения местного бюджета за 2016–2018 годы	81
Я. ТРОФИМОВА. Усиление социальной направленности налоговых систем	87
О. СТАРКОВА. Субсидирование кредитования аграрного малого бизнеса	91
З. ШАРИФЬЯНОВА, Г. АЛЫТДИНОВА, Р. НАФИКОВА. Тенденции развития российского рынка страхования	94
М. АЛКАДАРСКАЯ, Д. МАХАЧЕВ. Совершенствование политики коммерческих банков по кредитованию физических лиц	97

Социально-политические процессы

Ф. САФИН, М. ИШЕМГУЛОВ, Д. КАМАЛЕТДИНОВ, Ф. САФИН. Социальное самочувствие населения Башкортостана после крымских событий	101
Ю. ДОРОЖКИН, Н. ЕВДОКИМОВ. Электоральные кампании осени 2019 года и политические партии: проблемы эффективного участия	109
М. РИЗВАНОВА. Применение электронно-цифровых технологий в управлении человеческими ресурсами	114
А. ТУЗОВСКИЙ. К вопросу о мультиконтекстном характере GR-деятельности корпораций (на примере Сибирского федерального округа)	120
Г. ЯКШИБАЕВА. Управление трудовой миграцией (на примере Российской Федерации)	124
А. ХИСАЕВА, Э. ИШМУХАМЕТОВ, А. ХИСАЕВА, Р. ГАЙСИНА. Оценка социально-экономического состояния народов стран различного уровня развития	130
З. АТОЕВА, Д. САРКАРОВА. Современные тенденции развития государственной социальной политики	135
Е. ШЕВАЛДИНА, Ю. ЯСАКОВА. Реализация концепции миграционной политики Республики Башкортостан	138

CONTENTS

Actual Problems of Economy and Society

A. MAKHMUTOV, A. KUZNETSOVA. Problems of Preparation of Personnel of Higher Qualifications in the Russian Federation	4
O. DRONOVA, Zh. KOZLOVA. Anti-globalization Trends in the Activities of Transnational Corporations	10
Z. IBRAGIMOVA, N. ISHMUKHAMETOV, G. ROSSINSKAYA. Digitalization and Households: Inequality of Opportunity and Differentiation of Status	14
N. IVANOVA, V. VLEZKOVA, Yu. LOGUNOVA. Sharing Economy in the World Economy and in Russia	19
D. MUSINA, A. YANGIROV, S. NASYROVA. Digital Transformation of the Agro-industrial Complex: Russian Experience	22
Sh. MINASOV. Concept of Building of a United Digital Space of Knowledge	25

Regional Economy

E. YANGIROVA, A. YANGIROV, S. NASYROVA, K. YUSUPOV. Structural Indicators of Consumer Demand in the Republic of Bashkortostan at the Present Stage	29
I. TURGEL, L. BOZHKO, A. OYKHER. Cluster Policy of Industrial Region	32
S. PRYANICHNIKOV. Assessment of the State and Trends in the Functioning of Enterprises of the Nizhny Novgorod Region	37
A. ZOTOVA, G. TOROSYAN. Structure of System of Lending to Small and Medium-sized Businesses in the Region	40

R. RAKHIMOV, I. KARELIN. Analysis of Modern Expenditure Management System of the Budget of the Republic of Bashkortostan	43
A. SAMBA. Major Changes in the Socio-labor Space of the Republic of Tyva	47

Management

L. ELKINA, N. SUKHOVA, A. YAKOVLEVA. Integration of the Process Approach and Agile-technology of Project Management in Lean Manufacturing	51
E. BAYKOVA, A. KOSURINA, M. TARZIMINA. Digital Competency Model as a Talent Management Tool	58
V. PARSHINA. Algorithm for Managing Staff Development on Enterprises	62
E. TERELETSKOVA, N. GABDRAKHMANOVA. Motivation of Management Personnel of the Pharmaceutical Industry	66
A. GALI. Value-based Management: Evolution of the Concept	70
M. KAZAKOVA, K. LURYE. Influence of Staff Employment on Qualitative Indicators of the Company	74
G. SIRGALINA. Risk Management Methodology in the Business Processes of PJSC Gazprom	77

Finance

I. ZARIPOVA, V. MINEEVA, G. AZNABAEVA, E. ISLAMGULOVA. Analysis of Local Budget Execution for 2016–2018	81
Ya. TROFIMOVA. Strengthening the Social Orientation of Tax Systems	87
O. STARKOVA. Subsidizing Lending to Agricultural Small Businesses	91
Z. SHARIFYANOVA, G. ALTDINOVA, R. NAFIKOVA. Development Trends in the Russian Insurance Market	94
M. ALKADARSKAYA, D. MAKHACHEV. Improvement of Policies of Commercial Banks on Loaning of Individuals	97

Socio-political Processes

F. SAFIN, M. ISHEMGULOV, D. KAMALETDINOV, F. SAFIN. Social Well-being of the Population of Bashkortostan after the Crimean Events	101
Yu. DOROZHNIKIN, N. EVDOKIMOV. Electoral Campaigns of Autumn 2019 and Political Parties: Problems of Effective Participation	109
M. RIZVANOVA. Use of Electronic Digital Technologies in Human Resource Management	114
A. TUZOVSKY. On the Issue of the Multicontext Nature of GR-activities of Corporations (on the Example of the Siberian Federal District)	120
G. YAKSHIBAEVA. Labor Migration Management (on the Example of the Russian Federation)	124
A. KHISAEVA, E. ISHMUKHAMETOV, A. KHISAEVA, R. GAISINA. Assessment of the Socio-economic Condition of the Peoples of the Countries of Different Level of Development	130
Z. ATOEVA, D. SARKAROVA. Modern Trends of Development of State Social Policy	135
E. SHEVALDINA, Yu. YASAKOVA. Implementation of the Concept of Migration Policy in the Republic of Bashkortostan	138

Редакционная коллегия

Р.Ф. Латыпов (главный редактор), И.В. Буренина, Л.С. Валинурова, И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев (заместитель главного редактора), Н.А. Кузьминых, С.Н. Лаврентьев, А.В. Морозова (ответственный секретарь), Д.Р. Пескова, Г.М. Россинская, Н.З. Солодилова, С.Н. Шкель

Публикуемые материалы могут отражать точку зрения авторов, которая не совпадает с мнением редколлегии журнала.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Проблемы подготовки кадров высшей квалификации в Российской Федерации

Problems of Preparation of Personnel of Higher Qualifications in the Russian Federation

DOI: 10.34773/EU.2020.1.1

A. МАХМУТОВ, А. КУЗНЕЦОВА

Махмутов Анас Хусаинович, д-р экон. наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Республики Башкортостан

Кузнецова Альфия Рашитовна, д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета. E-mail: alfia_2009@mail.ru

В статье анализируются проблемы подготовки кадров высшей квалификации в Российской Федерации. Процент докторов наук в стране в возрасте 60 лет и старше составляет 67 %, а старше 55 лет – 79 %, что говорит о старении научных кадров. Сокращение числа выпуска из аспирантуры (на 69 %) и докторантуры (на 80 %) может привести к ослаблению научного потенциала страны. Средний возраст аспирантов и докторантов имеет тенденцию к повышению. Удельный вес женщин в составе аспирантов имеет нисходящую тенденцию, в составе докторантов, наоборот, – к увеличению. Несмотря на существующие проблемы в формировании кадров высшей квалификации, число заявок и выданных патентов в стране выросло почти в 3 раза. Таким образом, несмотря на сокращение числа научных работников в стране, наблюдается рост результативности их работы.

Ключевые слова: аспирантура, докторантура, патенты, успешные защиты, производственные технологии, научный потенциал.

The article analyzes the problems of training highly qualified personnel in the Russian Federation. The percentage of doctors of science in the country aged 60 years and older is 67 %, and over 55 years – 79 %, which indicates the aging of scientific personnel. Reducing the number of graduates from postgraduate studies (by 69 %) and doctoral studies (by 80 %) can lead to a weakening of the country's scientific potential. The average age of postgraduates and doctoral students tends to increase. The proportion of women in the post-graduate students has a downward trend, while in the doctoral students, on the contrary, it is increasing. Despite the existing problems in the formation of highly qualified personnel, the number of applications and patents issued in the country has increased almost 3 times. Thus, despite the reduction in the number of researchers in the country, there is an increase in the effectiveness of their work.

Key words: postgraduate study, doctoral studies, patents, successful defenses, production technologies, scientific potential.

За период с 1990 по 2018 год в Российской Федерации произошли существенные изменения в выполнении научных исследований и разработок. Число научных организаций сократилось на 13,5 %, а численность их работников – на 59,3 %. Численность исследователей по областям наук сократилась на 67,8 %, в том числе по сельскохозяйственным – на 47,5 %, по естественным – на 32,4 %, техническим – на 38,1 %, медицинским – 24,1 %. Одновременно наблюдался рост численности исследователей по гуманитарным наукам – на 50,2 %, по общественным – на 6,3 %.

За период с 2010 по 2018 год число организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, в стране увеличилось на 13,1 %, при этом численность персонала в них уменьшилась на 7,3 %, численность исследователей по областям наук уменьшилась на 5,7 %, в том числе по естественным наукам – на 12 %, техническим – на 4,6 %, по медицинским – на 13,3 %, по сельскохозяйственным – почти на 25 %. Рост числа исследователей наблюдался только по общественным (на 32,8 %) и гуманитарным наукам (6,3 %).

Вопрос подготовки кадров высшей квалификации в любой стране тесно связан с ростом числа поданных заявок на выдачу патентов на изобретения, созданных передовых производственных

технологий. По нашим подсчетам, в расчете на 100 исследователей в 1990 году было подано 1,9 заявок на выдачу патентов, в 2010 году – уже 5,8 патентов, к 2018 году их число выросло до 5,6, то есть почти в 3 раза. Число выданных патентов в 1990 году в расчете на 100 исследователей составляло 1,7, в 2000 году – 2, в 2010 году – 4,1, в 2018 – уже 5,2. Таким образом, в стране наблюдается рост результативности работы научных работников. Стоит отметить, что главным положительным трендом является рост числа действующих патентов на изобретения с 2,6 до 37,6, то есть в 14,5 раз. Кроме того, происходит рост числа созданных (разработанных) производственных технологий на 1000 исследователей – с 0 до 2,3 единиц. Таким образом, сокращение численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, сопровождается ростом результативности их работы.

Рассмотрим состояние подготовки кадров высшей квалификации в Российской Федерации на рисунке 1.

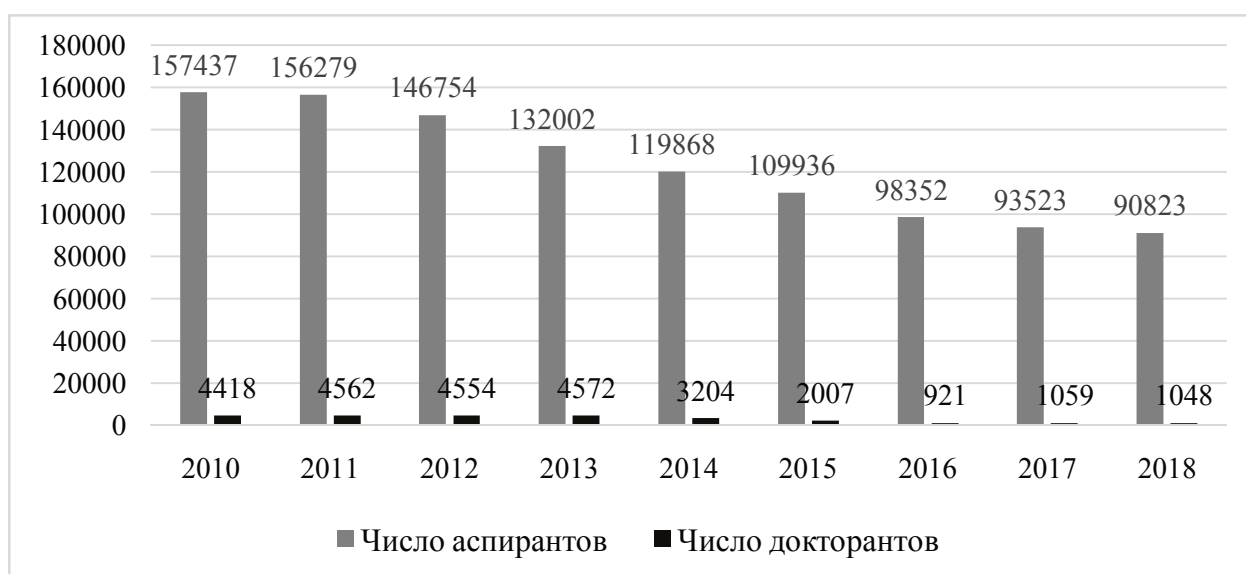

Рис. 1. Численность аспирантов и докторантов в Российской Федерации за период с 2010 по 2018 годы [1]

Из данных рисунка 1 следует, что общее число аспирантов за период с 2010 по 2018 год уменьшилось на 42,3 %, докторантов – на 76,3 %. Безусловно, часть аспирантов и докторантов осуществляют повышение своей научной квалификации без обучения в аспирантуре или докторантуре. Однако качество и результативность такой подготовки могут существенно различаться.

Рассмотрим тенденции, происходящие в изменении возрастной структуры аспирантов (рис. 2).

Из данных рисунка 2 следует, что в связи с Болонским процессом и переходом на систему бакалавриата и магистратуры возрастная структура аспирантов изменилась в сторону повышения. Лица, поступающие в аспирантуру, стали старше. Наибольший удельный вес аспирантов стал приходиться на 25 лет (16,6 %), 26 лет (14,6 %), 30–34 года (13,8 %), 24 года (13,6 %) и так далее. Гендерный разрыв в составе аспирантов и докторантов обусловлен в первую очередь тем, что призывной возраст в Вооруженные Силы РФ у мужчин продолжается до 27 лет. А это является основанием для поступления в аспирантуру наибольшего числа молодых людей.

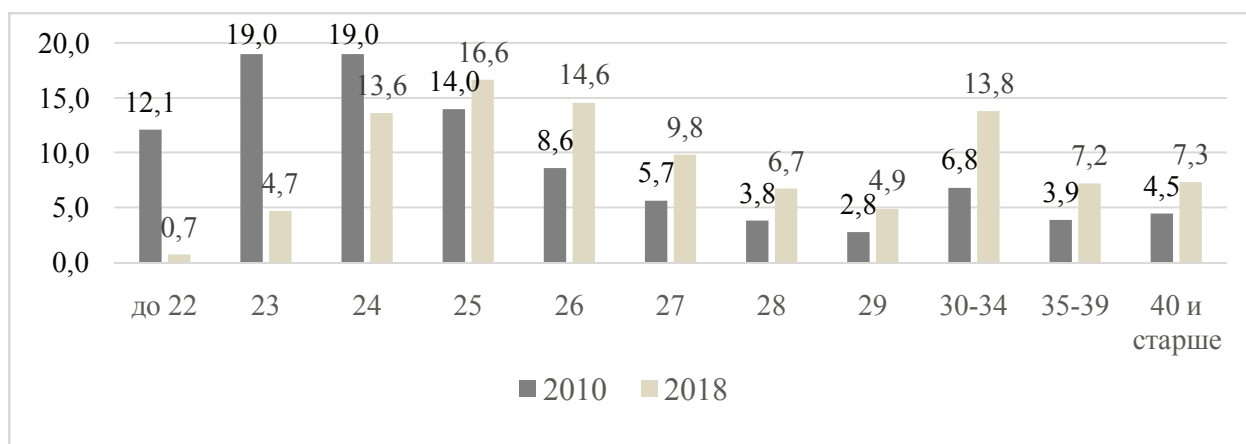

Рис. 2. Возрастная структура аспирантов в Российской Федерации в 2010 и в 2018 годах [1]

В 2010 году удельный вес женщин в составе аспирантов составлял 46,2 %, к 2018 году он уменьшился до 45,2 %. До 2016 года удельный вес женщин как в составе аспирантов, так и в составе докторантов имел тенденцию к росту, с 2017 года стал превалировать удельный вес мужчин среди аспирантов и докторантов. Рассмотрим возрастную структуру численности докторантов в Российской Федерации за период с 2010 по 2018 год на рисунке 3.

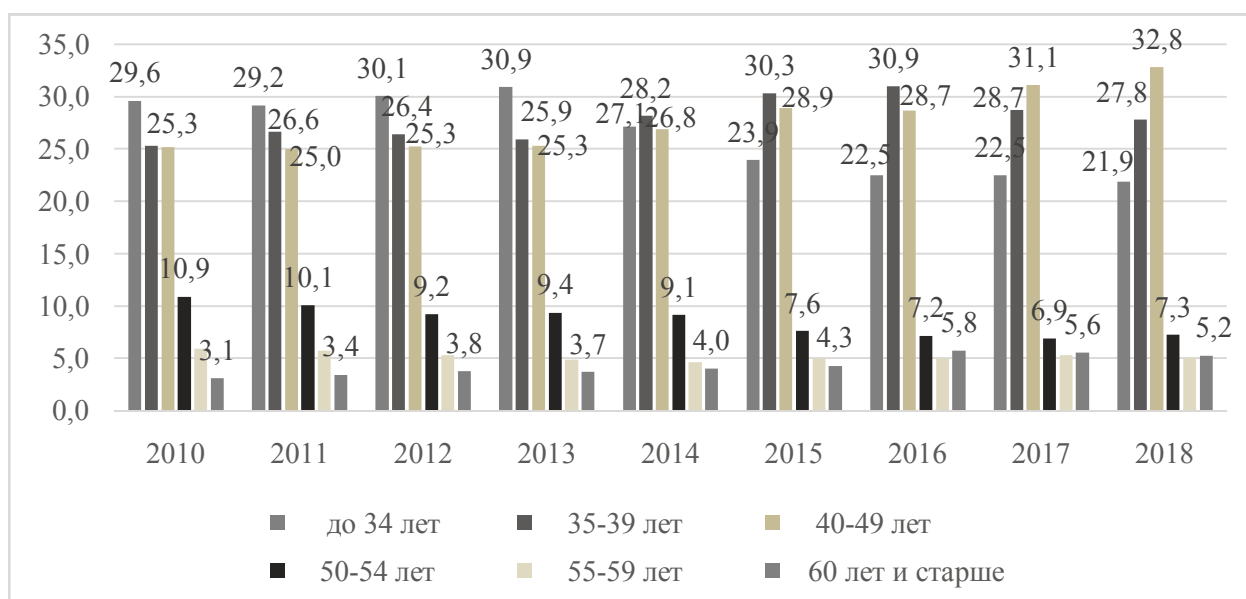

Рис. 3. Возрастная структура докторантов в Российской Федерации за период с 2010 по 2018 год [1]

В 2010 году удельный вес докторантов в возрасте до 34 лет был наибольшим и составлял почти 30 % от общей численности докторантов в стране. Более 80 % докторантов принадлежали возрастной категории от 34 до 49 лет. К 2018 году ситуация изменилась. Наибольший удельный вес численности докторантов стал приходиться на возрастную категорию 40–49 лет (32,8 %), затем на возрастную категорию (27,8 %) и на возрастную категорию до 34 лет (21,9 %). Докторанты, как и аспиранты, стали старше. Главным индикатором успешности обучения в аспирантуре является выпуск из аспирантуры.

Общее число выпущенных аспирантов за период с 2010 по 2018 год сократилось на 68,6 %, в том числе: по экономическим наукам – на 82,5 %, по искусствоведению – на 81,4 %, по юридическим наукам – на 80,5 %, по историческим наукам – на 80 %, по психологическим наукам – на

78 %, по социологическим наукам – на 77,6 %, по философским – на 75,8 %, по педагогическим наукам – на 75,7 %, по политическим – на 72%, по филологическим – на 71,8%, по наукам о Земле – на 71 %, по культурологии – на 70 %, по сельскохозяйственным наукам – на 64,7 %, по техническим наукам – на 60,3 %, по медицинским наукам – на 56,6 %, по биологическим – на 54,6 %, по химическим – на 51,3 %, по физико-математическим – на 48,8 %, по прочим наукам – на 83,8%.

Важным индикатором результативности обучения в аспирантуре являются успешные защиты кандидатских диссертаций. Рассмотрим удельный вес успешных защит аспирантов по отраслям наук (рис. 4).

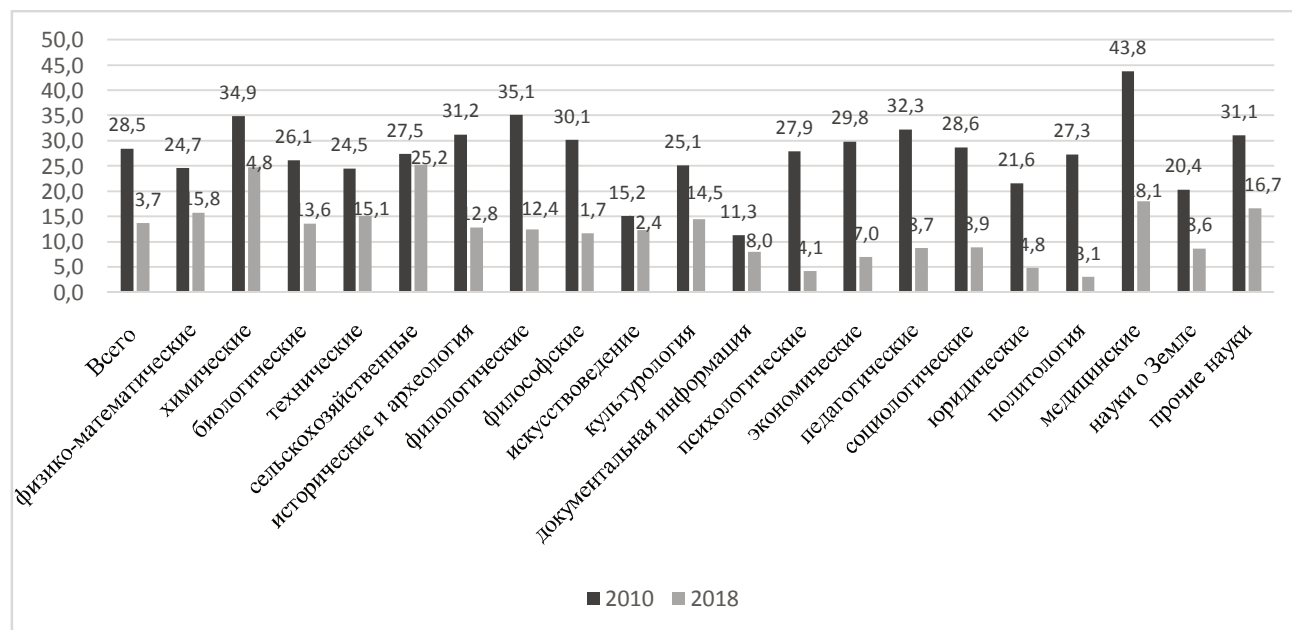

Рис. 4. Удельный вес успешных защит диссертаций аспирантов по окончании аспирантуры (в процентах) [1]

Из данных рисунка 4 следует, что в 2010 году наибольший удельный вес успешных защит кандидатских диссертаций в стране приходился на медицинские науки (43,8 %), в то время как в среднем по стране процент успешных защит был равным 28,5 %. Также успешно защищались аспиранты по филологическим (35 %), химическим (34,9 %), педагогическим (32,3 %), историческим (31,2 %), философским (30 %), экономическим (29,8 %), по социологическим наукам (28,6 %), по сельскохозяйственным наукам (27,5 %), по политологическим (27,3 %), по биологическим наукам (26 %), культурологическим (25 %), физико-математическим (24,7 %), по техническим (24,5 %), юридическим (21,6 %), наукам о Земле (20,4 %) и т.д. Результативность работы аспирантуры существенно ухудшилась не по качественному признаку, а в первую очередь в связи с тем, что в соответствии с Законом «Об образовании» до 2019 года не было обязательства неперенной защиты кандидатской диссертации по окончании обучения на третьей ступени обучения – обучения в аспирантуре.

Результативность работы докторантуры несколько иная (рис. 5).

К 2018 году наибольший удельный вес успешных защит докторских диссертаций отмечается по культурологии (66,7 %), наукам о Земле (60 %), медицинским наукам (50 %), физико-математическим (35,7 %). Процент успешных защит по биологическим, историческим, психологическим, социологическим наукам одинаков и составляет в среднем 33,3 % в 2018 году, по сельскохозяйственным наукам – 30,8 %, по искусствоведению – 28,6 %, по филологическим наукам – 28,6 %, по химическим наукам – 25 %, по техническим – 22 %, по юридическим – 20,8 %, по педагогическим – 17,6 %, по философским – 16,7 %, а по экономическим наукам отмечается самый низкий уровень защит докторских диссертаций, составляющий лишь 13,2 %.

Такая ситуация в конечном счете может привести к снижению научно-исследовательского потенциала страны в ближайшие десять-двадцать лет. Это подтверждает и анализ возрастной структуры кадров докторов наук, занятых в системе высшего образования Российской Федерации (рис. 6).

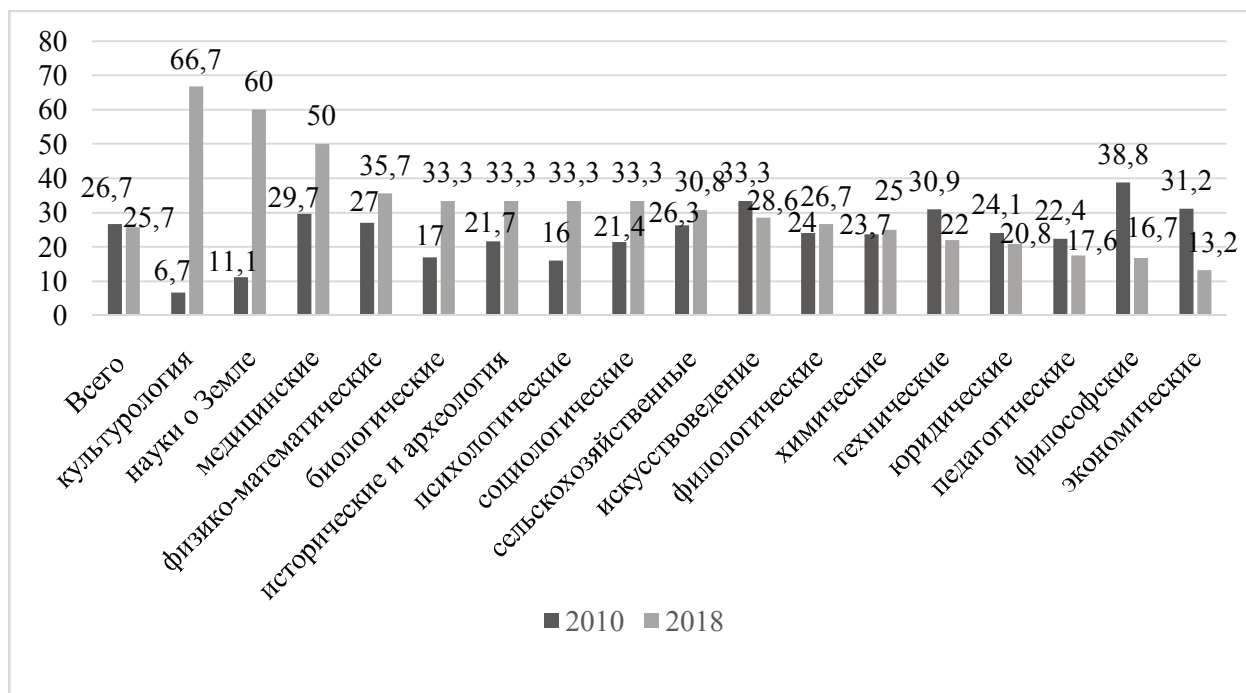

Рис. 5. Удельный вес успешных защит докторских диссертаций (в процентах) [1]

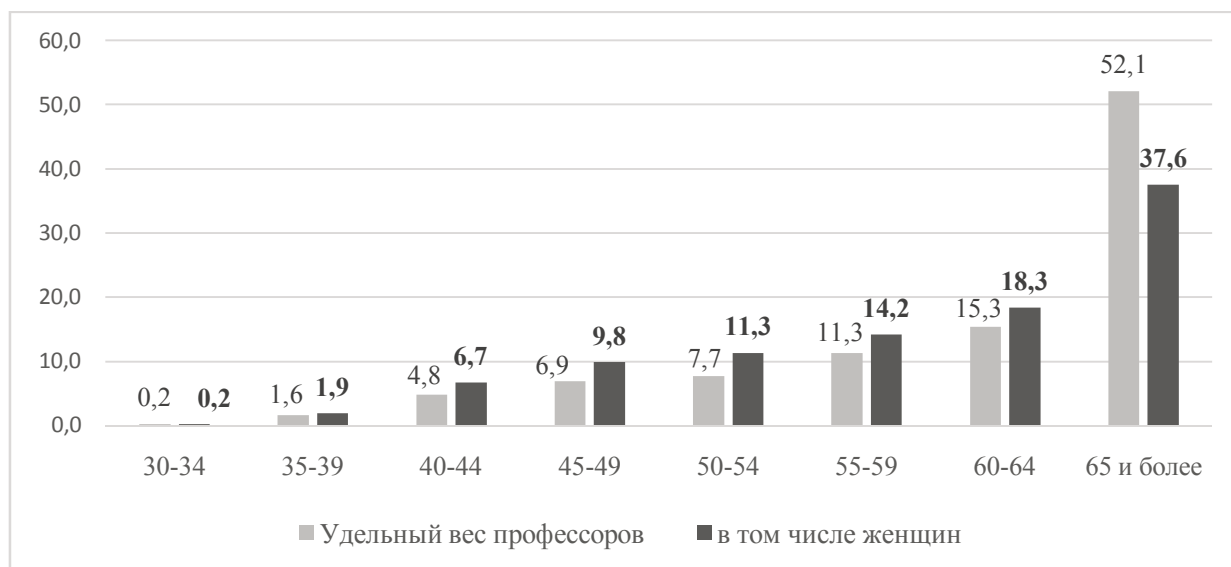

Рис. 6. Возрастная структура докторов наук в системе высшего образования Российской Федерации (в процентах) [1]

Из данных, представленных на рисунке 6, видно, что 52 % докторов наук в стране приходится на возрастную категорию 65 лет и старше, 15,3 % – на возрастную категорию 60–64 года, на возрастную категорию 55–59 лет – 11,3 %, на возрастную категорию 50–54 года – 7,7 %, 45–49 лет – 6,9 %, 40–44 лет – 4,8 %. Таким образом, более 67 % докторов наук находятся в возрастной группе старше 60 лет, 79 % – старше 55 лет, 86 % докторов наук – старше 50 лет.

Вышеприведенные данные свидетельствуют, во-первых, о сокращении числа мест в аспирантуре и докторантуре. Во-вторых, о существенном сокращении числа успешных защит по окончании аспирантуры и докторантуры, особенно по экономическим наукам. В-третьих, наблюдается старение кадров высшей квалификации, при котором число докторов наук старше 60 лет составляет свыше 67 %. В-четвертых, желание молодежи обучаться в аспирантуре, заниматься наукой, научными и инновационными исследованиями из года в год снижается. Это связано с повышением требований к качеству подготовки специалистов, с низкими размерами стипендий, на которые заниматься наукой очень сложно, а также невысоким уровнем заработной платы по окончании аспирантуры или докторантуры. В-пятых, следует признать, что майские указы Президента РФ выполняются неравномерно, дифференциация между уровнями доходов отдельных категорий научно-педагогических работников зависит не от квалификации и числа научных публикаций, а от должностного положения. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», предполагал рост «к 2018 году уровня средней заработной платы преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных сотрудников в два раза от средней заработной платы в соответствующем регионе» [2], что на практике до настоящего времени пока не реализовано. Несмотря на существующие проблемы в формировании кадров высшей квалификации, число заявок и выданных патентов в стране выросло почти в 3 раза. Еще одним положительным трендом является рост числа действующих патентов на изобретения в 14,5 раз. Таким образом, несмотря на сокращение числа научных работников в стране, наблюдается рост результативности их работы.

Литература

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://gks.ru/folder/13398>
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

15 января 2020 года первому ректору БАГСУ, академику АН РБ, доктору экономических наук, профессору Анасу Хусаиновичу Махмудову исполнилось 90 лет.

Чествование юбиляра прошло 17 января на торжественном заседании Президиума Академии наук РБ и Ученого совета Башкирской академии государственной службы и управления при Главе РБ, прошедшего в формате конференции «Экономика Республики Башкортостан: между прошлым и будущим».

Поздравить юбиляра и вручить ему почетный орден Салавата Юлаева лично прибыл Глава Республики Башкортостан Р.Ф. Хабиров.

С теплыми словами и поздравлениями к юбиляру также обратились Председатель Госсовета – Курултая РБ К.Б. Толкачев, первый заместитель Премьер-министра Правительства РБ – Руководитель Аппарата Правительства РБ И.А. Тажитдинов, академик Российской академии наук Р.И. Нигматулин, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Главе РБ И.Р. Кызыргулов, президент Академии наук РБ А.С. Гаязов, депутат Государственной Думы РФ М.Е. Бугера, руководитель Уфимского федерального исследовательского центра РАН А.Г. Мустафин и другие почетные гости, в числе которых представители Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Академии наук РБ, ведущих вузов республики, друзья, ученики, коллеги и родственники юбиляра.

Источник: <http://bagsurb.ru/news/detail.php?ID=28325>

Антиглобализационные тенденции в деятельности транснациональных корпораций

Anti-globalization Trends in the Activities of Transnational Corporations

DOI: 10.34773/EU.2020.1.2

О. ДРОНОВА, Ж. КОЗЛОВА

Дронова Ольга Борисовна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и производственного менеджмента Института экономики Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, доцент кафедры экономики и менеджмента Алтайского института экономики Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. E-mail: suholga.08@mail.ru

Козлова Жанна Михайловна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и производственного менеджмента Института экономики Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, доцент кафедры экономики и менеджмента Алтайского института экономики Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. E-mail: gannakozlova@mail.ru

Проведенный в статье отраслевой анализ ТНК из топ-100 выявил снижение доли добывающих и обрабатывающих производств в развитых странах. Показана общая тенденция расширения бизнеса в автомобильной и технологичных отраслях. Авторы статьи соглашаются с тенденциями замедления глобализационных процессов и приводят несколько примеров. Другая тенденция – это стремительный рост цифровых фирм в топ-100 международных ТНК. В статье также приведены способы влияния цифровизации на снижение глобализационных процессов.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, цифровые фирмы, глобализация, технологичные компании, протекционизм.

The industry analysis of TNC from the TOP-100 conducted in the article revealed a decrease in the share of mining and manufacturing industries in developed countries. The general tendency of business expansion in the automotive and technological sectors is shown. The author of the article agrees with the trends of the slowdown of globalization processes and gives several examples. Another trend is the rapid growth of digital firms in the TOP-100 international multinationals. The article also describes the ways in which digitalization affects the reduction of globalization processes.

Key words: transnational corporations, digital firms, globalization, technology companies, protectionism.

Существующие до недавнего времени процессы глобализации и международные потоки движения капитала между развитыми и развивающимися странами развивались через глобальные цепочки добавленной стоимости в рамках ТНК. Развитые страны опережали развивающиеся по темпам роста, то есть наблюдалось «верховенство глобальной экономики над национальной политикой» [1; 3].

В 100 ведущих ТНК в странах с развивающейся экономикой замедляются темпы глобализации (доля иностранных активов составляет 0,9 % в 2016 г. к 2015 г. [6, 29], там увеличивают свои масштабы крупные национальные предприятия). Например, у китайского конгломерата HNA Group Co Ltd. из всех активов 155 млрд долл. только третья часть (47,5 млрд долл.) – иностранные [5].

За 2018 год увеличили активы европейские и китайские автомобильные компании: немецкая BMW Group поднялась с 49 на 46 место, SAIC Motor (Китай) поднялась с 43 на 32 место по объему реализации и с 405 на 273 по активам, Renault – с 350 на 242 место [5].

Заметным исключением является компания General Motors (Соединенные Штаты Америки), которая, следуя стратегии национализации, лишается активов по всему миру и вышла из рейтинга топ-100 в 2017 г. в первый раз [5].

Технологичные компании наиболее ярко представлены американскими Alphabet, которая поднялась с 63 на 44 место по объему реализации в 2018 г. по сравнению с 2017 г. и перешла

с 210 на 162 место по величине общих активов; Amazon, которая увеличила выручку за 2018 год и сдвинулась с 25 на 16 место; Intel, которая поднялась со 121 места на 110 место, а также IBM, опустившаяся с 76 на 82 место, и Microsoft (с 67 на 53 место) [5].

Нефтедобывающие компании: ExxonMobil (США) по активам спустилась с 100 на 102 место, Total (Франция) – с 121 на 130 место, BP (Великобритания) – с 14 на 121 место [5].

Среди торговых корпораций и розничных сетей ТНК Carrefour (Франция, 57,4 млрд долл. общих активов, убыток 0,64 млрд долл. в 2018 г.) и Tesco (Великобритания, 61,8 млрд долл. общих активов) долгое время пытались завоевать долю рынка в развивающихся странах, но потерпели неудачу, не став лидерами на рынке, и покинули рейтинг топ-100 (табл. 1, 2).

Таблица 1

Тенденции международных ТНК в разрезе видов деятельности и нахождению штаб-квартир, 2012–2017 гг. (количество фирм) [7, 32]

Вид деятельности	2012 г.	2017 г.	Страна	2012 г.	2017 г.
Добыча полезных ископаемых	19	13	США	24	20
Производство машин и оборудования	13	13	Великобритания	17	14
Производство лекарств	10	12	Франция	13	12
Предоставление коммунальных услуг	10	9	Германия	9	11
Оптовая и розничная торговля	10	6	Япония	9	11
Производство продуктов питания	9	8	Швейцария	6	5
Производство высокотехнологичных машин и оборудования	7	15	Ирландия	–	4
Связь	6	7	Другие развитые страны	22	23
Другие промышленные виды деятельности	12	13	Развивающиеся страны	7	8
Другие непромышленные виды деятельности	4	4	Китай	3	4
Всего	100	100	100	100	

Как видно из таблицы 1, с 2012 года количество высокотехнических компаний выросло более чем в два раза, в результате восемь цифровых компаний оказались на верхних строчках рейтинга: Samsung Electronics Ltd (Республика Корея, поднялась за 2018 г. с 130 на 114 место по величине активов, с 15 на 11 место по объему реализации), SAP SE (Германия, поднялась за 2018 г. с 394 на 360 место по величине активов), Nokia OYJ (Финляндия, поднялась за 2018 г. с 399 на 362 место по величине активов), Hitachi Ltd (Япония, поднялась за 2018 г. с 358 на 280 место по величине активов), Amazon.com (США, поднялась с 370 на 253 место по величине активов, с 25 на 16 место по объему реализации), Broadcom (Сингапур, поднялась с 395 на 355 место по величине активов), корпорация Intel (США, опустилась с 235 на 251 место по величине активов, поднялась с 121 на 110 место по объему реализации), Oracle Corporation (США, поднялась с 305 на 230 место по величине активов) и Tencent Holding Ltd (Китай, поднялась с 377 на 305 место по величине активов) [5].

Данные [6, 172] подтверждают структурную перестройку мировой экономики от традиционно доминирующих отраслей добычи полезных ископаемых, нефтедобычи и торговли в сторону технологичных и фармацевтических компаний.

Так, американские фармацевтические компании McKesson, CVS Health, AmerisourceBergen, Cardinal Health, не имея достаточной величины иностранных активов (в 2017 не вошли в рейтинг топ-100), тем не менее находятся на верхних строчках рейтинга global-2000 (на 11, 13 местах – McKesson; на 14, 17 местах – CVS Health; на 23, 24 местах – AmerisourceBergen и на 31, 34 местах – Cardinal Health по объему реализации соответственно в 2017 и 2018 гг.). Johnson & Johnson, Procter & Gamble и Pfizer входят в топ-100 и за 2018 год увеличили свои активы (Johnson &

Johnson сменила место в рейтинге по величине активов за 2018 г. – с 275 на 209 место, Procter & Gamble – с 320 на 257 место, Pfizer – с 230 на 203 место) [5].

В теории цифровизация влияет на снижение глобализационных процессов двумя способами [4; 6]:

– через интернет-рынки. Традиционные ТНК выходят на зарубежные рынки на итоговом этапе цепочки создания стоимости через прямые иностранные инвестиции (ПИИ) (например, розничные сети сбыта, продажи и маркетинговые операции) или путем создания зарубежных производственных мощностей, которые реализуют товар через местных дистрибьюторов. Цифровые ТНК могут обойтись без этого. Они взаимодействуют с потребителями онлайн и часто распространяют продукцию через сторонние каналы. На зарубежных рынках они открывают местные корпоративные офисы для минимального представительства.

– через цифровые цепочки создания стоимости. Цифровизация влияет не только на итоговые этапы, но и зачастую на процесс производства. Цифровизация производства и операций осуществляется различными методами: полностью цифровые продукты и услуги (например, интернет-платформы), оцифровка продуктов (например, цифрового контента) и оцифровка отдельных частей продукции. Цифровые ТНК характеризуются центральной ролью интернета в их работе и моделью доставки.

Они включают в себя чисто цифровых игроков (интернет-платформы и провайдеры цифровых решений – предприятия с цифровым преобразованием, управляемые через интернет, например, поисковые системы, социальные сети и другие платформы, другие интернет-игроки и цифровые устройства, такие как электронные и операторы цифровых платежей, облачные проигрыватели и другие поставщики услуг), которые полностью работают в цифровой среде, и смешанных игроков.

Компании, предоставляющие информационные и коммуникационные услуги, играют роль провайдеров, делая интернет средством первой необходимости для частных лиц и производственных фирм.

Как результат – процессы купли-продажи происходят в основном в интернете и, таким образом, их невозможно отследить и привязать к конкретной стране. В этом контексте традиционные мотивы для осуществления ПИИ ослабевают или могут быть недостаточными для компенсации затрат на размещение или координацию и управление ПИИ. Это происходит в результате сокращения затрат на рабочую силу или издержек на торговлю в результате интернет-операций [6].

Таблица 2

**Динамика имущества, доходов и занятости топ-100 ТНК в 2015 году
(в процентах к 2010 г.) [6]**

Показатели	100 крупнейших ТНК по всему миру					
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Активы (технологичные компании)	100	112	125	137	148	165
Выручка (технологичные компании)	100	106	110	116	121	135
Занятость (технологичные компании)	100	105	110	115	120	125
Активы (телекоммуникационные компании)	100	99	98	99	99	99
Выручка (телекоммуникационные компании)	100	95	90	92	91	92
Занятость (телекоммуникационные компании)	100	110	93	95	99	92
Активы (прочие компании)	100	101	101	103	101	103
Выручка (прочие компании)	100	101	102	103	96	91
Занятость (прочие компании)	100	101	101	100	100	92

В научной литературе нет единой оценки данного процесса: одни авторы видят в цифровизации новые возможности, другие – значительное снижение занятости.

Мнение последних подтверждается тенденциями в области занятости, которые представлены в таблице 2. В компаниях, предоставляющих телекоммуникационные и другие услуги, уровень занятости не изменялся так же, как активы и выручка, что характеризует отсутствие явного влияния цифровизации на рабочие места в этих ТНК на сегодняшний момент времени, но в будущем ситуация может значительно измениться.

Количество работников технологичных ТНК возросло примерно на 5 % ежегодно с 2010 по 2015 год. Этот темп прироста коррелирует с темпом прироста доходов, но значительно ниже, чем темп прироста имущества, который отмечался на уровне 11 % в год.

Данная тенденция объясняется, с одной стороны, увеличением количества рабочих мест в технологических ТНК по мере их роста, а с другой – главным становится накопление имущества в ущерб занятости.

Это объясняется, по мнению одних авторов [2, 7], развитием робототехники, искусственного интеллекта, аддитивных инноваций в промышленности. Новые технологии приведут в итоге к полной замене ручного труда роботами, и дешевая рабочая сила из развивающихся стран станет не нужна. Данный факт потребует от ТНК перенести свои производства ближе к потребителям продукции для снижения транзакционных издержек производства.

По мнению других [1], занятость в других отраслях снижается за счет сокращения рабочей силы в результате автоматизации рутинных процессов, а применение аддитивных технологий еще достаточно затратно для большинства стран.

Тем не менее, тенденции замедления глобализационных процессов и сдвигов в мировой торговле в результате цифровизации заставляет ТНК искать новые направления развития.

Литература

1. Клинов В. Сдвиги в мировой экономике в XXI веке: проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 114–127.
2. Кондратьев В. Новый этап глобализации: особенности и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 6. С. 5–17.
3. Bhattacharya A., Khanna D., Schweizer C., Bijapurkar A. The New Globalization: Going Beyond the Rhetoric. 2017. April [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/new-globalization-going-beyond-rhetoric.aspx>
4. Eden L. Multinationals and foreign investment policies in a digital world. E15Initiative, International Centre for Trade and Sustainable Development and World Economic Forum. Geneva. 2016. January [Электронный ресурс]. URL: <http://e15initiative.org/wp-content/uploads/2015/09/E15-Investment-Eden-Final.pdf>
5. The World's Biggest Public Companies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/global2000/list/#header:country>
6. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. Geneva, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf
7. World investment report 2018. Investment and new industrial policies. New York and Geneva, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf

Цифровизация и домохозяйства: неравенство возможностей и дифференциация состояния

Digitalization and Households: Inequality of Opportunity and Differentiation of Status

DOI: 10.34773/EU.2020.1.3

**З. ИБРАГИМОВА, Н. ИШМУХАМЕТОВ,
Г. РОССИНСКАЯ**

Ибрагимова Зульфия Фануровна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: badertdinova@mail.ru

Ишмухаметов Наиль Салаватович, канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: IshmukhametovNS@bashedu.ru

Россинская Галина Михайловна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: g-ross@mail.ru

В работе представлен анализ процессов цифровизации и цифрового неравенства. Выделены ключевые направления исследования цифрового расслоения, факторы возникновения цифрового неравенства и их взаимосвязь с неравенством возможностей и дифференциацией состояния домохозяйств. Проведен краткий анализ взаимосвязи между социально-экономическим неравенством и процессами цифровизации. Показана роль современных цифровых технологий в снижении неравенства в обществе.

Ключевые слова: процессы цифровизации, цифровое неравенство, цифровое расслоение, домохозяйства, человеческий потенциал, доступ к сети, цифровая грамотность.

The paper presents an analysis of the processes of digitalization and digital inequality. The key areas of research of digital divide, factors of digital inequality and their relationship with inequality of opportunities and differentiation of household status are identified. A brief analysis of the relationship between socio-economic inequality and digitalization processes is carried out. The role of modern digital technologies in reducing inequality in society is shown.

Key words: digitalization processes, digital inequality, digital divide, households, human potential, network access, digital literacy.

Процессы цифровизации экономики и общества породили феномен цифрового неравенства или расслоения (Digital inequality; Digital divide). Его связывают с любым неравномерным распределением доступа к информационно-коммуникационным технологиям и/или их использованием между людьми и различными группами, которые могут быть определены на основе социальных, географических или других критериев.

В работе [3] отмечается, что за последние годы концепция цифрового неравенства развивалась в двух ключевых направлениях: многомерное (Multidimensional) и многоуровневое (Multilevel) цифровое неравенство.

В рамках многомерного подхода к исследованию цифрового неравенства подчеркивается, что доступ к цифровым технологиям и их использованию различаются даже среди людей, имеющих официальный доступ к интернету, привлекая внимание к пяти ключевым аспектам цифрового неравенства:

1) различия в оборудовании или технологиях, используемых людьми для доступа в интернет и позволяющих им с разной степенью эффективности взаимодействовать с онлайн-контентом. В случае с оборудованием это, как правило, различие по типу устройств (стационарные или мобильные), а в вопросе технологий это, во-первых, способ обеспечения доступа к сети (мобильный, фиксированный, спутниковый) и, во-вторых, поколение связи (от первых сетей

с цифровой передачей (2G) до сетей третьего (3G) и четвертого (4G) поколений, а также внедряемые в наше время сети 5G и планируемые к внедрению на рубеже 2020–2030-х гг. сети 6G);

2) различия в «автономности» использования интернета, то есть учет таких моментов, как наличие доступа пользователей к сети только с рабочего места или только из дома, наличие контроля за использованием сети, частота использования, наличие конкуренции с другими пользователями за время и доступ, а также степень, в которой использование сети ограничено фильтрами, и т.п. При этом особое внимание уделяется автономности домашнего доступа к сети, который обеспечивает наибольшие возможности для обучения, увеличения доходов и участия в производстве цифрового контента, а также возможность получить доступ к интернету из частного, то есть более безопасного пространства;

3) различия в уровне квалификации, которую индивиды привносят в свое использование интернета, то есть в уровне «цифровой грамотности» пользователей – их способности прагматично и интуитивно реагировать на онлайн-вызовы и возможности, а также способности осваивать новые технологии и мобилизовать информационные ресурсы для достижения повседневных целей и задач. Индивиды, обладающие более высоким уровнем цифровых навыков, обычно включают больше технологий в свое обучение, проявляют больше доверия к онлайн-взаимодействиям, меньше сомневаются в поиске надежной информации в интернете и лучше умеют использовать преимущества новых технологий;

4) различия в уровне социальной поддержки, на которую могут рассчитывать пользователи интернета и которая может включать официальную техническую помощь, техническую и эмоциональную помощь от друзей и семьи;

5) различия в целях, для которых индивиды используют интернет. Например, это может быть развитие человеческого капитала либо социального капитала, политического, потребительского, медийного (капитала позитивной известности) и т.д., включая неравенство в создании и использовании цифрового контента.

В осмыслении многоуровневой динамики цифрового неравенства возможны два ключевых подхода, которые фокусируются на влиянии:

а) «привязки к местности», когда местная цифровая и социальная инфраструктура может влиять на то, как жители определенного района проживания взаимодействуют с цифровыми ресурсами, в том числе путем воздействия на местные затраты, доступность и скорость подключения к интернету, возможности для обучения и поддержки. Такие факторы, как сегрегация и концентрированная бедность, также могут создавать диспропорции в доступе к интернету и его использованию даже в тех районах, где имеются развитые сети;

б) социальных сетей, когда взаимодействие человека с человеком играет роль в цифровой адаптации, а социальные отношения людей влияют на ценность, которую они придают своему вхождению в круг интернет-пользователей. Отсюда цена, которую люди готовы платить за доступ к интернету, вероятно, будет иметь тенденцию роста по мере того, как все больше людей в социальном окружении начинают им пользоваться. Это, в свою очередь, может привести к менее активному цифровому взаимодействию среди малоимущих слоев населения.

Следует отметить, что факторы возникновения цифрового неравенства дифференцированы в зависимости от типа рассматриваемых субъектов: индивиды и домохозяйства (население); фирмы и некоммерческие организации; регионы внутри стран и страны мира.

Далее, специфика исследования каждого из указанных типов (например, домохозяйств) обусловлена экономическим уровнем анализа. Так, если рассматривается одно домохозяйство (микроуровень), то не принимается во внимание территориальный фактор дифференциации, который, однако, будет актуален для мезо- и макроуровней (населения региона, страны) и даже совокупности домохозяйств в пределах одного населенного пункта. В особенности это касается крупных городов, где можно проследить линию разграничения между престижными и спальными районами, тесно связанную с социальным расслоением общества. Не секрет, что цифровые технологии «умных» домов постепенно становятся массовыми и распространяются на большинство городских домов, но первыми пользователями этих технологий на протяжении ряда лет

оставались жители престижных районов. И если для городской среды свойственно некоторое технологическое «подтягивание» отстающих районов к уровню развитых, то в случае с территориальной дифференциацией региона все гораздо сложнее. Долгие годы услуги телефонной мобильной связи были доступны только жителям крупных и средних городов, затем малых городов и райцентров. В настоящее время покрытие мобильной связью сотовых операторов оставляет желать лучшего во всех отдаленных регионах страны. В современных условиях наличие или отсутствие мобильной связи в населенном пункте для многих становится немаловажным критерием при принятии решения о покупке или строительстве жилья.

Мы находимся в середине цифровой революции, и поэтому исследование взаимосвязи между социально-экономическим неравенством и феноменом цифровизации особенно актуально. С одной стороны, облегчая и удешевляя доступ к информации и делая ее доступной для всех без какой-либо дискриминации, интернет является источником сокращения неравенства. С другой стороны, цифровизация и развитие передовых технологий являются причинами расширения неравенства. В целом цифровая экономика приносит с собой ряд возможностей, а также новые вызовы и правила игры для индивидов. При цифровой трансформации положение индивидов во многом зависит от их способности адаптироваться к новым условиям. Проанализируем роль современных цифровых технологий в снижении неравенства в обществе.

Во-первых, цифровые технологии расширяют доступ к образованию и профессиональной подготовке. Например, массовые открытые онлайн-курсы запускают процесс непрерывного наращивания человеческого капитала, тем самым способствуя снижению разрыва между бедными и богатыми.

Во-вторых, коммуникации с помощью технических средств приносят пользу работникам, находящимся на периферии. Можно отметить онлайн-платформы электронной коммерции, позволяющие мелким производителям продавать свою продукцию по всему миру¹.

В-третьих, внедрение цифровых технологий позволило в широких масштабах предоставлять различные услуги малоимущим².

В-четвертых, трансформация видов и способов трудовой деятельности в условиях глобализации и цифровизации экономики способствует уравниванию возможностей³.

В-пятых, интернет повышает уровень социальной интеграции, что приводит к более активным действиям индивидов, которые в свою очередь поднимают мотивацию. Общение через интернет, а также работа в социальных сетях повышают уровень социальной поддержки, самооценки, повышая в конечном итоге социальный капитал индивида.

Однако влияние цифровых технологий на уровень неравенства не столь оптимистично. По мнению некоторых исследователей, рост информатизации в конце тысячелетия был связан с

¹ Например, в Китае онлайн-торговцы из деревень Таобао создали стартапы с помощью электронной коммерции, чтобы увеличить доходы и «вырваться» из бедности. Если на начальном этапе они были сосредоточены на розничной торговле через интернет, то в настоящее время они демонстрируют тенденцию диверсифицированного развития с появлением различных моделей, таких как онлайн-розничная торговля, онлайн-оптовая торговля, трансграничная электронная коммерция и сельский туризм. Одним из главных препятствий на пути развития деревень Таобао является «цифровое неравенство». Широкополосный доступ все еще ограничен в сельской местности. В большинстве деревень все еще есть только 1 % домашних хозяйств, подключенных к широкополосной связи. Проникновение интернета в сельских районах Китая составляет всего 30 % по сравнению с более 60 % в городских районах. Подробнее см.: [7].

² Например, распространение мобильных денег в Кении способствовало снижению уровня бедности, повышению сбережений, переходу женщин для работы из сельского хозяйства в сферу бизнеса и розничной торговли [6]. В странах Африки к югу от Сахары с 2014 года владение средствами на мобильном счете почти удвоилось. Технологическая платформа, основанная на биометрической идентификации Aadhaar, открыла малоимущим доступ к кредитам в Индии [5].

³ В новых условиях каждый может демонстрировать и использовать свои таланты без привязки к определенному месту. Цифровые технологии повышают производительность труда работников, подчеркивают важность таланта и повышают индивидуальный потенциал. Все это способствует большей профессиональной свободе, уменьшению уровня гендерной дискриминации, ликвидации социальной классовой дискриминации, а также позволяет снизить расовые предрассудки, способствуя толерантности.

ситуациями растущего неравенства и большей изоляции. Отметим некоторые пессимистические мнения о вкладе интернета в снижение неравенства:

- инновации в коммуникационных технологиях позволяют работникам оставаться на связи круглосуточно, что делает рабочий день ненормированным и может привести к ситуациям трудовой эксплуатации, стрессам и ухудшению здоровья;

- виртуальная компания позволяет нанимать рабочих из любых мест для конкретных проектов и задач на короткое время, что приводит к большей уязвимости сетевых работников и снижению их социальных гарантий;

- цифровой разрыв среди населения является источником роста уровня несправедливости. Из-за технологического прогресса многие рабочие места со средним и низким уровнем квалификации исчезают, что приводит к росту неравенства, снижению участия рабочей силы и стагнации доходов среднего класса. Кроме того, в цифровую эпоху усиливается обычный технологический разрыв между лидерами рынка и их последователями, что способствует усилению разрыва в заработной плате работающих в этих фирмах индивидов;

- цифровые технологии требуют больших профессиональных навыков от индивидов, что обуславливает значительный разрыв в заработной плате между квалифицированными и неквалифицированными работниками.

- компьютерные коммуникации способствуют социальной дезинтеграции индивидов и могут представлять собой источник маргинализации.

Исследования показывают, что для того, чтобы люди с низкими доходами и другие уязвимые группы могли видеть преимущества цифровизации, необходимы по крайней мере три условия [4]:

- 1) наличие инфраструктуры информационных и коммуникационных технологий, которая необходима для функционирования приложений, включая онлайн-платежи.

- 2) знания и навыки использования технологий должны быть в состоянии помочь в решении проблем, связанных с устойчивым развитием, путем предоставления прикладных программ и решений, ориентированных на охват бедных слоев населения в отдаленных сельских районах и предоставление услуг и информации, которые сужают различные формы неравенства.

- 3) возможности доступа к технологиям, которые удовлетворяют потребности групп с низким уровнем дохода. Обычно технологии разрабатываются фирмами, стремящимися к получению прибыли и, соответственно, отвечающими потребностям более богатых.

Домохозяйство – базовый субъект реализации потребительской функции в экономической системе [2, 52]. Именно потребности и возможности потребителей в конечном счете определяют спрос на цифровые технологии со стороны как непосредственно самих потребителей, так и организаций. Поскольку денежные доходы домохозяйств – важнейший фактор формирования спроса, дифференциация доходов домохозяйств во многом определяет разрыв в доступе домохозяйств – потребителей – к цифровым технологиям, точнее, дифференциацию их возможностей получения доступа к цифровым технологиям, что представляется особенно важным в разрезе функций семьи: экзистенциальной, производственно-хозяйственной, потребительской, рекреационной и др.

Так, за счет дифференциации доходов формируется неравенство в возможностях использования плодов модернизации и возможностей персонализации современной медицины, что порождает дифференциацию в реализации рекреационной функции семьи (возможности сохранения и восстановления здоровья), а также производственно-хозяйственной функции семьи: члены семьи выходят на рынок труда со своим человеческим капиталом, во многом детерминированным состоянием здоровья.

Чрезмерная социально-экономическая дифференциация домохозяйств влечет за собой ряд неоднозначных социально-экономических последствий на макроуровне [1, 78]. Неравенство возможностей домохозяйств по доходам обуславливает неравенство «цифровых» возможностей, что – через функции семьи – определяет неравенство в воспроизводстве человеческого потенциала семьи, являющемся основной, результирующей социально-экономической функцией домохозяйства. Различия в качестве человеческого потенциала семей, в свою очередь, на новом витке

спирали порождает неравенство возможностей, в частности, «цифровых» возможностей и т.д. Таким образом, формируется либо восходящая, либо нисходящая спираль: возможности семьи – «цифровые» возможности – дифференцированный продукт реализации этих возможностей (человеческий потенциал семьи) – новые возможности – новые «цифровые» возможности.

Итак, можно констатировать, что появилась еще одна форма неравенства – цифровой разрыв, который делит общество на два класса: информационную элиту, с одной стороны, и тех, кто не связан с сетью, – с другой. Этот разрыв определяется различиями в наличии физического доступа к интернету, возможностях использования сети с различных устройств и гибкости пространственного доступа. Факторы возникновения цифрового неравенства дифференцированы в зависимости от типа и уровня экономических субъектов. В ряду значимых факторов возникновения цифрового неравенства домохозяйств целесообразно выделить различия в цифровой грамотности. Вместе с тем, неравенство по доходам уменьшает шансы большинства россиян на получение «цифровых дивидендов» – преимуществ от использования цифровых технологий – и улучшение качества жизни.

Литература

1. Ибрагимова З.Ф., Ишмухаметов Н.С., Россинская Г.М. Социально-экономическая дифференциация потребления домохозяйств России в периоды экономического сжатия // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 4. С. 78–83.
2. Россинская Г.М. Социальная дифференциация населения: проявления в сфере потребления // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 6. С. 52–61.
3. Digital Inequality and Low-Income Households. HUD user. Fall 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.huduser.gov/portal/periodicals/em/fall16/highlight2.html>
4. Inequality in Asia and the Pacific. Chapter 4. Technology and Inequalities [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/06Chapter4.pdf>
5. Not just loans, SmartCoin brings financial health to low-income Indians [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/accion/not-just-loans-smartcoin-brings-financial-health-to-low-income-indians-ec22a161fe64>
6. Study: Mobile-money services lift Kenyans out of poverty [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mit.edu/2016/mobile-money-kenyans-out-poverty-1208>
7. Taobao Villages: How Ecommerce Helps China's Rural Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://sampi.co/taobao-villages-china-rural-ecommerce/>

Экономика совместного пользования в мировой экономике и России

Sharing Economy in the World Economy and in Russia

DOI: 10.34773/EU.2020.1.4

**Н. ИВАНОВА, В. ВЛЕЗКОВА,
Ю. ЛОГУНОВА**

Иванова Наталья Игоревна, канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики Института национальной и мировой экономики Самарского государственного экономического университета (СГЭУ). E-mail: cleotasha@rambler.ru

Влезкова Виктория Игоревна, канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики Института национальной и мировой экономики СГЭУ. E-mail: vlezkova@yandex.ru

Логунова Юлия Александровна, магистрант Института национальной и мировой экономики СГЭУ. E-mail: yuliyalogunovaa@gmail.com

В статье рассматриваются факторы становления экономики совместного пользования в России, приводится характеристика ее основных сегментов. Особое внимание уделяется изучению проблемы регулирования экономики совместного пользования в России и поиску путей его оптимизации на основе мирового опыта.

Ключевые слова: экономика совместного пользования, краудфандинг, каршеринг.

The paper examines the factors of sharing economy evolvement in Russia, discusses its key segments. Special attention is paid to the analysis of sharing economy regulation in Russia. Basing on the world experience the authors attempt to find ways to optimize the regulation.

Key words: sharing economy, crowdfunding, carsharing.

Экономика совместного пользования (ЭСП) (англ. sharing economy) – это основанная на взаимном доверии экономическая система, участники которой (домохозяйства и фирмы) используют онлайн-платформы для заключения и снижения стоимости коммерческих транзакций, состоящих во временном предоставлении прав пользования (без передачи прав владения) на незадействованные ресурсы в созданных ими одноранговых сетях. Основные характеристики ЭСП включают в себя: совместное использование незадействованных активов, доступ к активам по востребованию через ИТ-платформу, высокую степень личного взаимодействия экономических агентов, а также стремление к потреблению на устойчивом и предсказуемом уровне. ЭСП способствует:

- созданию производителями продуктов с удлинённым жизненным циклом;
- продуманной плановой утилизации;
- разумной эксплуатации приобретаемых товаров;
- качественному сервису и техническому обслуживанию;
- экономии сырья и энергии [3].

В последние годы ЭСП стремительно развивается, и, в соответствии с исследованиями PwC, ключевые секторы экономики совместного пользования могут увеличить глобальные доходы примерно с 15 млрд долл. (2013 г.) до 335 млрд долл. к 2025 г. [9, 14].

Целью данной работы является исследование перспектив экономики совместного пользования в России на основе достижений мирового опыта.

Существование ЭСП в России обеспечивается Конституцией, которая предоставляет право на пользование и распоряжение имуществом совместно с другими лицами в целях реализации деятельности, не запрещенной законом [2].

На особенности формирования ЭСП в России оказывают влияние следующие факторы. Во-первых, неравномерное социально-экономическое развитие регионов РФ, вследствие чего предложение услуг в ЭСП и спрос на них концентрируются преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге. Во-вторых, неравномерное развитие транспортной сети в России стало толчком роста рынка карпулинга в стране (16 млн пользователей на конец 2018 г.). Наконец, повышение участия в ЭСП стимулируют присущие ей социальные выгоды: появление у людей возможности ощущать свою принадлежность к определенной группе, устанавливать и поддерживать социальные отношения.

Считается, что дальнейшее развитие ЭСП в РФ способно внести вклад в решение многих задач, сформулированных в Указе Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. Так, например, рост карпулинга с текущих 10 до 50 % может привести к 15%-ной разгрузке федеральных трасс, в то время как при помощи краудфандинга можно финансировать запуск приложений (в том числе неигровых), что стимулирует внедрение цифровых технологий [1].

Пользователями ЭСП в России является преимущественно население в возрасте до 30 лет (58 % пользователей) с уровнем ежемесячного дохода 25–50 тыс. руб. (40 %) или 75 тыс. руб. (40 %), проживающее в городах-«миллионерах» (73 %) [1].

В 2018 г. объем транзакций на основных платформах ЭСП в России достиг 511 млрд руб., это на 30 % выше показателя 2017 г. (392 млрд руб.). В отличие от ключевых секторов ЭСП в странах с формирующимся рынком (транспорт, логистика, сотрудничество в сфере труда и сельского хозяйства), в России критически важными сегментами являются одноранговые транзакции и услуги (фриланс), совместное использование автомобилей (каршеринг и карпулинг), жилых и офисных помещений.

Основная доля сделок в рамках ЭСП (72 % от объема транзакций в 2018 г.) приходится на одноранговые транзакции между пользователями по модели с2с – 370 млрд руб. Следующими крупными сегментами являются р2р-услуги (биржи фрилансеров) (98 млрд руб.), каршеринг, карпулинг (26,7 млрд руб.) и совместное использование жилых и офисных помещений (15,5 млрд руб.) [1, 14]. Несмотря на незначительные объемы транзакций в рамках ЭСП в России, практически все сегменты за последний год продемонстрировали существенный рост: каршеринг (154,9 %), р2р-аренда вещей (125 %), карпулинг и совместное проживание (69 %), совместное использование офисов и краудфандинг (34 %). Аналитики JPMorgan подтверждают, что каршеринг в Москве по количеству пользователей является одним из наиболее динамично развивающихся в мире [4].

На данный момент в России органы власти применяют следующие меры законодательного воздействия на ЭСП [1]:

- выдача лицензий и разрешений. Например, в Москве Uber работает только с водителями, у которых есть лицензия на такси;
- введение налогов. В 2016 г. были приняты поправки в Налоговый кодекс РФ («налог на Google»), предполагающие введение НДС в размере 20 % для иностранных компаний, ведущих интернет-торговлю на территории РФ;
- утверждение стандартов. В 2018 г. депутатами ГД РФ был внесен законопроект «Об альтернативных способах привлечения инвестиций», который призван установить правовое регулирование отношений, возникающих в процессе краудфандинга [5];
- закрепление правового статуса участников ЭСП. В 2017 г. в Гражданском и Налоговом кодексах РФ был определен правовой статус самозанятых граждан, что позволяет им оказывать некоторые виды услуг (репетиторство, уборка, уход за пожилыми людьми и др.), не регистрируясь в качестве ИП;
- мониторинг. С июля 2015 г. ЦБ РФ проводит добровольный мониторинг российских платформ р2р-кредитования. Также ЦБ планирует разработать систему контроля над рынком альтернативных финансов.

Исходя из незначительного объема сделок внутри ЭСП в России по сравнению с остальным миром, мы решили сосредоточиться на поиске возможностей внесения изменений в действующее российское законодательство в отношении ЭСП, чтобы сделать его эффективнее и стимулировать

дальнейшее развитие ЭСП в стране. Изначально мы сфокусировали исследование на изучении существующей нормативно-правовой базы на других развивающихся рынках. В результате мы обнаружили, что эти страны обычно сталкиваются с определенными регулятивными проблемами, которые являются естественными последствиями уровня их экономического развития: низкий уровень доверия среди населения, неудовлетворительные технологии, недостаточное распространение интернет-торговли.

Материалы статьи основаны на исследованиях на примере развитых государств, в первую очередь США и Великобритании – странах, которые в настоящее время являются лидерами по развитию ЭСП. Согласно опросу PwC, 19 % американцев участвуют в сделках, связанных с ЭСП, а 7 % являются поставщиками услуг. Из 62 % населения Великобритании (пользователей ЭСП) более 38 % используют платформы общего доступа по крайней мере один раз в месяц; около 11 % населения участвуют в ЭСП в качестве поставщиков услуг [9].

В результате нами были определены наиболее распространенные инструменты регулирования ЭСП в США и Великобритании: лицензии, разрешения; ведение реестров; введение налогов и сборов; установление стандартов и требований; страхование; меры, направленные на защиту безопасности и здоровья потребителей; распределение парковочных мест и преимущественных прав движения в пользу пользователей каршеринга и карпулинга и соответствие прочим законам [7, 21; 8, 147–202].

Согласно опросу PwC, 25% американцев поддерживают необходимость регулирования ЭСП, 28 % выступают против. 30 % населения Великобритании поддерживает необходимость регулирования ЭСП, 90 % респондентов считают существующее регулирование «адекватным и уместным» [7].

Изучив мировой опыт государственного регулирования и стимулирования ЭСП, в российских условиях мы предлагаем дополнительно внедрить следующие инструменты:

- введение обязательного лицензирования ЦБ РФ платформ краудфандинга и p2p-кредитования;
- создание системы межплатформенного контроля и блокировки мошенников в России;
- введение страхования пользователей ЭСП;
- защита потребителей (утверждение стандартов и принятие законов, защищающих конфиденциальность пользователей ЭСП).

Подводя итоги, следует отметить, что экономика совместного пользования является социально-экономической моделью, которая быстро развивается в России. Она уже вносит значительный вклад в развитие национальной и региональной экономики. Залогом дальнейшего развития ЭСП является готовность людей пересмотреть свое восприятие собственности как символа материального достатка, а также преодолеть определенные психологические проблемы, связанные с высоким уровнем недоверия в стране. Кроме того, необходима дальнейшая модификация законодательства, которая бы способствовала дальнейшему развитию ЭСП и росту предпринимательства в России. Мы уверены, что со временем экологические и экономические преимущества ЭСП послужат стимулом развития совместного пользования в нашей стране.

Литература

1. Губицын А. Экономика совместного потребления в России 2018 // ТИАР-Центр [Электронный ресурс]. URL: https://tiarcenter.com/wp-content/uploads/2018/11/RAEC_Sharing-economy-in-Russia-2018_Nov-2018.pdf
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Перепелкин В.А. Экспансия услуг в глобальной экономике как результат замены владения совместным использованием благами // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 5 (127). С. 11–15.

4. Посыпкина А., Баленко Е., Балашова А. Как рынок каршеринга в Москве оказался самым быстро-растущим // РБК. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/09/2018/5bab94a69a79474169e307c1
5. Проект Федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.01.2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=168073#04544304748533827>
6. Barkhatov V., Lymar E., Silova E. Sharing Economy in Russia: a Problem of Trust // Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. January.
7. Information Note – Regulation of Crowdfunding in Selected Places. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legco.gov.hk/research-publications/english/1617in17-regulation-of-crowdfunding-in-selected-places-20170721-e.pdf>
8. Miller Stephen R. First Principles for Regulating The Sharing Economy // Harvard Journal on Legislation. Vol. 53. 2016. Pp. 147–202.
9. The Sharing Economy: Consumer Intelligence Series. PricewaterhouseCoopers LLP, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.fr/fr/assets/files/pdf/2015/05/pwc_etude_sharing_economy.pdf

Цифровая трансформация агропромышленного комплекса: российский опыт

Digital Transformation of the Agro-industrial Complex: Russian Experience

DOI: 10.34773/EU.2020.1.5

Д. МУСИНА, А. ЯНГИРОВ, С. НАСЫРОВА

Мусина Дилара Раисовна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности» Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: musnad@yandex.ru

Янгиров Азат Вазирович, д-р экон. наук, и.о. ректора Института развития образования Республики Башкортостан. E-mail: yangirovav@isi-rb.ru

Насырова Светлана Ирековна, канд. экон. наук, заместитель директора по научной работе Института стратегических исследований Республики Башкортостан. E-mail: nasirovasi@isi-rb.ru

В статье рассмотрены современные методы и инструменты цифровизации сельского хозяйства Российской Федерации. Выделены направления, объекты, задачи цифровизации на макро- и микроуровнях. Приведены современные информационные отраслевые системы, применяемые в России в целом и в отдельных субъектах Федерации на макроуровне, и разработки в сфере информационных технологий на микроуровне. Обосновано развитие проекта создания подплатформы «Агрокоммуникации» в рамках Информационно-аналитической системы агропромышленного комплекса Республики Башкортостан.

Ключевые слова: региональная экономика, агропромышленный комплекс, управление, автоматизированная информационная система, цифровая коммуникационная платформа.

The article discusses modern methods and tools of digitalization of agriculture of the Russian Federation. Directions, objects, digitalization tasks at macro and micro levels are highlighted. The modern information industry systems used in Russia as a whole and in individual subjects of the Federation at the macro level and developments in the field of information technology at the micro level are presented. The development of the project of creating a sub-platform «Agrocommunication» within the framework of the Information and analytical system of the agro-industrial complex of the Republic of Bashkortostan is justified.

Key words: regional economy, agro-industrial complex, management, automated information system, digital communication platform.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 19-410-020028 p_a.

В настоящее время реалии развития мировой экономики таковы, что для обеспечения конкурентоспособности стран и отраслей необходимо применение современных цифровых технологий [2; 3].

В настоящее время цифровизация отрасли ведется на макро- и микроуровнях. Макроуровень – отраслевой. Здесь решаются отраслевые управленческие проблемы планирования, организации, контроля. На данном уровне инициативы исходят от Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и министерств сельского хозяйства субъектов Федерации. Основным рабочим документом, определяющим направления цифровизации агропромышленного комплекса, выступает ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» [5]. Документ содержит общее видение, обоснование актуальности, план реализации и паспорт проекта. Готовым продуктом должна стать цифровая платформа государственного управления сельским хозяйством. В 2019 году в рамках проекта в регионах формировались базы данных по землям сельскохозяйственного назначения (Единая федеральная информационная система), по сельскохозяйственной технике (АИС «Гостехнадзор-Эксперт»), по поголовью скота (с помощью микрочипов) и семенному фонду (ФГИС «Семеноводство»), которые будут давать полное объективное представление об объекте стратегического и тактического управления, а также инструменты оперативного управления: «АгроКомпас», «Агрорешения» и др. [5].

На региональном уровне сведения из перечисленных информационных систем будут доступны в Информационно-аналитической системе АПК Республики Башкортостан. Отметим, что объектом системы выступает отрасль, пользователями – органы государственного управления на разных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном).

На текущем этапе внедрения информационных систем на уровне субъектов Российской Федерации лидерами считаются 33 субъекта со следующими достижениями: в Белгородской области реализована АИС «Ситуационный центр департамента АПК», во Владимирской области – АИС «Карта агропромышленных предприятий», в Волгоградской области – АИС «Спутниковый мониторинг развития культур», в Костромской области – АИС «Инвестиционная карта Костромской области», в Краснодарском крае – две АИС «Полная паспортизация полей и хозяйств» и «Комплексный мониторинг состояния сельского хозяйства», в Липецкой области – АИС «Мониторинг спутниковых технологий Глонасс», в Ставропольском крае – АИС по выявлению используемой безотчетной земли и т.д. [10].

На микроуровне – уровне отдельных сельскохозяйственных предприятий и организаций, индивидуальных сельхозпроизводителей, цифровизация пока «точечная» и сводится к применению сельскохозяйственными компаниями отдельных ИТ-разработок и программных продуктов для реализации управленческих функций, редко – корпоративных систем уровня ERP.

Вместе с тем, на микроуровне современные ИТ-разработки в сельском хозяйстве направлены на решение задач автоматизации производственных процессов и управленческих функций. В частности, технологии интернета вещей (системы контроля работы сельскохозяйственной техники с помощью специальных датчиков, системы автоматизированного управления фермами), технологии точного земледелия (для повышения качества агрорешений), робототехника [4].

Одна из основных проблем российских сельхозпроизводителей – низкая инвестиционная активность, что характерно для отраслей с множеством мелких производителей. В то же время инновационные исследования и разработки высоко рискованны и требуют значительных финансовых вливаний. В этой связи интересна идея кооперации в сфере инвестирования, создания фондов совместного инвестирования (например, Международный потребительский кооператив «Цифровая картель «Агариум», деятельность которого, как предполагается, будет направлена на совместное инвестирование участников в информационные, биомолекулярные технологии, ноу-хау и прочие современные технологии с целью дальнейшего совместного использования) [9].

В связи с тем, что сельхозпроизводители ограничены в инвестиционных ресурсах, для решения задач цифровизации на микроуровне также требуются усилия государства.

По нашему мнению, одним из элементов открытой цифровой платформы отрасли должна стать подплатформа или модуль «Агрокоммуникации», распределенная гетерогенная информационная система [3; 11].

В задачах по созданию цифровой сельскохозяйственной платформы указано снижение затрат на администрирование бизнеса [5; 6]. Одной из задач, решаемых в процессе эксплуатации подплатформы «Агрокоммуникации», станет снижение затрат сельскохозяйственных производителей на логистику и маркетинг. Потенциал снижения логистических издержек – коммерческие затраты в структуре цены сельскохозяйственной продукции, которые частично входят в полную себестоимость продукции (от 1,2 % до 11,6 % розничной цены по разным видам продовольственных товаров) и в наценки оптовых и торговых посредников. В целом оборот сферы торговли в конечной цене сельскохозяйственной продукции составляет от 18 до 43 % от розничной цены [8].

Мы считаем, что создание и запуск тестовой версии подплатформы «Агрокоммуникации» в рамках Информационно-аналитической системы АПК Республики Башкортостан вполне обоснованны. Доля АПК в валовом региональном продукте республики составляет 6,99 %, в то время как в целом по Российской Федерации доля АПК в валовом внутреннем продукте – 3,1 %. По численности населения РБ находится на седьмом месте в России. Потенциальный охват участников подплатформы: 703 сельскохозяйственных предприятия, 6321 – крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели, 1125 предприятий перерабатывающей промышленности [1].

Научная база для разработки проекта имеется и представлена рядом научных и образовательных учреждений республики, готовящих специалистов как для агропромышленного сектора, так и в сфере информационных технологий [7]. В дальнейшем отраслевой вуз республики сможет организовать обучающие курсы для пользователей по работе с цифровой платформой.

Запуск проекта станет одним из существенных инструментов для поддержки прежде всего субъектов малого и среднего предпринимательства, а также для развития сельхозкооперации.

Литература

1. Агропромышленный комплекс Республики Башкортостан. Паспорт по итогам работы в 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://apkrb.info/sites/default/files/doc/pdf/01-pasport-apk-rb-za-2017-otsenka-2018-090120192.pdf>
2. Буренина И.В. Инновационная инфраструктура для развития реального сектора Республики Башкортостан // Стратегия Республики Башкортостан – 2030: приоритеты экономического роста: сб. науч. ст. Всеросс. науч.-практ. конференции. 2017. С. 11–13.
3. Мусина Д.Р., Янгиров А.Р., Насырова С.И., Харитонов С.В. Методологическая база для проектирования региональной отраслевой цифровой платформы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 4. С. 40–43.
4. Орлова Н.В. Ключевые направления инновационного развития сельского хозяйства в мире и в России [Электронный ресурс]. URL: <https://inagres.hse.ru/data/2019/04/15/1178140100/%D0%9E%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf>
5. Программа «Цифровая трансформация сельского хозяйства» [Электронный ресурс]. URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/28f/28f56de9c3d40234dbdcbfac94787558.pdf>
6. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/
7. Сайфуллина С.Ф., Буренина И.В., Гайфуллина М.М. Формирование модели трансформации компетенций при реализации проектов Индустрии 4.0 в условиях действующего производства // Экономика и предпринимательство. 2018. № 12. С. 1146–1152.
8. Структура розничной цены. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43931>
9. Цифровая артель «Agrarium» [Электронный ресурс]. URL: <http://agrarium.io/>
10. Цифровая экономика и государственные информационные системы [Электронный ресурс]. URL: https://www.osp.ru/netcat_files/userfiles/Akron_2017/1.1_171001_Akron_prezentatsiya.pdf
11. Musina D., Kharitonov S., Turganov A., Nizamova G. Digital Communication Platform for the Agro-Industrial Complex // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 289. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Pp. 89–92.

Концепция построения единого цифрового пространства знаний

Concept of Building of a United Digital Space of Knowledge

DOI: 10.34773/EU.2020.1.6

Ш. МИНАСОВ

Минасов Шамиль Маратович, канд. техн. наук, доцент кафедры информатики Уфимского государственного авиационного технического университета. E-mail: minasov@ufanet.ru

В статье рассматриваются проблемы современной системы образования в рамках поставленных государством задач по его цифровизации, причины неэффективного формирования оцифрованного учебного контента и масштабы проблем, основные принципы формирования единого цифрового пространства для хранения и обработки когнитивного контента и механизмы поддержки учебного процесса с применением информационно-обучающих систем.

Ключевые слова: цифровизация образования, системы электронного обучения, цифровое пространство знаний, объектно-ориентированный подход к хранению учебного контента, концепция формирования цифрового пространства знаний.

The article discusses the problems of the modern education system in the framework of the goals set by the state for its digitalization, the causes of ineffective formation of digitized learning content and the extent of the problems, the basic principles of unified digital space formation for storage and processing of the cognitive content and support mechanisms of educational process with application of information and instructional systems.

Key words: digitalization of education, e-learning systems, digital knowledge space, object-oriented approach to the storage of educational content, concept of formation of a digital knowledge space.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 обновлены цели и задачи в областях науки и образования, суть которых сводится к обеспечению конкурентоспособности российского образования на мировом уровне и вхождению России в пятерку ведущих стран мира по научным исследованиям [1].

При этом в апреле 2018 г. съезд союза ректоров рассмотрел проблемы, среди которых: необходимость государственного финансирования фундаментальных исследований университетов, перевод всех издаваемых в России научных журналов на английский язык и бесплатное их распространение в иностранных библиотеках.

Вместе с тем в содержании мероприятий культивировалось повышение квалификации с участием зарубежных коллег, без понимания того, что таким образом обеспечивается бесплатная передача научных и педагогических достижений отечественной системы образования, а чтобы зарубежные коллеги не испытывали сложностей перевода отечественных публикаций, нас самих обязали переводить свои труды на иностранные языки и публиковать их в ведущих зарубежных научных журналах.

И, казалось бы, любой вид деятельности должен приносить прибыль, но интересно то, что, даже финансируя научную деятельность через систему грантов Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), государство требует передачи зарубежному сообществу всего интеллектуального продукта при этом бесплатно и на их языке. Особенно парадоксально положение о том, что в качестве критериев для отбора проектов на финансовую поддержку учитывается наличие у претендентов именно зарубежных публикаций, а не вклад в отечественную науку. Об этом свидетельствует то, что преподавателей вуза стали обязывать подтверждать свою квалификацию наличием подобных публикаций, и они вынуждены выкладывать за это, в том числе из собственного семейного бюджета, немалые средства, и все лишь ради того, чтобы обеспечить

заморских коллег наиболее легким для них способом овладения передовыми достижениями наших отечественных ученых и педагогов.

На XII съезде, состоявшемся 25 марта 2019 г., идея проекта «Вернадский» [4] о кооперации ведущих университетов столицы с университетами регионов и об их совместной научной и образовательной деятельности, которую сформулировал в 2018 г. ректор МГУ профессор В.А. Садовничий, поддержана Президентом в рамках форума «Университеты, общество и будущее человечества». Однако за истекший год сложилось всего десять таких коопераций при общем количестве около 500 действующих в России государственных вузов.

Таким образом, очевидным является то, что до сих пор между отечественными вузами отсутствуют эффективные интерфейсы взаимодействия как в области науки, так и в области подготовки специалистов.

Кроме того, преподавателей вузов еще и мотивируют осуществлять деятельность по подготовке учебных пособий и электронных модулей, содержание которых не является результатом их собственных научных и творческих изысканий, а представляет собой лишь пересказ того, что уже кем-то, когда-то опубликовано [2]. И объем этой деятельности используется в качестве критерия при аккредитации высших учебных заведений, а также при оценке эффективности работы самого преподавателя и его выборах на соответствующие должности.

Следующее нововведение: контроль за плагиатом, который означает, что материал без глубокой переработки не может быть издан. Если провести параллель с машиностроительным производством, то каждый автомобильный завод и мастерская обязаны бы были разрабатывать свою технологию производства болтов и гаек, при этом ни в коем случае не совпадающую с уже известной, но и при этом обеспечить высокое качество технологий.

Отметим, что во всех вузах России (около 500 государственных после оптимизации) есть базовые непрофильные дисциплины из обязательной компоненты: история, философия, социология, информатика, физика, и др. При аккредитации вузов в 2012 году по ним проводилась оценка остаточных знаний, единая для всей страны, что подтверждает факт необходимости единообразия учебного материала.

Допустим, таких дисциплин в учебном плане около 25 %, соответственно при количестве от 60 до 100 дисциплин в учебном плане их не менее 15. С учетом современных требований к квалификации доцента в течение 5 лет необходимо написать не менее одного-двух пособий по читаемой дисциплине. Примем, что размер среднего пособия составляет 10 авторских листов (1 авторский лист – 24 страницы). Примерная норма времени на создание пособия составляет (округлим в меньшую сторону) 100 часов на 1 авторский лист.

Тогда, помножив число вузов на число дисциплин, на объем пособия и на норму времени, получим, что общие затраты составят порядка 7,5 миллионов человеко-часов рабочего времени. С учетом того, что преподавателю ежегодно на данный вид деятельности может отводиться в среднем 200 часов в год, то всего вовлеченными в процесс по созданию учебных пособий по 15 учебным дисциплинам является армия из 37,5 тысяч преподавателей!

При современных требованиях по оплате труда преподавателей за время, потраченное на переписывание учебных пособий, они получают в зарплате 3,78 млрд рублей. Экстраполируя эти результаты на полный перечень учебных дисциплин, можно оценить затраты на формирование неэффективного цифрового контента в объеме не менее 100–150 млрд рублей, что составляет от 16 до 25 % от всех затрат на образование [5]), а затраты на одну общеобязательную дисциплину составят не менее 250 млн рублей!

Одним из парадоксов современной системы образования является то, что в эпоху информатизации и автоматизации документооборот непрерывно растет.

Это заметно и в реальном секторе экономики, и в медицине, но особенно в образовании: каждый изданный типографским и даже электронным способом учебник становится памятником знаний еще до его выхода в свет. И требования по их вариативности для разных направлений подготовки и категорий знаний в разы умножают информационный шум и грусть. Разобраться самостоятельно в информационных лавинах становится все сложнее и сложнее и без соответствующей

подготовки становится чем-то нереальным. В то же время механизм решения проблемы повторного использования учебного материала в процессе обучения в рамках систем дистанционного обучения описан в работе [3].

На основании вышеизложенного предлагается концепция построения единого цифрового пространства знаний (ЦПЗ), основанная на следующих принципах:

- формирования единого информационно-когнитивного ЦПЗ на основе объектно-ориентированной технологии хранения оцифрованного контента;
- отчуждения имущественных прав на знания от их генераторов (за достойную оплату труда по их размещению в ЦПЗ);
- организации круглосуточного неограниченного доступа к ЦПЗ через единое окно;
- обеспечения целостности, минимальной избыточности, а также непротиворечивости когнитивных знаний, размещенных в ЦПЗ;
- валидации публикуемых новых материалов через механизмы экспертной оценки из числа признанных де-юре и де-факто специалистов в конкретной предметной области, форумов, конференций и др. форм дискуссий;
- обеспечения вариативности представления знаний, для передачи их в удобной и доступной для понимания разного уровня подготовленности потребителями форме;
- формирования путеводителей по образовательному пространству, в том числе в рамках получения полноценного базового образования с выдачей (при соблюдении всех необходимых требований) документов об образовании государственного образца;
- формирования и поддержания актуального состояния портфолио не только обучающегося, но и обученного (выпускника), обеспечивающего «кадровый резерв» не только системе государственного и муниципального управления, но и всему бизнес-сообществу в целом;
- оценки способностей обучавшихся на основе анализа траектории и значений динамических показателей их обучения, связанных со спецификой отдельных видов трудовой деятельности;
- оценки качества содержания и формы представления как учебного контента, так и маршрутов обучения, на основе анализа фактических результатов эффективности его применения в учебном процессе с учетом индивидуальных особенностей обучающихся.

В концепции построения единого цифрового пространства знаний применяются такие понятия, как: цифровое и виртуальное пространство когнитивных знаний; генератор, хранитель и потребитель цифрового пространства знаний; истинное (абсолютное) и предметно-ориентированное знание; аккумуляция, интеграция, нормализация, декомпозиция, актуализация, хранение, сборка и оптимизация когнитивных данных; тезаурус и метаданные о формах хранения и представления когнитивных данных; объект, методы обработки и интерфейсы взаимодействия в информационно-обучающих средах; диффузия, стагнация, инфляция, забвение, эволюция и прогресс в познании окружающего мира; количественные и качественные характеристики учебного контента; механизмы наследования и полиморфизма представления контента; виртуальные и традиционные методы оценки уровня овладения компетенциями.

Как результат – разработка и внедрение технологий ЦПЗ позволят повысить качество и эффективность подготовки кадров и кадрового резерва для отечественной экономики, в том числе и цифровой, практически при отсутствии государственных затрат на решение проблемы.

Покупка готового электронного курса стоит достаточно дорого. К сожалению, ни вузы, ни, тем более, преподаватели не готовы оплачивать интеллектуальный и творческий труд кого бы то ни было: проще заимствовать и компилировать качественно-оформленный материал. Просто потому, что его труд тоже оплачивается слишком скромно, чтобы покупать электронные курсы. И, по опыту работы, преподаватель не готов сегодня вкладывать свои усилия в разработку подобных курсов, ибо уверен, что и его труд украдут и он потратит много времени, сил и средств абсолютно бесплатно.

Яндекс, Mail.ru, ВКонтакте и др. сервисы не требуют с потребителей ни гроша. Все, что они имеют, – персональные данные пользователя, которого изучают и которому предлагают разные коммерческие услуги.

Что будет иметь государство? Государство будет иметь полную и достоверную информацию об интеллектуальном ресурсе, при грамотном и бережном распоряжении которым сможет повысить темпы развития экономики и перестанет заниматься реформой системы образования ради самой системы образования. Конечно, это произойдет не сразу. Вышеупомянутым и неупомянутым бизнес-проектам пришлось проделать долгий путь в обработке и анализе информации пользователей, прежде чем их бизнес стал персонифицированным. Сегодня достаточно просто зайти на страницу поисковой системы, и для пользователя готова его персональная подборка новостей, рекламы и других информационных ресурсов, в том числе в сфере образования и науки.

К сожалению, качество предоставляемых пользователю информационных инъекций не то, что оставляет желать лучшего, а вообще оказывает неоценимый вред. И замена ему – единое цифровое пространство знаний, верифицированное учеными, избавленное от шарлатанов и вредителей.

Свободный доступ к актуальной информации как в технической, так и в правовой сфере позволит специалистам:

- соответствовать актуальному положению дел в своей сфере деятельности;
- принимать обоснованные и взвешенные решения в области его экономической устойчивости;
- быть своевременно информированными о действующих правовых и иных нормах, исключая возможность неумышленного их нарушения.

В конечном счете сокращение издержек приведет к снижению товарной стоимости просто за счет сокращения так называемых «накладных расходов». При этом население на сэкономленные средства сможет приобрести больше товаров и услуг, что в свою очередь будет способствовать оживлению экономики.

А где выгода преподавателя? Да хотя бы в том, что ему не придется проектировать новую дисциплину с чистого листа, а будет предоставлен механизм формирования ее из готовых верифицированных модулей. Причем бесплатно. А система будет наблюдать за ним, его обучающимися и их успехами, формировать облик трудовой сферы и влиять на него в соответствии со стратегическими задачами развития общества через механизм очного бюджетного обучения и систему переподготовки кадров.

Литература

1. XI Съезд Российского Союза ректоров [Электронный ресурс]. URL: <https://rsr-online.ru/event/2018-god/xi-sezd-rossiyskogo-soyuza-rektorov/>
2. Кабальнов Ю.С., Григорьев А.И., Минасов Ш.М. Модели и алгоритмы формирования контента виртуального пространства знаний систем электронного обучения // Вестник УГАТУ 2009. Т. 13. № 2. С. 109–118.
3. Минасов Ш.М. Модели и алгоритмы программных инструментальных средств обработки информации и генерации учебных курсов в сетевой информационно-обучающей системе: дис.... канд. техн. наук. Уфа, 2003. 182 с.
4. Проект «Вернадский». Концепция создания региональных научно-образовательных консорциумов «Вернадский» [Электронный ресурс]. URL: <https://rsr-online.ru/projects/proekt-vernadskiy/>
5. Расходы на образование в РФ на 2017–2019 годы // Аккредитация в образовании: информационно-аналитический журнал. № 92 от 20.12.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://akvobr.ru/raskhody_na_obrazovanie_v_rf_na_2017_2019_gody.html

Структурные показатели потребительского спроса в Республике Башкортостан на современном этапе

Structural Indicators of Consumer Demand in the Republic of Bashkortostan at the Present Stage

DOI: 10.34773/EU.2020.1.7

**Е. ЯНГИРОВА, А. ЯНГИРОВ,
С. НАСЫРОВА, К. ЮСУПОВ**

Янгирова Елена Ирековна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой управления проектами и маркетинга Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: beglovaelena75@mail.ru

Янгиров Азат Вазирович, д-р экон. наук, заведующий кафедрой макроэкономического развития и государственного управления ИНЭФБ БашГУ, и.о. ректора Института развития образования Республики Башкортостан. E-mail: jangirovav@list.ru

Насырова Светлана Ирековна, канд. экон. наук, доцент кафедры управления проектами и маркетинга ИНЭФБ БашГУ, заместитель директора по научной работе Института стратегических исследований Республики Башкортостан. E-mail: svtlandl@rambler.ru

Юсупов Касим Назифович, д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры макроэкономического развития и государственного управления ИНЭФБ БашГУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: kasim_jusupov@mail.ru

В статье проводится анализ потребительского спроса Республики Башкортостан и основных факторов, его определяющих, в современных условиях. Оценка проведена по критериям: динамика доходов и личного потребления в целом по региону, потребительский потенциал Республики Башкортостан, динамика заработной платы и потребительного производства (воспроизводства рабочей силы), дифференциация в доходах населения.

Ключевые слова: потребительский спрос, Республика Башкортостан, домашние хозяйства, факторы потребительского спроса, доходы населения.

The article analyzes the consumer demand of the Republic of Bashkortostan and the main factors that determine it in modern conditions. The assessment was carried out according to the criteria: the dynamics of income and personal consumption in the whole region, the consumer potential of the Republic of Bashkortostan, the dynamics of wages and consumer production (labor reproduction), differentiation in incomes of the population.

Key words: consumer demand, Republic of Bashkortostan, households, consumer demand factors, population income.

Потребительский платежеспособный спрос – это денежные средства населения, которыми оно обладает в конкретном периоде для приобретения товаров и услуг в организациях розничной торговли и общественного питания. Спрос является носителем связи между потребностью и потреблением, количественно не совпадает с потребностью (меньше или равен ей). Изучение потребительского спроса позволяет получить информацию, на основе которой возможен прогноз емкости и структуры рынка, предполагаемых пространственных сдвигов производства товаров и услуг, а также их потребления.

Ключевым фактором формирования потребительского спроса выступают доходы населения. В 2012–2018 гг. колебания совокупных реальных доходов населения Республики Башкортостан (РБ) и заработной платы демонстрировали разнонаправленную динамику: реальные располагаемые денежные доходы населения в годовом выражении ежегодно сокращались, а среднемесячная заработная плата в реальном выражении росла (сокращение было отмечено лишь в 2015 г.), что, в первую очередь, может быть обусловлено государственной поддержкой наименее обеспеченных слоев населения, а также тем, что домохозяйства наращивали расходы за счет сбережений

и кредитов. Прирост задолженности физических лиц по кредитам на начало 2018 г. составил 43,8 млн руб. против 9,4 млн руб. в 2016 году [1; 5].

Потенциальный объем потребления товаров и услуг (потребительский потенциал), рассчитываемый на региональном уровне, определяется суммарными номинальными доходами населения и рассчитывается как произведение среднедушевых денежных доходов и среднегодовой численности постоянного населения. Его положительная динамика до 2016 г. была обусловлена сочетанием роста как среднедушевых доходов, так и численности населения, в 2016–2018 гг. прирост суммарного дохода происходит на фоне сокращения численности населения. В целом по РБ потребительский потенциал имел схожую динамику с номинальным объемом розничных продаж товаров (за исключением 2015 г. и 2016 г.). Так, в 2017 г. прирост потребительского потенциала составил 2,9 %, прирост розничных продаж – 2,1 %, а услуги сократились на 0,3 %. В 2018 г. прирост потребительского потенциала замедлился до 0,1 %, прирост розничных продаж увеличился до 2,6 %, а услуг – до 0,2 % [7; 8].

Полноценное воспроизводство рабочей силы в регионе осложняется тем, что граждане в трудоспособном возрасте вследствие невысокого уровня заработной платы не в состоянии обеспечить себе достойный уровень жизни. В результате в РБ формируется феномен так называемой «экономической бедности», то есть бедности работающего населения.

Общей тенденцией изменений в структуре доходов населения РБ в 2013–2017 гг. стало повышение доли оплаты труда наемных работников в составе совокупных денежных доходов с 40,3 % до 42,9 %. Трудовые доходы продолжают составлять основу семейных доходов. Сохранение высокой доли оплаты труда населения связано во многом с сохранением численности рабочей силы РБ в возрасте 15–72 лет практически на неизменном уровне на протяжении анализируемого периода (1988 тыс. чел. в 2013 г. и 1993 тыс. чел. в 2017 г.) [4, 5]. Произошло незначительное сокращение доходов от предпринимательской деятельности (с 5,4 % в 2013 г. до 4,7 % в 2017 г.), от операций с недвижимостью, личных подсобных хозяйств, собственности и т.д.

Кроме того, хотя средняя заработная плата на одного работника в республике (33752,8 руб. в 2018 г.) значительно выше прожиточного минимума (8838 руб. в 2018 г.), в то же время оплата труда работников сельского и лесного хозяйства, рыболовства и рыбоводства в 2018 г. составляла лишь 58 % республиканского уровня, в области здравоохранения и социальных услуг – 96,3 %, образования – 85 %, оптовой и розничной торговли – 71,4 %, деятельности гостиниц и предприятий общественного питания – 55,5 % [10, 14].

Таким образом, к низкооплачиваемым секторам экономики, где сформировались хронические очаги бедности, можно отнести рыболовство и рыбоводство, сельское и лесное хозяйство, водоотведение, водоснабжение, строительство, оптовую и розничную торговлю, общественное питание, а также организации и учреждения бюджетного сектора экономики.

Падение реальных располагаемых денежных доходов в 2015 г. совпало с повышением количества населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (с 493,5 тыс. человек в 2010 г. до 521,8 тыс. в 2015 г.). В последующие годы (2016–2018 гг.) официальный уровень бедности снижался незначительно – с 12,8 % в 2015 г. до 12,1% в 2018 г. [10, 43–44].

Кроме того, в республике имеет место просроченная задолженность по заработной плате. На 1 января 2019 г. задолженность увеличилась на 42,6 млн руб. (с 4,6 млн руб. до 47,2 млн руб.), количество организаций-должников не изменилось, а численность работников, перед которыми имеется задолженность, возросла более чем на 100 чел. (с 85 до 212 чел.). Задолженность по заработной плате приходится на один вид экономической деятельности – транспортировка и хранение [3].

Таким образом, причинами экономической бедности выступают: неконкурентоспособность ряда отраслей и производств, низкооплачиваемые рабочие места, низкая производительность труда.

Существующий разрыв в доходах населения в регионе является следствием дифференциации потребительских расходов, которые отражают спрос отдельных групп населения. Анализ показал, что доля доходов наиболее обеспеченной части населения на протяжении анализируемого

периода составляет около 50 % всех денежных доходов. Доля же доходов первых трех групп остается низкой – около 30 %. В целом общий разрыв по доходам между 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченных групп населения достаточно существенен и составил в 2015–2019 гг. 16 раз [10, 40]. Коэффициент Джини в 2018 г. составил 0,410 против 0,427 в 2010 г. Его еле заметное снижение – показатель незначительного ослабления дифференциации доходов.

В результате домохозяйства с различными уровнями доходов вынуждены потреблять несоответствующий объем продовольственных и непродовольственных товаров (к примеру, у домохозяйств с наиболее высокими среднедушевыми располагаемыми ресурсами расходы на покупку непродовольственных товаров составляли в 2017 г. 48,2 % в структуре расходов на конечное потребление, а в семьях с наименьшими доходами – 24,9 % [9, 58]).

Таким образом, домашние хозяйства с наименьшим уровнем располагаемых денежных ресурсов вынуждены потреблять в полтора-два раза меньше продуктов питания по сравнению с семьями со средними и высокими доходами.

Доходы населения, в свою очередь, определяют характер потребительских расходов населения, в результате на протяжении последних восьми лет прослеживаются следующие тенденции:

- рост доли расходов населения на покупку продуктов и питание вне дома (с 30,4 % в 2010 г. до 34,9 % в 2018 г.), в то же время фактическое потребление продуктов питания значительно ниже уровня рациональных нормативов;
- рост доли расходов на оплату услуг (с 22 % в 2010 г. до 26,5 % в 2018 г.);
- сокращение доли расходов на приобретение непродовольственных товаров (с 45,7 % в 2010 г. до 36,8 % в 2018 г.) [10, 21].

Увеличение доли питания и услуг первостепенной значимости в сумме минимального потребительского бюджета согласно закону Э. Энгеля может свидетельствовать о снижении жизненного уровня населения.

Влияние жизнедеятельности и денежных доходов на потребление непродовольственных товаров проявляется в том, что за период 2010–2018 гг. расходы на покупку непродовольственных товаров снизились на 8,9 %, в том числе расходы на транспортные средства – на 10,5 %; на покупку одежды, обуви – на 0,4 %. Еле заметная динамика отмечалась лишь при покупке бытовой техники, предметов домашнего обихода (на 0,4 %).

Выявлено, что фактическое потребление продуктов питания в РБ в большей степени приближено к минимальным нормам, приведенным в [6]. Сложившиеся данные свидетельствуют о том, что в последние годы по ценным продуктам питания (овощи, фрукты, яйца, молочные продукты) потребление оказалось ниже рациональных норм потребления, а уровень потребления овощей, картофеля, хлеба и хлебных продуктов находится ниже минимальных норм потребления.

В заключение можно сформулировать следующие выводы.

1. Активное функционирование продовольственного рынка и рынка услуг в Республике Башкортостан на фоне сокращения рынка непродовольственных товаров можно объяснить деформацией потребительских расходов, обуславливающих деформацию структуры потребительского рынка.

2. Одна из основных социальных проблем в Республике Башкортостан – низкая покупательная способность заработной платы. Анализируемые социальные индикаторы показывают, что имеет место рост бедности, отмечаются низкий уровень доходов населения, все более выраженное расслоение общества на богатых и бедных. Таким образом, вопросы повышения доходов основной части населения выходят на одно из главных мест в реализуемой политике региональных органов управления.

Литература

1. Денежные доходы и расходы населения [Электронный ресурс]. URL: <https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%B4%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%9D%D0%9C.pdf>
2. Закон Республики Башкортостан от 01.03.2013 № 657-з (ред. от 27.04.2018) «О потребительской корзине в Республике Башкортостан».
3. Информация о просроченной задолженности по заработной плате по состоянию на 1 октября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.bashkortostan.ru/activity/17136/>
4. Итоги обследования населения по рабочей силе в Республике Башкортостан: статистический бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2018.
5. Потребительский спрос: региональные различия // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. Вып. № 50. 21 с.
6. Приказ № 614 от 19 августа 2016 г. «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания».
7. Социально-экономическое положение Республики Башкортостан: комплексный доклад. № 9 (январь-сентябрь 2019 г.). Уфа: Башкортостанстат, 2019.
8. Торговля в Республике Башкортостан: стат. сб. Башкортостанстат. Уфа, 2019.
9. Уровень жизни населения Республики Башкортостан: стат. сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2018.
10. Уровень жизни населения Республики Башкортостан: стат. сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2019.

Кластерная политика индустриального региона

Cluster Policy of Industrial Region

DOI: 10.34773/EU.2020.1.8

И. ТУРГЕЛЬ, Л. БОЖКО, А. ОЙХЕР

Тургель Ирина Дмитриевна, д-р экон. наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям Школы экономики и менеджмента Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ). E-mail: i.d.turgel@urfu.ru

Божко Лариса Леонидовна, д-р экон. наук, доцент, проректор по учебной и научной работе Рудненского индустриального института (Казахстан). E-mail: leonlaris@mail.ru

Ойхер Анна Дмитриевна, аспирант УрФУ. E-mail: anna.oykher@gmail.com

В данной статье авторами проанализированы аспекты процесса кластеризации промышленного региона. Рассматривается социально-экономический профиль Свердловской области и анализируются возможные причины недостаточной успешности реализации кластерной политики на ее территории. Эмпирической основой анализа послужили результаты исследований, проведенных в рамках НИР «Совершенствование политики государственного регулирования ускоренной кластеризации индустриальных регионов», выполняемой по грантовому финансированию Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, индустриальный регион, промышленный кластер, кластеризация.

The article analyzes aspects of the clustering process in the industrial region. The socio-economic profile of the Sverdlovsk region is considered and possible reasons for the lack of success in implementing cluster policy on its territory are analyzed. The empirical basis of the analysis is constituted by the results of the studies carried out within the framework of the research work «Enhancement of the state regulation policy of accelerated clustering of the industrial regions» implemented on the grounds of the grant funding of the Ministry of education and science of the Republic of Kazakhstan.

Key words: cluster, cluster policy, industrial region, industrial cluster, clustering.

Проблема перспектив развития кластерной политики в России впервые была затронута в Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года [1] и затем получила свое развитие в методических рекомендациях Министерства экономического развития [4], направленных на поддержку кластерных инициатив в регионах.

Вопросы кластерной политики неоднократно освещались в работах Е.С. Куценко [8; 10; 11], В.Л. Абашкина [8] и других исследователей центра «Российская кластерная обсерватория» НИУ ВШЭ [8; 11], В.В. Пальцева [5], О.М. Трофимовой [6] и многих других.

Основной целью проведения кластерной политики в Свердловской области является повышение конкурентоспособности хозяйствующих субъектов и региона в целом. Однако ее реализация требует вложения значительных финансовых и административных ресурсов и подразумевает существенную перестройку уклада экономической структуры всего региона. Поэтому исследования, направленные на анализ эффективности кластерной политики, являются актуальными, особенно с учетом того, что в этом году заканчивается срок реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития.

В ходе исследования был проведен анализ социально-экономического профиля Свердловской области с точки зрения предпосылок и перспектив проведения кластерной политики, а также итогов ее реализации как в целом по стране, так и в рамках Свердловской области.

Социально-экономический профиль региона как основа для разработки кластерной политики. Функциональная специализация как города, так и целого региона, как правило, обусловливается объективными детерминантами, в частности, экономико-географическим положением и численностью его населения. Наиболее значимыми факторами можно считать наличие необходимого природно-ресурсного потенциала, а также степень благоприятности условий для проживания. Отдельно стоит выделить такой фактор, как размер региона.

Несмотря на то, что общая площадь Свердловской области составляет 194,3 тыс. кв. км (всего 1,13 % от площади Российской Федерации), регион занимает 7 место из 85 по ВРП среди регионов России (уступая Москве, Санкт-Петербургу, Московской области, Ханты-Мансийскому автономному округу, Ямало-Ненецкому автономному округу и Краснодарскому краю) – ее вклад в суммарный ВРП РФ составляет 2,9 %.

Исторически сложилось, что Свердловская область была и остается одним из крупнейших промышленных регионов Российской Федерации. Этот фактор, а также сочетание относительно компактной территории и высоких показателей развития промышленного производства и, как следствие, статуса одного из крупнейших промышленных центров РФ делает Свердловскую область одной из самых перспективных территорий с точки зрения развития реализации пилотного проекта по формированию промышленных кластеров в регионах РФ и позволяет на ее примере делать первые выводы об успешности данного проекта.

Экономика Свердловской области, несмотря на снижение роли промышленности, остается экономикой индустриальной. Существенная часть (порядка 40 %) добавленной стоимости формируется в промышленности (в среднем по РФ этот показатель – около 30 %). Область относится к числу десяти крупнейших индустриальных регионов, на долю которых приходится 50 % всего промышленного производства Российской Федерации.

Наибольшую часть в производственном секторе экономики Свердловской области занимает обрабатывающая промышленность, на которую приходится около 82 % от общего объема отгруженной продукции промышленности региона. Структура промышленного производства Свердловской области представлена на рисунке.

Условия и инструменты внедрения кластерной политики в Свердловской области. В настоящее время инструменты государственной поддержки, которые могут быть использованы для поддержки кластерного развития экономики Свердловской области, распределены между несколькими региональными институтами поддержки.

*Структура промышленного производства Свердловской области
(источник: Федеральная служба государственной статистики)*

На текущий момент региональным институтом развития, реализующим меры государственной поддержки, ориентированные на финансовое обеспечение развития малого и среднего бизнеса, является *Свердловский областной фонд поддержки предпринимательства (СОФПП)* [2]. На его базе, в соответствии с соглашением, заключенным Свердловским областным союзом промышленников и предпринимателей (СОСПП), СОФПП и четырьмя промышленными кластерами региона на девятой промышленной международной выставке «Иннопром» в Екатеринбурге был создан Центр кластерного развития (ЦКР) – структурное подразделение, функциями которого являются обеспечение и сопровождение кластерных инициатив, проектов, оказание содействия в организационном оформлении кластеров на территории области, а также выполнение функции организации развития кластера на этапе его формирования и функционирования. Изначально сотрудничество было заключено с титановым, строительным и приборостроительным кластерами, а также кластерами малой энергетики и энергомашиностроения. Планировалось, что в задачи центра войдут исследование существующего промышленного рынка региона, выявление потенциала для развития кластеров, помощь в привлечении новых участников, кооперация между крупными предприятиями и малым бизнесом, продвижение продукции кластеров на внешние рынки.

На поддержку инновационной деятельности предпринимательских структур направлена работа *Свердловского венчурного фонда*, в частности, стимулирование разработки и производства принципиально новых видов продукции, содействие в освоении новых технологий и изобретений. Поиск и аккредитация частных инвесторов для совместного инвестирования инновационных проектов через приобретение долей в уставном капитале и/или предоставление займов. *Свердловский фонд инвестиций* рассматривает в качестве соинвесторов предприятия, которые имеют опыт работы и устойчивое положение на рынке и осуществляют привлечение инвестиций в целях реализации проекта расширения своего бизнеса в сфере производства и продвижения своей продукции или услуг. Фонд оказывает содействие развитию малых и средних предприятий с использованием государственно-частного партнерства.

Фонд технологического развития промышленности Свердловской области предлагает целевое финансирование (в виде займов от 20 до 100 млн рублей на срок до пяти лет под 5 % годовых) проектов, направленных на разработку новой высокотехнологичной продукции с импортозамещающим или экспортным потенциалом, а также на техническое перевооружение конкурентоспособных производств.

Критика кластерной политики. Эксперты выделяют несколько причин недостаточной эффективности проведения кластерной политики в том или ином регионе. Например, по мнению заведующего отделом кластерной политики Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Евгения Куценко, для того чтобы кластер стал успешным, необходимо несколько основных условий [10]. В первую очередь – наличие в регионе «критической массы» организаций и предприятий в одной либо смежных видах деятельности. Также важнейшим условием создания успешного кластера остаются качество управления и уровень компетенции региональных команд. Между тем эксперты сомневаются, что оба эти условия обеспечены во многих регионах. Публичной систематизированной информации по итогам пилотного проекта, который длится уже шесть лет, нет. *Согласно экспертным оценкам, есть кластеры, которые можно считать успешно развивающимися, но есть и бесперспективные.* Кроме того, развитие кластеров может тормозиться рядом факторов. По оценкам начальника управления стратегического развития, государственного управления и региональной политики Аналитического центра при Правительстве РФ Антона Стешенко, главными факторами являются доверие между субъектами российской экономики и объем рынка. Российская программа поддержки кластеров во многом учитывает позитивный зарубежный опыт. Однако реализация стратегии кластерного развития в российских регионах фактически находится на начальном этапе и, возможно, она уже нуждается в коррективах.

Опыт внедрения кластерной политики в Свердловской области: первые результаты и перспективы развития. Опыт Свердловской области представляется важным не только для региона, но и для страны в целом. Поскольку индустриально развитая Свердловская область стала одним из первых субъектов федерации, в котором кластерная инициатива была поддержана, ее опыт является высоко репрезентативным и, по нашему мнению, во многом позволяет сделать первые выводы об эффективности кластерной политики в целом.

Среди всех кластерных инициатив, реализуемых в Свердловской области, условно можно выделить три группы [3]. Первая группа – это уже сложившиеся, функционирующие кластеры. К их числу можно отнести Уральский фармацевтический кластер, IT-кластер, особую экономическую зону «Титановая долина», химический кластер (химический парк «Тагил»), кластер железнодорожного машиностроения. Эти кластеры уже способствуют притоку ресурсов из других регионов и из других отраслей Свердловской области, активно реализуют преимущества пространственной концентрации. Важным фактором, способствующим активному развитию этих кластеров, является получение особого юридического статуса (например, статус особой экономической зоны «Титановая долина»).

Вторая группа кластеров пока находится в стадии формирования, носит «имплицитный» характер. Можно наблюдать, что ряд компаний начинают кооперироваться вокруг «ключевого» вида деятельности и формировать устойчивые рыночные связи. Это кластеры по производству нефтегазового оборудования, энергетического и электротехнического оборудования, кластер медицинского приборостроения, лесопромышленный кластер, кластер деревянного домостроения, Технико-внедренческий центр металлургии и тяжелого машиностроения, «Уральский технологический кластер «Производство и применение редкоземельных металлов», трубный кластер. Компании, входящие в эти формирующиеся кластеры, уже осознали необходимость объединения усилий для организации совместных кооперационных цепочек, маркетингового продвижения продукции, информационного обмена и формирования общих баз данных.

Остальные кластеры можно рассматривать как *потенциальные*. Это кластеры в сфере торговли, туристской индустрии, агропромышленного комплекса, транспорта и логистики, дорожного хозяйства, строительства, жилищно-коммунального хозяйства, кластеры предприятий пищевой и легкой промышленности, химико-фармацевтический кластер, химико-металлургический (хромовый) кластер, биоэнергетический (торфяной) кластер. В регионе действует значительное количество компаний в данных сферах, но возможности получения позитивных эффектов от пространственной концентрации ими пока не осознаны и не реализованы. Для таких кластеров сформирована концепция создания, и пока активность по ее продвижению проявляют в большей

степени исполнительные органы государственной власти Свердловской области, а не частные производители.

По нашему мнению, существует несколько причин относительно неудачных результатов проведения кластерной политики в Свердловской области. Как было упомянуто выше, по мнению Е. Куценко, одними из основных условий успеха кластерной политики являются качество управления и уровень компетенции региональных команд. К сожалению, отсутствие опыта работы в этом направлении у региональной власти зачастую негативно сказывается на результатах и приводит к тому, что из десяти заявленных в проекте кластеров реально функционирующими оказываются 5–7.

Кроме того, мы хотели бы добавить, что одной из основных и фундаментальных причин недостаточной эффективности кластерной политики является ее инициирование и проведение методом сверху – то есть по инициативе государства (в том числе Министерства экономического развития), что противоречит самой идее образования кластеров – по инициативе компаний (предприятий) – участников, которые имеют не только схожие профили деятельности, но и схожие стратегические цели, а коллаборация позволяет им синергетически эффективнее конкурировать на рынке.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года от 17 ноября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/6217/>
2. Лопатина Т.А., Толмачев Д.Е., Чукавина К.В., Заякин С.В. Исследование кластерной среды в Свердловской области (исследование проведено по заказу Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acexpert.ru>
3. Макарова И.В., Аверина Л.М., Захарова Л.А. Основные направления формирования стратегии импортозамещения при реализации уральского вектора освоения и развития Российской Арктики // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 12. С. 189–200.
4. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/209522881>.
5. Пальцев В.В. Совершенствование механизмов создания промышленных кластеров как проблема современного менеджмента // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2010. № 4.
6. Трофимова О.В. Методика формирования кластерной политики в старопромышленном регионе // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2011. № 4. С. 18–21.
7. Тургель И.Д., Божко Л.Л., Сюй Л. Государственная поддержка развития моногородов России и Казахстана // Вестник Финансового университета. 2016. Т. 20. № 2. С. 22–32.
8. Abashkin V., Boyarov A., Kutsenko E. Cluster Policy in Russia: From Theory to Practice // Foresight-Russia. 2012. № 6 (3). Pp. 16–27.
9. Bazhenov O., Ilyina A., Oykhер A.D. Estimation of Social Significance of Copper Mining Enterprises Using the Method of Least Squares // Proceedings of the 1st international scientific conference «Modern management trends and the digital economy: from regional development to global economic growth (MTDE 2019)». Atlantis Press, 2019. Vol. 81. Pp. 16–21.
10. Kutsenko E. Pilot Innovative Territorial Clusters in Russia: A Sustainable Development Model // Foresight-Russia. 2015. № 9 (1). Pp. 32–55.
11. Kutsenko E., Islankina E., Abashkin V. The Evolution of Cluster Initiatives in Russia: The Impacts of Policy, Life-time, Proximity and Innovative Environment // Foresight. 2017. № 19 (2). Pp. 87–120.
12. Turgel I.D., Bozhko L.G., Zinovyeva E.G. Cluster Approach to Organization of Special Economic Zones in Russia and Kazakhstan // R-Economy. 2019. № 5 (2). Pp. 71–78.

Оценка состояния и тенденций функционирования предприятий Нижегородской области

Assessment of the State and Trends in the Functioning of Enterprises of the Nizhny Novgorod Region

DOI: 10.34773/EU.2020.1.9

С. ПРЯНИЧНИКОВ

Пряничников Сергей Борисович, канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики, управления и информатики Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: pryanchnikovsb2013@yandex.ru

В статье проводится анализ динамики показателей деятельности предприятий промышленного сектора экономики, рассматриваются проблемы активизации деятельности региональных предприятий в целях обеспечения их устойчивого развития и повышения конкурентоспособности.

Ключевые слова: необходимость устойчивого развития, динамика показателей деятельности, инвестиционные вложения.

The article analyzes the dynamics of performance indicators of enterprises of the industrial sector of the economy, discusses the problems of revitalization of regional enterprises in order to ensure their sustainable development and competitiveness.

Key words: necessity of sustainable development, dynamics of performance indicators, investments.

Необходимость устойчивого развития экономики Российской Федерации в значительной степени определяется комплексом вызовов, воздействующих на социально-экономическое положение нашей страны. Среди угроз, как отмечено в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года», немаловажное значение имеет исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития России, что определяет необходимость перехода на инновационный путь развития отечественных предприятий путем стимулирования инвестиционной активности [1].

В связи с этим для решения задачи достижения к 2021 году темпов роста (превышающих 3 %) российской экономики, определенной в «Послании Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г.» [2], необходимо сформировать механизм устойчивого инновационного развития предприятий регионального промышленного комплекса. Данный механизм должен базироваться на генерации и последующей реализации стратегии инновационного развития предприятий промышленного сектора экономики посредством использования имеющегося потенциала, задействовании всех факторов устойчивого роста, стимулирования инновационных преобразований и концентрации ресурсов на приоритетных направлениях разработки и выпуска новых продуктов и технологий.

Это важно также в связи с тем, что такие факторы, как критическое снижение инновационного потенциала российских предприятий, а также их научно-технологическое отставание от предприятий развитых стран, смещение акцента от производства высокотехнологичной продукции к ориентации на поставку минерально-сырьевых ресурсов, приводят к снижению эффективности российской экономики и повышению ее зависимости от других стран.

Данное обстоятельство в условиях экономических спадов, снижения мировых цен на сырье и введения ограничительных мер против российской экономики вызывает снижение темпов экономического развития, дестабилизацию финансовой системы и, в конечном счете, снижение экономической безопасности страны.

Задача повышения темпов экономического роста была поставлена в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ, где был определен прогнозный показатель развития экономики России, то есть средний ежегодный прирост ВВП должен составлять более 3 % [2].

Экономическое развитие Российской Федерации обусловлено, прежде всего, необходимостью обеспечения экономического роста территорий. В связи с этим субъекты Российской Федерации принимают свои стратегические программы, определяющие конкретные региональные цели и задачи. Одним из таких регионов выступает Нижегородская область, принявшая в 2018 году «Стратегию социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года», в которой сформулирована долгосрочная цель формирования растущей, устойчивой экономики на основе создания конкурентоспособных секторов технологической промышленности и лидерства по инвестиционному климату и условиям для предпринимательства [4].

Нижегородская область является крупным промышленным регионом, проблемы развития которого характерны для большинства промышленно развитых российских регионов (см. табл.).

**Показатели динамики валового регионального продукта
Нижегородской области [3, 459]**

Показатели Период	Валовой региональный продукт, млрд руб.	Индекс физического объема ВРП (в постоянных ценах, в % к предыдущему году)
2014	1009,5	102,9
2015	1104,6	96,5
2016	1182,3	103,0
2017	1260,2	103,0
2018 (оценка)	1285,4	102,0

Данные таблицы показывают, что динамика ВРП Нижегородской области аналогична изменениям, происходящим по России в целом, то есть периоды экономического спада и роста по региону практически совпадают с тенденцией изменений по РФ в целом, вместе с тем темпы прироста ВРП Нижегородской области несколько выше, чем по России в целом.

Доминирующим в ВРП Нижегородской области является удельный вес обрабатывающих производств – свыше 45,2 % (в 2017 г.). Вместе с тем с 2010 по 2017 г. произошло снижение удельного веса строительной индустрии (с 7,8 % до 5,8 %), транспорта и связи (с 12,0 % до 7,8 %), оптовой и розничной торговли и ремонта автомобилей (с 15,6 % до 12,9 %) и других видов деятельности. В то же время повысился удельный вес операции с производства, распределения электроэнергии, газа и воды (с 4,7 % до 5,6 %) [3, 465].

Структура ВРП в значительной степени определяется экономическим и, прежде всего, промышленным потенциалом, при этом региональное развитие экономического и промышленного потенциала Нижегородской области характеризуется ростом числа предприятий и организаций. Так, если в 1990 г. их насчитывалось 6,3 тыс., в 2000 г. – 58,9 тыс., в 2008 г. – 87,9 тыс., а в 2017 г. – уже 94,7 тыс., то есть увеличение по сравнению с 1990 годом составило более 15 раз. На промышленные отрасли приходится только 10,1 % их общего числа, при этом на обрабатывающие производства – 8,3 %. Вместе с тем, если в 2017 г. оборот всех предприятий и организаций составлял в регионе 2718,0 млрд руб., то на промышленное производство приходилось 1529,6 млрд руб., то есть 56,3 %, в том числе на обрабатывающие производства – 1200,8 млрд руб. (44,2 %) [3, 556].

Поэтому необходим анализ роста промышленного производства в Нижегородской области как основного звена региональной экономики. Важно отметить, что с 2010 по 2014 г. наблюдается снижение темпов роста промышленного производства, а также их постепенное восстановление начиная с 2015 г. и падение в 2018 г. [3, 594].

Оценка динамики структуры промышленного производства Нижегородской области показывают, что основным видом экономической деятельности в производстве промышленной

продукции, работ и услуг является обрабатывающее производство, составляющее (в 2018 г.) свыше 90 %, а на остальные виды деятельности приходится около 10 % [3, 590].

При этом в структуре отгруженной продукции обрабатывающих отраслей Нижегородской области наибольший удельный вес в 2017 г. составляло производство кокса, нефтепродуктов и др. (43,2 %), производство машин и оборудования (22,0 %), производство химических веществ и химических продуктов (7,1 %) и производство пищевых продуктов (8,0 %), в целом составляющие свыше 80 % общего объема промышленного производства [3, 600].

Важную роль в производстве высококачественной продукции играет наличие высокотехнологичных и производительных основных фондов, при этом на отрасли промышленности приходится 32,3 % объема всех основных фондов субъектов экономической деятельности Нижегородской области, и на промышленные отрасли приходится около 31 % всех вновь вводимых основных фондов. Степень износа основных фондов в Нижегородской области составляет (2017 г.) – 55,2 % (причем в обрабатывающих производствах – 52,3 %), а удельный вес полностью изношенных фондов – 20,3 %. Данное обстоятельство в значительной степени снижает промышленный потенциал области и возможности производства высокотехнологичной продукции, а также повышение темпов роста производительности труда [3, 539].

Создание современной региональной промышленной базы, позволяющее обеспечить достижение необходимых темпов экономического роста и на основе этого – устойчивое развитие, возможно на основе формирования условий для осуществления инвестиций в основные средства, что позволит осуществить стимулирование инновационной активности и модернизации промышленного производства. В связи с этим Постановлением Правительства Нижегородской области принята «Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года» [4], реализация которой позволит сформировать растущую, устойчивую экономику.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 1.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://online.mai.ru/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%9D%D0%A2%D0%A0%20%D0%A0%D0%A4.pdf>
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.
4. Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года (утв. Постановлением Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 г. № 889) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465587311>

Структура системы кредитования малого и среднего бизнеса в регионе

Structure of System of Lending to Small and Medium-Sized Businesses in the Region

DOI: 10.34773/EU.2020.1.10

А. ЗОТОВА, Г. ТОРОСЯН

Зотова Алла Ивановна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» экономического факультета Южного федерального университета. E-mail: aizotova@sfedu.ru

Торосян Георгий Левонович, магистрант экономического факультета Южного федерального университета. E-mail: torosyan@sfedu.ru

В статье обоснована необходимость анализа системы кредитования малого и среднего бизнеса в регионе. Раскрыто специфическое содержание данной системы, охарактеризованы ее элементы. Особенность авторского подхода состоит во включении в рассматриваемую систему не только банковского кредитования, но и кредитных инструментов других участников финансового рынка, а также инфраструктуры и регулирования кредитного процесса в регионе.

Ключевые слова: кредит, малый и средний бизнес, региональные финансы, коммерческий банк, финансовое регулирование.

The article substantiates the need to analyze the system of lending to small and medium-sized businesses in the region. Authors disclose the specific content of this system and characterize its elements. The peculiarity of the author's approach is to include in the system of lending not only bank products, but also lending instruments of other financial market's actors, as well as infrastructure and regulation of the lending process in the region.

Key words: credit, small- and medium-sized business, regional finance, commercial bank, financial regulation.

Большое значение малого и среднего бизнеса для социально-экономического развития страны, а также необходимость формирования и поддержки специфических инструментов его финансирования обусловили значительный государственный интерес к этому сектору. В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 года была поставлена задача к 2024 году повысить долю малого и среднего бизнеса в ВВП России с нынешних 20 % до 40 %. За период 2015–2017 гг. количество субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в России выросло с 4,5 млн до 6 млн, однако в 2018 году темпы прироста замедлились. С сентября 2018 г. по сентябрь 2019 г. количество субъектов малого и среднего бизнеса в Российской Федерации сократилось с 5 921 287 до 5 813 278, то есть почти на 2 % [3].

Одной из важнейших проблем, ограничивающих возможности создания и развития малых и средних предприятий, является сложность доступа к источникам финансирования. В Российской Федерации, как и в большинстве развитых стран, основным таким источником является кредитование. В современной российской экономике имеются реальные барьеры для кредитования малого бизнеса, при этом отмечается существенная дифференциация объемов и условий финансирования малого и среднего бизнеса по регионам страны [5, 197]. Объективно существующие и усугубляющиеся в контексте реализации самостоятельной региональной финансовой политики [6, 85] территориальные различия формируют запрос на реализацию целостного подхода к управлению кредитованием малого и среднего бизнеса на уровне регионов, основанного на концептуально выверенном понятийном аппарате и комплексном анализе структурно-функциональных характеристик рассматриваемой системы кредитования.

Под системой кредитования принято понимать совокупность находящихся во взаимодействии, опосредующих в соответствии с определенными принципами и концептуальными основами организацию и регулирование кредитного процесса элементов [2, 212]. Такими элементами

традиционно считаются субъект, объект, методы кредитования, основные финансовые условия и организационные условия.

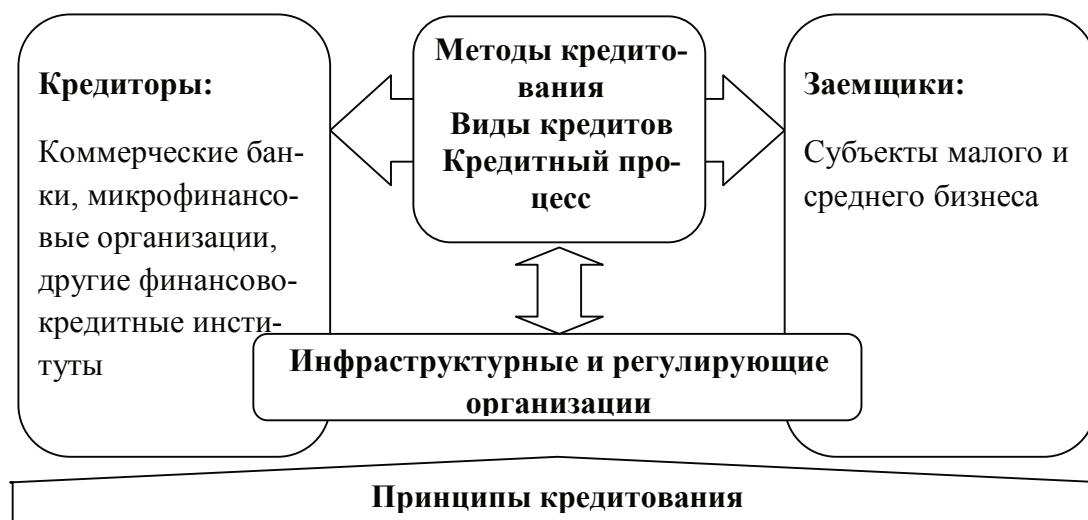
Говоря о малом и среднем бизнесе как субъекте кредитного процесса, нужно иметь в виду значение кредитных ресурсов в структуре его финансирования и характер потребностей, которые удовлетворяются с помощью кредитных ресурсов. Эти характеристики предопределяют особенности кредитного механизма с участием субъектов, относимых к малому и среднему предпринимательству. Рассматривая их контрагентов в системе и процессе кредитования, следует помнить о множественности возможных кредиторов, которые потенциально могут предоставить средства заемщикам на условиях возвратности, платности и срочности. Выделяя такие способы формирования заемного капитала предприятий, как банковский кредит, коммерческий кредит, выпуск векселей, облигационный заем, лизинг, факторинг, франчайзинг, микрофинансирование, краудлендинг, можно утверждать, что кредиторами в рассматриваемой системе отношений могут быть не только коммерческие банки, но и другие учреждения и организации, в частности, микрофинансовые и лизинговые компании, а также физические лица. Следует учитывать, что некоторые участники финансового рынка, по сути, не являются кредиторами или заемщиками, но создают условия и возможности взаимодействия поставщиков и потребителей ссудного капитала, в частности, это брокеры, биржи, краудфандинговые платформы, кредитные бюро, аналитики и прочие. Их роль в привлечении финансирования весьма значительна, особенно при использовании фондовых инструментов финансирования [9, 55]. Таких участников целесообразно включить в особую группу – инфраструктурные и регулирующие организации, в том числе саморегулируемые организации, роль которых на финансовом рынке должна постепенно повышаться [1, 50].

Под объектом кредитования обычно понимают цель кредита, которая выражает конкретные временные потребности в дополнительных денежных средствах, из-за которых заключается кредитная сделка [7, 131]. В настоящее время объекты кредитования устанавливаются кредиторами самостоятельно, во взаимодействии с заемщиками. На наш взгляд, вкладываемое в этот термин содержание полностью может быть отражено термином «виды кредитов». Применительно к банкам объекты кредитования находят отражение в кредитной политике банка. Поэтому нам представляется вполне логичным отказаться от выделения элемента «объект кредитования» в системе кредитования малого и среднего бизнеса в регионе.

Зачастую систему кредитования представляют не как упорядоченную совокупность неких частей и субъектов, а как логически обоснованную последовательность операций и сделок, связанных с привлечением и использованием ссудного капитала, включающую принципы, объекты, методы кредитования, организационные механизмы взаимодействия кредитора и заемщика, а также контроль за всеми операциями [4, 43]. Поэтому, помимо субъектов и принципов, важными структурно-функциональными элементами конструкции системы кредитования малого и среднего бизнеса являются формы и процедуры взаимоотношений между субъектами, разновидности кредитных продуктов, их нормативно-правовое регулирование. Предлагаемая структурно-функциональная схема системы кредитования малого и среднего бизнеса представлена на рисунке.

Таким образом, система банковского кредитования малого и среднего бизнеса, основываясь на принципах кредита, объединяет кредиторов и заемщиков через используемые инструменты, институты и инфраструктурные организации. В процессе функционирования все участники системы кредитования действуют в собственных интересах в рамках существующих норм и ограничений, задаваемых государством, с учетом конкретных региональных особенностей финансово-кредитной системы.

Региональная специфика рассматриваемой системы проявляется, на наш взгляд, в составе и характеристиках задействованных субъектов. Так, по регионам отличается отраслевая структура хозяйственной деятельности и инвестиционных проектов малого и среднего бизнеса, не повторяясь даже внутри отдельных федеральных округов [10, 39]. Это предопределяет параметры финансовых потребностей и возможностей использования кредитных продуктов. Также существенные отличия касаются наличия кредитных институтов, качества инфраструктуры и регулирования.

Система кредитования малого и среднего бизнеса

Финансово-кредитная поддержка среднего и малого предпринимательства в регионах реализуется путем выделения денежных средств субъекту Российской Федерации на развитие в нем предпринимательской деятельности. К основным формам относятся:

- выдача субсидий на развитие МСП;
- оказание денежной помощи микрофинансовым организациям;
- финансирование гарантийных фондов региона.

Кредитные и прочие финансовые продукты государственных институтов поддержки бизнеса имеют относительно более выгодные условия для заемщика и уже доказали свою эффективность при обеспечении финансовыми ресурсами приоритетных отраслей экономики [8, 131]. Однако потенциал данных институтов в настоящее время реализован не в полной мере вследствие того, что объемы их капитализации недостаточны в сравнении с коммерческим сектором, что не позволяет им оказывать значимое влияние на рынок кредитования. Для обеспечения растущего спроса со стороны предприятий на финансовую поддержку данным институтам следует наращивать финансовую базу, чтобы они могли уверенно функционировать в интересах бизнеса.

Для обеспечения сбалансированности в кредитовании малого и среднего бизнеса в регионах следует также поддерживать развитие небанковских субъектов кредитного процесса.

Предложенный подход к пониманию системы кредитования малого и среднего бизнеса в регионе позволяет сформировать целостное представление о возможностях и направлениях повышения эффективности механизма кредитования малого и среднего бизнеса с учетом возможных альтернативных инструментов, а также территориальной структуры и специфики предпринимательской активности.

Литература

1. Болотин Ю.О., Шевченко Д.А. Актуальные направления модернизации регулятивной функции государства на финансовом рынке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2018. № 9. С. 48–50.
2. Бубнова И.Ю., Ермакова Т.П. Механизм кредитования: значение в деятельности банка и схема организации // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. 2011. № 2. С. 212–214.
3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/>
4. Завьялов С.О. Частно-государственное партнерство в сфере кредитования // Бизнес в законе: Экономико-юридический журнал. 2011. № 6.

5. Зотова А.И., Давыденко И.Г. Индикативный подход к исследованию региональной системы кредитования юридических лиц в федеральных округах // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 193–198.
6. Зотова А.И., Кириченко М.В. Финансовая система региона: структурно-функциональный аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2015. № 11–12. С. 82–86.
7. Меняйло Г.В. Сущность и классификация кредитного портфеля коммерческого банка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. № 2. С. 129–136.
8. Мищенко К.Н., Шевченко Д.А., Абрамян Г.А. Институты финансовой поддержки бизнеса в контексте повышения конкурентоспособности региональной экономики // Экономика и управление. 2019. № 7. С. 89–96.
9. Шевченко Д.А. Личные инструменты Инвестор Рилейшнз: выстраивание диалога компании с инвестиционным сообществом // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 6. С. 54–66.
10. Шевченко Д.А., Аскендеров А.Х. Перспективы развития инвестиционной деятельности в республиках Северного Кавказа // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 3. С. 36–39.

Анализ современной системы управления расходами бюджета Республики Башкортостан

Analysis of Modern Expenditure Management System of the Budget of the Republic of Bashkortostan

DOI: 10.34773/EU.2020.1.11

Р. РАХИМОВ, И. КАРЕЛИН

Рахимов Радик Рауфович, магистрант Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: rahim.07@mail.ru

Карелин Игорь Юрьевич, канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и социально-экономической политики БАГСУ. E-mail: igorKarelin@gmail.com

В статье авторы приводят результаты анализа расходной части бюджета субъекта Российской Федерации с целью выявления степени эффективности с учетом наличия определенных социальных приоритетов в региональной политике государства на современном этапе.

Ключевые слова: бюджет региона, система управления расходами бюджета, социальная политика государства.

In the article, the authors present the results of the analysis of the expenditure part of the budget of the subject of the Russian Federation in order to identify the degree of efficiency, taking into account the presence of certain social priorities in the regional policy of the state at the present stage.

Key words: regional budget, budget expenditure management system, social policy of the state.

Государственный бюджет является неотъемлемой частью любой страны, и бюджетная политика всех государств мира строится в интересах ее жителей. Поступаемые средства направляются на развитие и благоустройство районов и городов, повышение качества жизни людей, поэтому исследование государственных расходов всегда было особым вопросом решения проблем повышения бюджетной эффективности.

В самом термине «бюджет» (от старонормандского «bougette» – кошелек, сумка, мешок с деньгами и т.п.) заложено выражение финансовых отношений, связанных с образованием и

использованием фонда денежных ресурсов домохозяйства, предприятия (организации, учреждения), региона или страны. Со времен формирования государственного бюджета и развития финансовых отношений в Древней Индии этот термин означает план поступления доходов и статей расходов денежных средств социально-экономического объекта, устанавливаемый и реализуемый, как правило, за календарный год или срок инвестиционного проекта.

Разделы классификаций расходов Республики Башкортостан на 2017 г., 2018 г. и планируемые 2019–2020 гг. [4]

Наименование раздела	2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	Закон № 4 27-з (в ред. от 21.09.2017)	Уд. вес, %	проект	Уд. вес, %	проект	Уд. вес, %	проект	Уд. вес, %
Всего, в том числе:	162491, 7	100,0	156748, 7	100,0	158525, 1	100,0	160 849, 2	100,0
Общегосударственные расходы	6677, 7	4,1	9773, 7	6,2	8106, 6	5,1	8034, 6	5,0
Национальная оборона	83,7	0,1	91,5	0,1	92,5	0,1	95,9	0,1
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	957,7	0,6	719,4	0,4	625,4	0,4	625,4	0,4
Национальная экономика	36 116, 5	22,2	30 895, 5	19,7	30 290, 9	19,1	29 913, 7	18,6
ЖКХ	8 794, 8	5,4	3 569,2	2,3	3 512, 9	2,2	3 334,2	2,1
Охрана окружающей среды	253,7	0,1	214,7	0,1	214,7	0,1	217,7	0,1
Образование	38 779, 5	23,9	41 110,0	26,2	40 120,7	25,3	39099,5	24,3
Культура, кинематография	3 229,3	2,0	2 479,6	1,6	2 312,5	1,5	2 532,5	1,6
Здравоохранение	14 849, 3	9,2	13 819,8	8,8	14 112,7	8,9	15 146,1	9,4
Социальная политика	41 423,0	25,2	43 526, 3	27,8	44 003,0	27,8	44 430,3	27,6
Физическая культура и спорт	1 294, 0	0,8	2 178, 8	1,4	2 433,6	1,5	676,3	0,4
Средства массовой информации	526,4	0,3	737,7	0,5	737,7	0,5	737,7	0,5
Обслуживание государственного и муниципального долга	1 676, 9	1,0	1300,0	0,8	1663,5	1,0	1996, 9	1,2
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы РФ	7 784,2	4,8	6368, 5	4,1	6598, 4	4,2	6608,4	4,1
Условно утвержденные расходы	0,0	0,0	0,0	0,0	3 700,00	2,3	7 400,0	4,6

Бюджетная система Республики Башкортостан (РБ) состоит из: бюджета РБ, бюджета территориального фонда обязательного медицинского страхования РБ, местных бюджетов. Бюджет муниципальных районов включает в себя 14 городских бюджетов и 818 сельских поселений.

Консолидированный бюджет РБ включает бюджет РБ, бюджеты 54 муниципальных районов и 9 городских округов. Аналогичным образом консолидированный бюджет муниципального образования включает районный бюджет и свод бюджетов входящих в состав муниципального района городских и сельских поселений.

В перечень приоритетных направлений бюджетной политики РБ на период до 2020 г. были включены мероприятия по привлечению внутренних резервов, пролонгации сокращения неэффективных расходов, координации бюджетных затрат с повышением их влияния на достижение стратегических ориентиров (целевых показателей) социально-экономического развития

республики, охватывающих ключевые сферы жизни населения, создание условий для мобилизации внутренних резервов, повышение бюджетной эффективности государственного и муниципального управления.

Необходимо обратить внимание, что бюджет РБ профицитный, поэтому рассматривается вопрос рациональности использования финансовых ресурсов регионального бюджета. Общая характеристика расходов бюджета РБ, утвержденных на 2017 г. и планируемых на 2018–2020 гг., приведена по разделам классификации расходов в таблице.

Из данных таблицы видно, что наибольшую долю в расходах РБ занимает раздел «Социальная политика», «Образование» и «Национальная экономика». Однако удельный вес бюджетных ассигнований на социальный блок в общей сумме расходов бюджета РБ имеет тенденцию к снижению и составляет на 2018 г. 103 852,2 млн руб., или 66,3 %, в общем объеме расходов бюджета РБ, на 2019 год – 103 720,2 млн руб., или 65,4 %, на 2020 год – 102 622,4 млн руб., или 63,8 %.

По разделу «Социальная политика» бюджетные расходы в 2018 г. составили 43 526,3 млн руб., рост достиг 2 103,3 млн руб., или 5,1 %, по сравнению с утвержденным планом на 2017 г., и на 2 259,4 млн руб., или на 5,5 %, по сравнению с ожидаемым исполнением за 2017 г. Изменение расходов в 2018 г. по сравнению с утвержденными значениями на 2017 г. связано с ростом исполнения публичных нормативных обязательств, исходя из фактической численности получателей и роста стоимости содержания жилых помещений и коммунальных услуг для населения и осуществления переданных полномочий по реализации мероприятий по социальной защите граждан за счет средств федерального бюджета.

На 2019 г. предусматриваются расходы в объеме 44 003,0 млн руб., с ростом на 476,7 млн руб., или на 1,1%, к уровню 2018 г., на 2020 г. – 44 430,3 млн руб., с ростом на 427,3 млн руб., или на 1,0 %, к уровню 2019 г. Доля бюджетных ассигнований данного раздела в общем объеме расходов бюджета РБ на 2018 г. и плановый период 2019–2020 гг. составит 27,8 %, 27,8 %, 27,6 % соответственно. Затраты на социальную политику, по мнению Министерства финансов РБ, являются не столь важными с учетом их роста.

По разделу «Образование» в РБ на 2018 г. затрачено в объеме 41 110,0 млн руб., с ростом на 2 330,5 млн руб., или на 6,0 %, по сравнению с утвержденным планом на 2017 г., и к ожидаемому исполнению за 2017 г. – на 1 794,7 млн руб., или на 4,6 %.

На изменение расходов в 2018 г. по сравнению с утвержденными значениями на 2017 г. в основном повлияло увеличение бюджетных ассигнований, предусмотренных на реализацию Республиканской адресной инвестиционной программы, с учетом перераспределения объемов бюджетных ассигнований между отраслями и главными распорядителями бюджетных средств на мероприятия по созданию новых мест в общеобразовательных организациях и на осуществление переданных полномочий РБ по оплате труда педагогических работников дошкольного и общего образования. Так, за счет средств бюджета было отстроено здание школы в микрорайоне «Дема» на 825 учебных мест с затратами в 776,2 млн руб. В 2019 году планируется выделить на строительство школ 2 508,0 млн рублей из средств бюджета РБ (из них 523,1 млн рублей средств федерального бюджета), ввести в эксплуатацию еще 6 школ на 4 095 ученических мест (в том числе школа на 1 225 ученических мест в городском округе город Стерлитамак также с привлечением средств федерального бюджета).

По разделу «Национальная экономика» бюджетные ассигнования на 2018 г. составили 30 859,5 млн руб. со снижением на 5 257,0 млн руб., или на 14,6 %, по сравнению с утвержденным планом на 2017 год, и на 3 121,7 млн руб., или на 9,2 % от ожидаемого исполнения за 2017 г. Снижение расходов в 2018 г. по сравнению с утвержденными значениями на 2017 г. в основном связано с корректировкой объемов финансового обеспечения расходов на дорожное хозяйство и сельское хозяйство, сокращением предельного объема бюджетных ассигнований на реализацию мероприятий Республиканской адресной инвестиционной программы и перераспределением ее параметров между отраслями. На 2019 г. предусматриваются расходы в сумме 30 290,9 млн руб.

со снижением на 568,6 млн руб., или на 1,8 %, к уровню 2019 г., и на 2020 г. – 29 913,7 млн руб., со снижением на 377,2 млн руб., или на 1,2 %, к уровню 2019 г.

Наименьшую долю в расходах региона имеют разделы «СМИ», «Охрана окружающей среды», «Физическая культура и спорт», «Национальная оборона».

По разделу «Охрана окружающей среды» бюджетные ассигнования на 2018–2019 гг. запланированы ежегодно в объеме 214,7 млн руб., со снижением на 39,0 млн руб., или на 15,4 %, по сравнению с утвержденным планом на 2017 г., и на 45,9 млн руб., или на 17,6 %, по сравнению с ожидаемым исполнением за 2017 г. Снижение расходов в 2018 г. связано с уменьшением бюджетных ассигнований на содержание Министерства природопользования и экологии РБ и природоохранных учреждений. На 2020 г. по данному разделу предусматриваются расходы в сумме 217,7 млн руб., с ростом на 3,0 млн руб., или на 1,4 %, к уровню 2019 г. Доля бюджетных ассигнований данного раздела в общем объеме расходов бюджета РБ в 2018–2020 гг. составит ежегодно 0,1 %.

По разделу «Физическая культура и спорт» бюджетные ассигнования на 2018 г. запланированы в объеме 2 178,8 млн руб., с ростом на 884,8 млн руб., или на 68,4 %, и на 899,0 млн руб., или на 70,2 %, по сравнению с ожидаемым исполнением за 2017 г.

Также следует отметить, что более 95 % расходов государственного бюджета направляется ежегодно на финансирование различных государственных программ: «Социальная защита населения РБ» – 16 753 253 894,95 руб., «Регулирование рынка труда и содействие занятости населения в РБ» – 1 717 770 174,69 руб., «Развитие образования в РБ» – 43 686 570,20 руб., «Развитие здравоохранения РБ» – 33 755 337 041,26 руб. и т.д. Сокращение расходов на такие разделы, как «Физическая культура и спорт», «Охрана окружающей среды», вызвано тем, что постепенно бюджетные расходы на социальные нужды снижаются; исключаются затраты на развитие туризма, спорта и др. Параллельно создаются новые программы в контексте приоритетных национальных проектов России – доступная среда, укрепление единства российской нации, этнокультурное развитие народов. К примеру, финансирование программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в РБ» в 2018–2019 гг. было прекращено, при этом вступила в действие, получила финансирование новая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в РБ».

Так, наглядно видно, что основной акцент в государственной бюджетной политике ставится на социально-экономической сфере, что представляется весьма целесообразным. Со временем часть государственных программ исключается, соответственно, прекращается и финансирование, однако на смену им принимаются другие, не менее важные и актуальные программы, которые необходимо реализовывать и направлять средства бюджета, но уже в других сферах.

Вышеизложенное позволило сделать вывод, что бюджет Башкортостана расходуется эффективно, с учетом наличия определенных социальных приоритетов в региональной политике государства на современном этапе.

Литература

1. Давлетбаева А.Р., Яруллин Р.Р. Реализация государственной программы, как один из путей повышения эффективности бюджетных расходов Республики Башкортостан // Ростовский научный журнал. 2017. № 6. С. 227–233.
2. Сабинова З.Э. Экономика общественного сектора: учебное пособие. Уфа: БАГСУ, 2015. 98 с.
3. Эффективное государство: современные тенденции и стратегическое развитие в Республике Башкортостан: колл. монография / Под общ. ред. И.Ю. Карелина. Уфа: БАГСУ, 2016. 260 с.
4. Открытый бюджет Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <http://openbudget.bashkortostan.ru>

Основные изменения в социально-трудовом пространстве Республики Тыва

Major Changes in the Socio-Labor Space of the Republic of Tyva

DOI: 10.34773/EU.2020.1.12

А. САМБА

Самба Анна Демир-Баадыровна, аспирант Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. E-mail: sundui2012@yandex.ru

В статье анализируется социально-трудовое пространство Республики Тыва, которое претерпевает существенные изменения в отраслевой и профессионально-квалификационной структуре занятого населения. На основе анализа статистических данных и публикаций специалистов по данной теме автор показал, что несмотря на в целом положительные сдвиги в структуре предложения труда, структура спроса на него остается довольно традиционной. Основными сдерживающими факторами, по мнению автора, являются социокультурные и экономико-географические особенности развития региона. В то же время очевидной является несогласованность приоритетных направлений развития и, как следствие, взаимодействия институтов, отвечающих за это.

Ключевые слова: социально-трудовое пространство, регион, занятость, рынок труда, социокультурные факторы, ценности, Республика Тыва.

The article analyzes the social and labor space of the Republic of Tyva, which is undergoing significant changes in the sectoral and professional-qualification structure of the employed population. On the basis of the analysis of statistics and publications of the experts, the author shows that despite the generally positive changes in the structure of labor supply, the structure of demand for it remains quite traditional. According to the authors opinion, the main restraining factors are socio-cultural and economic-geographical features of the regional development. At the same time, it is obvious that there is a lack of coordination of priority directions of development and, as a consequence, ineffective interaction of the institutions responsible for this.

Key words: socio-labor space, region, employment, labor market, socio-cultural factors, values, Republic of Tyva.

В настоящее время в российском обществе социально-трудовая сфера характеризуется как многомерное трансформирующееся пространство. Активные изменения происходят в профессионально-квалификационной структуре занятого населения, в иерархии социально-профессиональных статусов трудящихся, в востребованности работников определенной квалификации в отдельных отраслях региона и др. Изменения в профессионально-трудовой деятельности рассматриваются как процесс изменений основных факторов социально-трудовых отношений в социальном пространстве в условиях модернизации и цифровизации общества [1; 2; 7]. Эти процессы наблюдаются на всем российском пространстве, однако с разными темпами и степенью интенсивности.

Перспективы развития отмеченных тенденций на региональном уровне представляют большой научный и практический интерес. В данной статье мы обратимся к опыту Республики Тыва, где вышеперечисленные вопросы являются малоизученными. Уровень бедности в Тыве самый высокий в России и составил в 2018 году 41,5 %, республика испытывает явный недостаток профессиональных специалистов и исследователей. Представляется, что данная статья позволит раскрыть специфику региональной социально-трудовой сферы и в некоторой мере восполнить образовавшийся пробел.

Республика Тыва расположена на юге Восточной Сибири, входит в состав Сибирского федерального округа. С экономической точки зрения регион является одним из наиболее проблемных регионов России, здесь сохраняются традиционные формы хозяйствования, основанные, прежде всего, на животноводстве. В то же время слабо развита промышленность и транспортная инфраструктура.

Специфику социально-трудовой среды Республики Тыва во многом определяют социокультурные особенности развития региона. Одной из таких особенностей является сложившаяся дуальная система ценностей тувинцев, сочетающая в себе «внутренние» этнокультурные (традиционные) ценности с «внешними», связанными с необходимостью развиваться внутри российского государства и общества [5, 96]. Эта особенность оказывает влияние практически на все аспекты занятости в регионе.

По официальным данным, население Республики Тыва немногочисленно, но имеет устойчивый растущий тренд. В 2017 г. его численность составляла 321 722 человек, в том числе городское население – 173 853 (54 %), сельское – 147 869 человек (46 %). Из общей численности населения: моложе трудоспособного возраста – 111 402 человек (34,6 %), трудоспособного возраста – 173 599 человек (54 %), старше трудоспособного возраста – 36 721 человек (11,4 %). Более молодая возрастная структура населения определила довольно высокие показатели образования занятого населения. Невысокая доля лиц пожилого возраста обусловлена не только высоким уровнем рождаемости, но и высоким уровнем преждевременной смертности [6, 373].

Уровень занятости населения – самый низкий в стране, составляет всего 50,3 %. Уровень безработицы, по данным рынка труда Республики Тыва, в 2017 г. составил 18,3 %, что значительно превышает среднероссийские показатели и уровень Сибирского федерального округа. Численность рабочей силы в 2017 г. составила 126,5 тыс. человек, из них занятые в экономике – 103,3 тыс. человек, безработные – 23,1 тыс. человек, а численность не занятых в экономике в обследуемый период составила 77,7 тыс. человек.

Специализация региона в традиционном животноводстве, большая доля сельского населения во многом объясняет высокую долю неформальной занятости и самозанятости – 28 % от общей численности занятого населения Тывы (около 30 тыс. человек в 2017 г.). Отсутствие налаженных каналов сбыта продукции традиционного животноводства в другие регионы России существенно сдерживает развитие как самой отрасли, так и региона и его рынка труда. В условиях низкой заработной платы, невысокой покупательной способности населения сельское хозяйство развивается очень медленно.

Несмотря на декларируемую приоритетность развития сельскохозяйственной отрасли ее доля в структуре ВРП довольно мала (7,8 % в 2017 г.) – более чем вдвое ниже доли добывающей промышленности. В сельском хозяйстве региона работает около 7 % населения. Доля квалифицированных работников в этой отрасли существенно сократилась, а организации не заявляют о потребности в них.

В сфере промышленности занято не более 10 % работающего населения. При этом основная доля добавленной стоимости промышленности приходится на добычу полезных ископаемых (18,1 % ВРП). Обработывающие производства развиты очень плохо и создают лишь 1,1 % ВРП региона. Подавляющая часть работающего населения концентрируется в секторе услуг, в том числе более половины – в бюджетных отраслях управления, здравоохранения, образования и предоставления социальных услуг. Бюджетные отрасли формируют около 47 % валового регионального продукта. Такая структура занятости и ВРП является свидетельством неразвитости экономики и высокой зависимости от федеральных трансфертов [6, 375].

Вместе с тем, данные статистики свидетельствуют о существенном улучшении профессионально-квалификационной структуры занятого населения. Растет доля высококвалифицированных работников в общей численности квалифицированных работников. Так, если в 2014 г. их численность составляла 28 тыс. человек, то в 2018 г. – уже 33,7 тыс. человек. По данным за 2018 г., 38,2 % занятого населения имели высшее образование, 27 % окончили программу подготовки специалистов среднего звена, 10,8 % – программу подготовки квалифицированных рабочих (служащих). На первый взгляд, эти показатели существенно выше, чем во многих индустриально развитых регионах. Однако такая структура занятого населения является пока только отражением неразвитой промышленности, а также тенденций в развитии образования в регионе и по стране в целом.

В сфере образования более явно проявляются противоречия дуальной системы ценностей, которые вносят дополнительный вклад в структурный дисбаланс на рынке труда. С одной стороны, высшее образование в Республике Тыва становится практически массовым явлением, его получение стимулируется и региональной государственной программой «В каждой семье – не менее одного ребенка с высшим образованием». В семьях и социокультурном пространстве возвращается уважение к интеллектуальному труду, культивируется ценность высшего образования как средство достижения высокого статуса в обществе. С другой стороны, ключевым и приоритетным направлением в социально-экономическом развитии региона остается животноводство, где преимущественно используется физический труд. И это направление поддерживается специальными государственными программами, например, такими, как проект «Корова-кормилица», «Одно село – один продукт», «Кыштаг (стоянка) для молодой семьи» и др., цель которых – возрождение традиционных форм животноводства. Как результат таких противоречий, по данным за 2016 г., – 16 % окончивших профессиональные учебные заведения и 12,5 % получивших высшее и послевузовское образование были безработными. Однако институт образования продолжает выпускать специалистов, которые имеют проблемы с трудоустройством на региональном рынке труда.

Формируемая профессионально-квалификационная структура населения опережает экономические процессы в регионе. В результате высококвалифицированные специалисты пополняют группу работников квалифицированного и даже неквалифицированного труда, повышая тем самым напряженность на рынке труда. По последним данным, на одно рабочее место претендовало 12 безработных граждан, при этом специальности безработных граждан «не соответствуют» потребностям рынка труда, что свидетельствует о неэффективном расходовании бюджетных средств на образование, указывает на недочеты в прогнозировании и управлении социально-трудовым пространством региона, а также на неэффективное взаимодействие социальных институтов.

Противоречия социально-трудовой сферы региона отражаются и на доходах населения. Статистические данные свидетельствуют о том, что уровень заработных плат работников организаций в целом растет, а в средних показателях (35,6 тыс. руб в 2018 г.) он даже выше, чем во многих центральных регионах России и некоторых регионах Сибирского федерального округа (Алтайского края, Республики Алтай, Омской области в 2019 г.). При этом Республика Тыва является антилидером среди регионов России по уровню бедности населения: доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2018 г. составила 40,1 %. Среднедушевые денежные доходы населения (14,7 тыс. рублей в 2018 г.) более чем в два раза ниже среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций. Кроме того, численность работников организаций в регионе устойчиво сокращается, их доля в общей численности занятых за 2010–2018 гг. снизилась с 64 % до 55 %. На наш взгляд, это является свидетельством более широкого, чем отмечается в официальных источниках, неформального сектора экономики.

Перспективы развития региональной экономики связаны с инвестициями. Инвестиционная активность региона указывает на сохранение стратегии экстенсивного пути развития, в основном за счет развития добывающей промышленности. Значительный объем инвестиций организаций в 2018 г. (кроме субъектов малого предпринимательства), направлен на обновление и увеличение производственных мощностей сектора экономики, осуществляющего добычу полезных ископаемых (31,4 %), в том числе добычу каменного угля (27,1%). Доля инвестиций, вложенных в приобретение и модернизацию машин и оборудования, снизилась с 63,6 % в 2016 г. до 37,0 % в 2018 г. Оставшаяся часть капитальных затрат связана с развитием и поддержанием системы образования, обновлением основных фондов организаций здравоохранения, госуправления, обеспечения военной безопасности, социального страхования и т.д. Основным источником инвестиций являются бюджетные средства [3, 13–23]. Анализ потребности организаций в кадрах также не свидетельствует о модернизирующейся экономике региона. В связи с открытием военного городка в Кызыле последние данные Министерства труда и социальной защиты

населения Республики Тыва регистрируют высокую потребность в военных профессиях (стрелок, военный водитель, водитель грузовых автомобилей, пулеметчик, гранатометчик) [4].

Таким образом, анализ социально-трудового пространства региона показал, что республика, несомненно, меняется. В регионе наблюдаются довольно высокие темпы урбанизации населения, растет уровень образования, улучшается профессионально-квалификационная структура занятых. Уровень заработных плат работников организаций растет и близок к общероссийскому в основном за счет организаций добывающей промышленности и бюджетного сектора. В то же время социально-трудовое пространство Тывы отражает мощное влияние этнокультурных ценностей и традиций хозяйствования, особенно в сельской местности. В неблагоприятных условиях климата и транспортной доступности, при низком уровне экономического развития и сохранении сельского образа жизни значительной части населения родовые сообщества (как особый социальный институт) будут продолжать играть важную роль в социально-экономической жизни населения. Находясь в российском институциональном пространстве, республика неизбежно будет развиваться в общем направлении, однако темпы модернизации социально-трудовой сферы пока очень низки. Этому не способствуют и выявленные в данной статье противоречия. Как показал анализ, потребности рынка труда и подготовка профессиональных кадров находятся в разных плоскостях; не отлажены механизмы взаимодействия социальных институтов с учетом «дуальной» системы ценностей и «специфических» особенностей.

Литература

1. Баймурзина Г.Р. Трансформации социально-трудового пространства: опыт и проблемы регионального измерения в Республике Башкортостан // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3. С. 99–110.
2. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.
3. Енисейская Сибирь: Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва. Красноярскстат. Красноярск, 2019. 197 с.
4. О востребованных и менее востребованных профессиях Республики Тыва // Официальный сайт Министерства труда и социальной политики Республики Тыва [Электронный ресурс]. URL: <http://mintrudtuva.ru/>
5. Особенности модернизации социальной структуры российского общества: монография [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6805
6. Поподько Г.И., Гимадеева Э.Н. Оценка потенциала развития Республики Тыва как проблемного региона России. Фундаментальные исследования. 2016. № 8. С. 372–378.
7. Социальное пространство российских регионов: монография / Отв. ред. З.Т. Голенкова; Институт социологии РАН. М.: ИС РАН, 2017. 256 с.

Интеграция процессного подхода и Agile-технологии проектного менеджмента в бережливом производстве

Integration of the Process Approach and Agile-technology of Project Management in Lean Manufacturing

DOI: 10.34773/EU.2020.1.13

Л. ЕЛКИНА, Н. СУХОВА,
А. ЯКОВЛЕВА

Елкина Людмила Геннадьевна, д-р экон. наук, профессор кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: elkina_ludmila@inbox.ru

Сухова Надежда Александровна, канд. техн. наук, доцент кафедры технологии машиностроения Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ). E-mail: nad_suhova@mail.ru

Яковлева Анастасия Александровна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики предпринимательства Института экономики и управления УГАТУ. E-mail: aa.yakovleva@mail.ru

В статье представлены результаты исследования генезиса современных подходов управления, рассмотрена концепция интеграции процессного подхода и Agile-технологии проектного менеджмента в системе бережливого производства. Предложена интегрированная модель проектирования бизнес-процессов в системе бережливого производства, включающая описание входов и выходов процессов, а также применяемые методы и инструменты.

Ключевые слова: производительность труда, процессный и проектный подходы к управлению, бережливое производство, Agile-технология.

The article presents the results of a research of the genesis of present management approaches, considers the concept of integrating the process approach and the Agile-technology of project management in a lean manufacturing system. An integrated model for designing business processes in a lean manufacturing system is proposed, including a description of the inputs and outputs of the processes, as well as the methods and tools used.

Key words: labor productivity, process and design approaches to management, lean manufacturing, Agile-technology.

Сырьевой характер экономики и высокий уровень неопределенности на протяжении длительного времени негативным образом влияют на конкурентоспособность России на мировом рынке. Сравнение темпов экономического роста РФ и быстро развивающихся стран не в пользу российской экономики определяет необходимость разработки и реализации программ по техническому перевооружению, развитию человеческого потенциала, привлечению инвестиционного капитала в высокопроизводительные отрасли, а также по повышению производительности труда.

Согласно статистике Международной организации труда, в 2005–2015 годах уровень производительности труда в РФ отставал от среднемирового на 27 %, от среднего по странам ЕС – на 81 %, от среднего по группе G20 – на 41 %. В 2016 году, согласно данным Росстата, уровень производительности труда увеличился по отношению к предыдущему периоду на 0,2 %, в 2017 году – на 1,9 % [3].

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), производительность труда в России в 2017 году вернулась на уровень 2014 года [7]. В 2018 году прирост производительности труда составил порядка 2,1 % [4].

Реализация национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», рассчитанного на период до 2025 года, должна позволить существенно повысить производительность труда в масштабах страны за счет совершенствования законодательства в сферах модернизации производства, промышленной безопасности и трудовых отношений.

По данным Федерального центра компетенций, к ноябрю 2019 года в данном проекте приняло участие более 700 предприятий. Около 10 % составил прирост производительности труда на 58 % предприятий-участников национального проекта, завершивших свои проекты в 2018 году [10].

Участие предприятий в данном национальном проекте предполагает освоение ими лучших практик применения инструментов концепции бережливого производства (БП).

Концепция бережливого производства уже завоевала популярность среди российских предприятий. Успешными примерами внедрения являются АО «РЖД», ПАО «КАМАЗ», предприятия ГК «Ростех» и ГК «Росатом». Ежегодно их количество увеличивается, в том числе за счет развития консалтинговых услуг в данной сфере и нормативно-законодательной базы.

Опыт внедрения концепции бережливого производства, даже в виде отдельных элементов, на предприятиях различных отраслей показал ее перспективность [2].

Однако необходимо отметить, что применение инструментов бережливого производства и внедрение данной концепции в жизнь каждого конкретного предприятия являются в значительной степени уникальными.

Основная идея подхода к внедрению БП состоит в движении от частного к общему: от изучения операций к пересмотру всего производственного процесса при условии вовлечения персонала в процесс непрерывного совершенствования [6].

Наиболее часто используемыми подходами к управлению внедрением методов и инструментов повышения эффективности производства на российских предприятиях являются функциональный, процессный и проектный.

Генезис современных подходов управления. Наиболее разработанным и традиционным подходом управления является *классический функциональный подход*, в основе которого лежит понимание управления как процесса выполнения определенных функций. В соответствии с данным подходом предприятие представляет собой систему, каждый элемент которой призван выполнять набор определенных функций. Согласно данному подходу, процесс управления реализуется посредством делегирования полномочий исполнителям, находящимся на разных уровнях организационной структуры предприятия, построенной в соответствии со строгой иерархической подчиненностью, направленной «сверху вниз». Особенности такого вида управления являются:

- строгая вертикальная иерархия управления;
- жесткое разделение труда, сгруппированное в соответствии со спецификой выполняемых действий;
- управление, ориентированное на выполнение однородных действий.

Лучшей практикой использования данного подхода (Scientific Management) следует считать опыт организации и управления производства, разработанный Ф. Тейлором. Он утверждал, что работа может быть выполнена наиболее эффективно, если разбить ее на элементарные операции, каждую из которых закрепить за конкретным исполнителем с последующим обучением его рациональным трудовым приемам, что обеспечивает эффективное ведение бизнеса в условиях массового производства отдельных (дефицитных) видов продуктов, востребованных рынком [11].

Развитие рыночных отношений и обострение конкуренции определили необходимость перехода к производству разнообразной продукции, удовлетворяющей растущие потребности. Руководители компаний начали понимать, что нужно бороться за клиента через качество и скорость его обслуживания, что привело к переходу на производство продукции малыми сериями и под заказ. Идея ориентированной на процессы структуры предприятия получила широкое распространение благодаря концепции управления бизнес-процессами (Business Process Management), связанной с именами двух американских исследователей в области менеджмента – Майкла Хаммера и Джеймса Чампи [5; 12].

Процессный подход – это систематическая идентификация применяемых организацией процессов и взаимодействия таких процессов и управление ими [8]. Данный подход позволяет найти решение традиционных проблем, характерных для большинства организаций:

- добиться прозрачности организационных, информационных структур, структур процессов и оказываемых услуг, повысив тем самым управляемость организации;

- снизить издержки и повысить рентабельность за счет оптимизации выполняемых функций процессов, сокращения длительности и стоимости процессов, синхронизации и координации взаимосвязанных процессов;

- провести анализ процессов с целью их совершенствования;
- создать единую базу знаний о деятельности организации, позволяющую получать отчеты для руководителей по всевозможным аспектам;

- обеспечить полномасштабное внедрение системы управления процессами;

- снижение влияния человеческого фактора при управлении организацией.

Возрастающая роль инноваций как основополагающего фактора обеспечения устойчивого развития организаций в условиях роста конкуренции во всех отраслях, усиления интеграции и взаимодействия производства и науки делает проектное управление актуальным в современном мире. *Под проектным управлением* подразумевается методика руководства важными и масштабными задачами, которые имеют определенную цель, установленные сроки и ограниченное ресурсное обеспечение [1]. Такой подход позволяет объединить в единое целое постоянные (линейные) процессы, происходящие в компании, и целевые (разовые) инициативы. Такой вид менеджмента дает возможность:

- достичь запланированных показателей за счет внедрения таких инициатив, которые будут наиболее выгодны для компании в краткосрочном или долгосрочном периоде;

- обеспечить разработку продукта с заранее установленными показателями качества;

- выдержать сроки достижения результата, синхронизировав их с другими работами компании;

- эффективно управлять трудовыми, финансовыми, материально-техническими ресурсами.

На сегодняшний день проектное управление является инновационным и актуальным для бизнеса, поскольку ориентировано на достижение высоких результатов в условиях постоянного изменения ситуации на рынке.

Одним из современных методов проектного управления является Agile. Agile-технология становится все более популярной в разных сферах деятельности организаций по всему миру, в том числе в промышленности и образовании [13].

В России по сравнению с 2017 годом Agile-технология стала чаще использоваться во всех отраслях промышленности, число Agile-команд, результатом работы которых является материальный товар, за год выросло с 4,6 % до 8 %. Наиболее заметные улучшения в организациях, применяющих технологии Agile, касаются, как правило, следующих параметров: повышения прозрачности процессов; управления по часто изменяющимся приоритетам; повышения мотивации работников; ускорения реализации проектов [9].

Agile-технология реализуется несколькими техниками: Lean Startup, Scrum, Iterative Development, Scrumban, Kanban, Scrum/XPhybrid и другие.

Наиболее используемым вариантом в мире и на российских предприятиях является техника Scrum [9; 13]. Большая часть организаций в России применяет принципы только одного из рассмотренных подходов управления, не используя преимущества возможной их интеграции. Тогда как практика показывает, что опираться только на один из рассмотренных подходов, по крайней мере, нецелесообразно.

Главным недостатком функционального и процессного подходов управления является отсутствие возможности быстрого и гибкого реагирования на изменения внешней среды организации. Особенно актуально это для промышленных производств, где основная задача – постоянный выпуск продукции определенного качества с небольшими модернизациями в зависимости от желаний заказчика в рамках возможностей наличного оборудования.

Проектный менеджмент изначально ориентирован на генерирование и внедрение нестандартных идей и разработок, что ограничивает возможность тиражирования результатов проектов в практику работы предприятий, реализующих производство продукции в условиях стабильных серий.

Таким образом, для получения максимального эффекта от внедрения системы бережливого производства на предприятии необходима интеграция современных подходов управления.

Концепция интеграции проектного и процессного подходов в системе бережливого производства. Интеграция процессного подхода и проектного менеджмента (в том числе Agile-технологии) включает совокупность следующих процессов (рис. 1).

1. *Определение бизнес-процессов предприятия, ориентированных на потребителя.* В рамках реализации процессного подхода на первом этапе проводится идентификация и анализ взаимодействия процессов предприятия.

Цель процесса – стандартизация бизнес-процессов для их дальнейшей оптимизации с точки зрения потерь.

Рис. 1. Интеграция проектного и процессного подхода в системе бережливого производства

Выходы процесса:

- определена схема взаимодействия процессов предприятия; определены границы процессов; определены потребители процессов;

- определены показатели, характеризующие процессы и их результаты; документированы бизнес-процессы в графическом и текстовом виде.

2. *Диагностика реализации бизнес-процессов.* На втором этапе проводится анализ процессов с точки зрения добавления ценности и выявления потерь.

Цель процесса – выявление потерь на каждом этапе процессов.

Выходы процесса:

- разработаны карты потока создания ценности процессов (картирование процессов «как есть»);

- выявлены потери на каждом этапе процессов;

- построены будущие карты потока с учетом устранения или снижения потерь (картирование процессов «как будет»).

Для выявления потерь на каждом этапе реализации процесса могут использоваться различные методы и инструменты, к основным из которых относятся статистические методы управления качеством (диаграмма Исикавы, контрольный листок, стратификация и др.), методы изучения затрат рабочего времени (хронометраж, фотография рабочего дня, фотохронометраж, метод моментных наблюдений, диаграмма «спагетти»), методы коллективного генерирования идей (метод мозгового штурма или метод мозговой атаки, метод «Дельфи»).

На практике эти методы и инструменты позволяют быстро и эффективно выявить, провести сбор, обработку информации и выявить потери на каждом этапе процесса.

3. *Проектирование бизнес-процессов в системе бережливого производства.* На третьем этапе на основе выявленных по результатам диагностики реализации процессов потерь проводится инициация и планирование конкретных мероприятий по повышению результативности и эффективности процессов. Последовательность выполняемых работ на данном этапе представлена на рисунке 2.

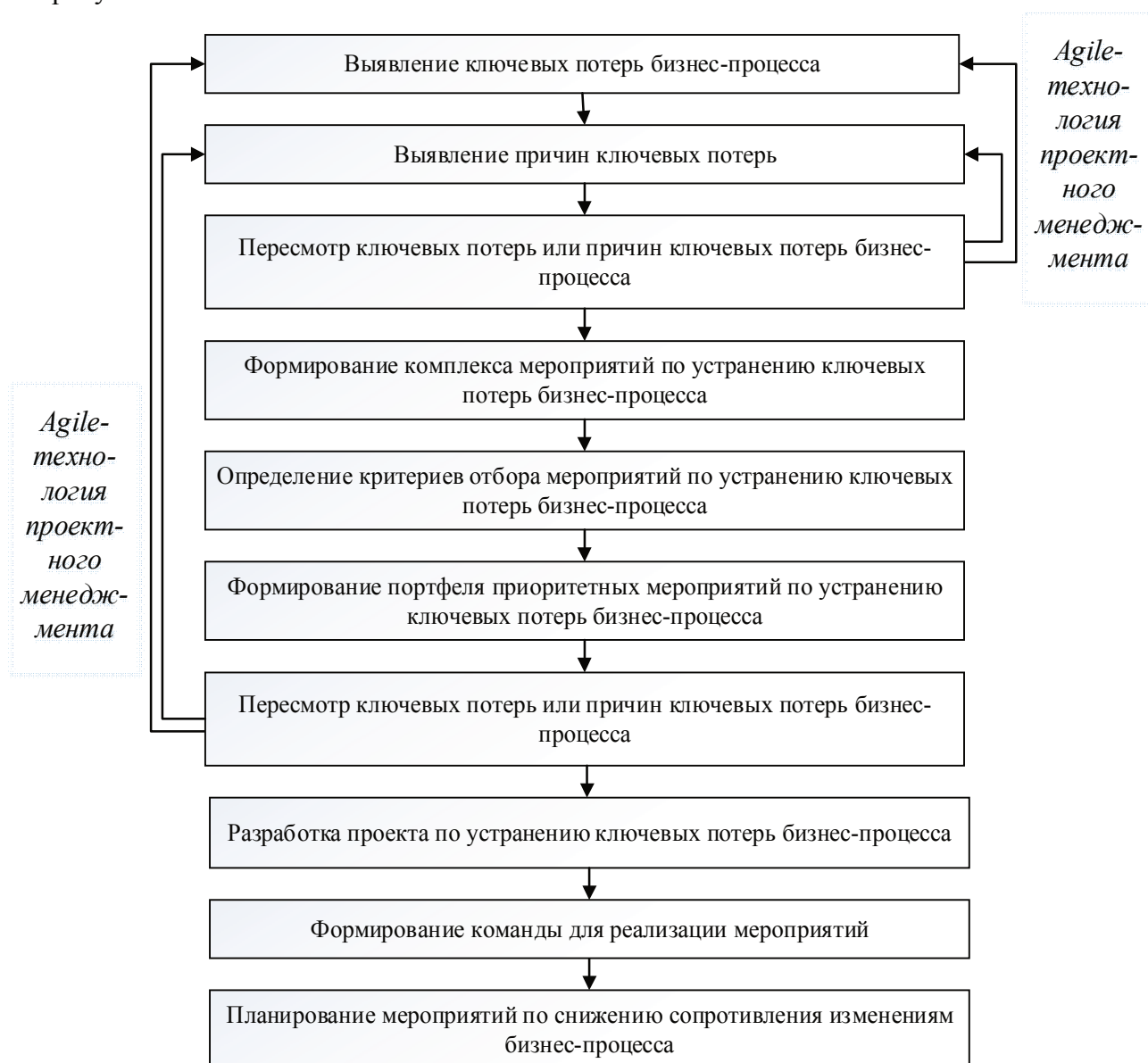

Рис. 2. Интегрированная модель проектирования бизнес-процессов в системе бережливого производства

Выходы процесса, а также методы и инструменты реализации последовательности работ представлены в таблице 2. Выбор инструментария определяется спецификой производства и сложностью решаемых задач.

4. *Оценка влияния проектов по устранению ключевых потерь бизнес-процессов на результаты деятельности предприятия.* Цель процесса – оценка эффективности планируемых к реализации проектов.

Выходы процесса:

– определение влияния планируемых к реализации проектов на результативность и эффективность бизнес-процессов, в том числе определение возможных ухудшений для других участников процессов;

– определение влияния планируемых к реализации мероприятий на эффективность деятельности предприятия, в том числе определение возможных дисфункций в системе процессов предприятия.

Таблица 2

Характеристики интегрированной модели проектирования бизнес-процессов в системе бережливого производства

Процесс	Выходы процесса	Методы и инструменты
Выявление ключевых потерь бизнес-процесса	Ключевые потери бизнес-процесса	Диаграмма Парето. Поле проблем. Метод «Коллективного блокнота»
Выявление причин ключевых потерь	Перечень причин потерь бизнес-процесса	Диаграмма Исикавы. Метод «5 Почему». Колесо бережливого производства
Формирование комплекса мероприятий по устранению ключевых потерь бизнес-процесса	Комплекс мероприятий	Методы коллективного генерирования идей. Анализ «дерева решений». Метод анализа видов и последствий потенциальных дефектов (FMEA). Диаграмма «галстук-бабочка». Отчет формата А3
Определение критериев отбора мероприятий по устранению ключевых потерь бизнес-процесса	Совокупность критериев отбора мероприятий	Экспертные методы
Формирование портфеля приоритетных мероприятий по устранению ключевых потерь бизнес-процесса	Портфель приоритетных мероприятий	Матрица приоритетов. Диаграмма Парето. ABC-метод
Разработка проекта по устранению ключевых потерь бизнес-процесса	Проект по устранению ключевых потерь бизнес-процесса	Технико-экономическое обоснование проекта. Оценка рисков реализации проекта
Формирование команды для реализации мероприятий	Состав команды	Методы формирования команды
Планирование мероприятий по снижению сопротивления изменениям бизнес-процесса	Мероприятия по снижению сопротивления изменениям	Методы и инструменты снижения сопротивления изменениям

Новизной предлагаемого подхода является использование Agile-технологии проектного менеджмента при проектировании бизнес-процессов в системе бережливого производства. Использование данной технологии позволяет:

- повышать прозрачность проектирования бизнес-процессов организации;
- повышать уровень мотивации и производительности труда проектных команд;
- обеспечивать согласованную работу различных подразделений организации;
- сокращать сроки проектирования и реализации проектов;
- повышать качество выполняемых работ.

В заключение необходимо отметить следующее. Исследование практики функционирования предприятий (организаций) России, создание и становление которых происходило в период «дореволюционной» и переходной экономики, показало, что их значительное число ориентировано на принципы традиционного управления производством, которые зачастую тормозят их развитие. При этом модернизация системы управления посредством применения современных подходов и инструментов бережливого производства способна стать основой повышения эффективности производства (производительности труда).

Литература

1. Аньшин В.М. Управление проектами: фундаментальный курс: учебник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2013. 620 с.
2. Бережливое производство. Практическое руководство // Управление производством № 2. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.up-pro.ru/docs/demo-81389.pdf>
3. Блейман Н. Новая экономия: как российские предприятия внедряют lean-методики. // Устойчивое развитие. 2018. № 3. 10 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5acc2c447a8aa94d61f53915/>
4. Бюллетень «Комментарии о Государстве и Бизнесе». 2019. № 207 [Электронный ресурс]. URL: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/272509701/>
5. Гродзенский С.Я., Овчинников С.А., Калачева Е.А. Применение стандартов моделирования в CALS-технологиях // Методы менеджмента качества. 2013. № 6. С. 38–43.
6. Елкина Л.Г., Сухова Н.А., Яковлева А.А., Сергиенко И.В. Исследование практики внедрения концепции бережливого производства на российских предприятиях // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 1. С. 34–41.
7. Ильина Н., Старостина Ю. Россия отстала в 3,8 раза от Ирландии по производительности труда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2019/5c5872889a794725eb8d815e>
8. Калачева Е.А. Функциональный и процессный подходы к управлению // INTERMATIC-2015: материалы Междунар. науч.-техн. конф. М.: Московский технологический университет (МИРЭА). С. 143–146.
9. Отчет об исследовании Agile в России 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://scrumtrek.ru/blog/agilesurvey18/>.
10. Производительность труда и поддержка занятости. Национальный проект Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда [Электронный ресурс]. URL: <http://производительность.рф>
11. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента / Пер. с англ. А.И. Зак. М.: Контроллинг, 1991. 104 с.
12. Хаммер М., Чампи Дж. Реинжиниринг корпорации: манифест для революции в бизнесе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. 288 с.
13. 13th Annual State Of Agile Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stateofagile.com/#ufh-c-473508-state-of-agile-report>

Цифровая модель компетенций как инструмент управления талантами

Digital Competency Model as a Talent Management Tool

DOI: 10.34773/EU.2020.1.14

Э. БАЙКОВА, А. КОСУРИНА,
М. ТАРЗИМИНА

Байкова Эльвира Рафаэлевна, канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: baykova-oet@yandex.ru

Косурина Анна Валерьевна, магистрант кафедры социологии труда и экономики предпринимательства ИНЭФБ БашГУ. E-mail: kosurina.av@gmail.com

Тарзиминова Мария Вячеславовна, магистрант кафедры социологии труда и экономики предпринимательства ИНЭФБ БашГУ. E-mail: maria.tarziminova@mail.ru

В современную эпоху стремительного технологического и научного развития быть конкурентоспособным – значит уметь приспосабливаться к изменчивым условиям экономики и рынка, быть готовым совершенствоваться имеющиеся и осваивать новые компетенции. Поэтому передовые компании особое место уделяют обучению и развитию персонала – своего главного ресурса. На сегодняшний день управление развитием талантов осуществляется с помощью информационных платформ. Авторы статьи провели сравнение HR-платформ и выдвинули идею о создании новой усовершенствованной программы по оцифровке компетенций сотрудников с целью их дальнейшего развития.

Ключевые слова: развитие персонала, управление талантами, проектные команды, HR-платформа, цифровая модель компетенций.

In the modern era of rapid technological and science development to be competitive means to be able to adapt to the changing conditions of the economy and market, to be ready to improve and to learn new skills. Therefore, successful companies pay special attention to training and development of personnel – their main resource. Today, talent development is managed through information platforms. The authors of the article compared these platforms and put forward the idea of creating a new improved program for digitizing employee competencies for their further development.

Key words: human resources development, talent management, project teams, HR-platform, digital competency model.

Современные тренды в области управления персоналом диктуют новый подход к определению понятия человеческого капитала организации. Согласно этому подходу работник – это не просто носитель знаний, умений и навыков, которые он использует в процессе своего труда, но и обладатель уникального таланта – потенциала с высокой эффективностью создания идеи, продукта, услуг. Впервые термин «управление талантами» был использован Дэвидом Уоткинсом из компании Softscape в статье, опубликованной в 1998 году. А в конце 1990-х компанией McKinsey (международная консалтинговая компания) был опубликован отчет «Война за таланты». Позднее эта тема освещалась в работах таких авторов, как Brewster C., Hegewisch A., Lockhart J.T., Lepak D.P., Snell S.A., Lewis R.E., Heckman R.J. и другие. Среди отечественных авторов, вектор исследований которых направлен в область управления талантами, известны Дымарская О.Я., Еремина И.Ю., Кабалина В.И., Мондрус О.В. и другие.

На сегодняшний день нет общепринятого определения талантов в бизнесе. Каждая фирма закладывает в этот термин свое понимание и строит исходя из этого свою политику управления талантами. Можно выделить два подхода к определению таланта – инклюзивный и эксклюзивный. Согласно первому подходу, все сотрудники компании признаются талантливыми, и раскрытие потенциала каждого работника требует разного количества затрат времени и усилий.

Эксклюзивный подход предполагает, что талант – явление редкое и наделены им далеко не все сотрудники фирмы. Сторонники этого подхода считают, что развивать нужно не всех работников, а лишь тех, которые обладают высоким потенциалом (HiPo) и нужным фирме набором компетенций, что, как правило, сужает объект управления до ключевых сотрудников фирмы [1]. Благодаря своей экономичности эксклюзивный подход получил большее распространение среди зарубежных и отечественных компаний. Однако, по нашему мнению, организации будущего, для которых будет характерна плоская иерархия и переход от узкой специализации должностей к интеграции, будут использовать инклюзивный подход к управлению талантами.

Обобщив множество толкований управления талантами, данных различными исследователями этой области, мы сформулировали свое определение данной категории: «Управление талантами – это система, направленная на раскрытие потенциала сотрудников, развитие их компетенций и мотивацию путем распределения их по наиболее соответствующим их талантам должностям».

Процесс управления талантами, как правило, включает в себя планирование, привлечение, отбор, развитие, удержание и продвижение (рис. 1).

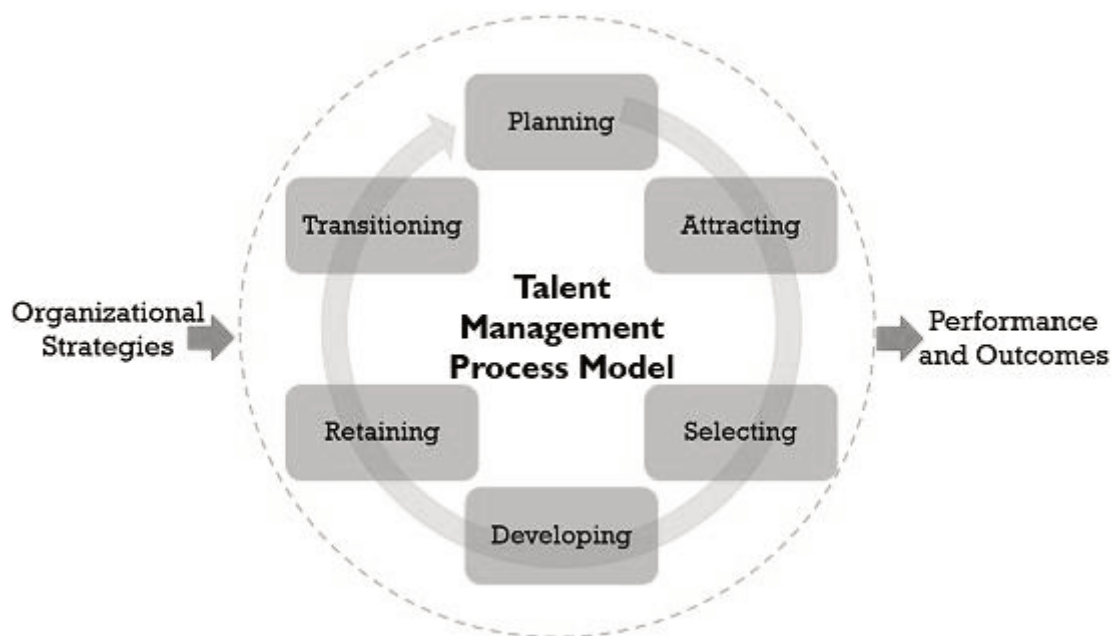

Рис. 1. Модель управления талантами [2]

Этап развития (Developing) направлен на улучшение имеющихся и освоение новых компетенций сотрудниками. Для этого организации предоставляют работникам возможность для обучения и разрабатывают инструменты для продвижения по карьерной лестнице. Целью развития талантов является создание производственного процесса, где люди заняты, имеют высокую производительность, постоянно учатся и растут [4].

Инструменты развития талантов, как правило, включают в себя профессиональные планы развития, обучения и повышения квалификации, а также наставничество [3].

Зачастую термин «управление талантами» соотносится с «управлением на основе компетенций». Индивидуальный план развития, включающий обучение, повышение квалификации и даже переквалификацию сотрудника, разрабатывается на основе уровня его профессиональных (hard) и «мягких» (soft) навыков. Стоит отметить, что план развития базируется на предварительной оценке hard- и soft-навыков сотрудника.

HR-специалисту для разработки индивидуального плана развития сотрудника необходимо: провести оценку компетенций сотрудника, осуществить аналитическую работу и сформировать предложения возможным направлениям развития каждого сотрудника. Такой объем работы

занимает достаточно много времени. В настоящее время существуют информационные платформы, которые частично упрощают работу HR-специалиста в части хранения и оптимизации работы по оценке сотрудников.

Проведенный сравнительный анализ информационных платформ (см. табл.) показал, что существующие технологии в области HR имеют малый спектр возможностей и не предполагают автоматического построения траектории развития сотрудника.

Сравнительный анализ информационных платформ

Критерии	Информационные платформы				
	jetskills	proaction.pro	Indigo	StartExam	SunRav
1. Сбор информации	+	+	+	+	+
2. Анализ информации	+	–/+	–/+	–/+	–/+
3. Возможность хранить информацию о сотрудниках	–/+	+	–/+	+	–/+
4. Возможность автоматической оцифровки информации	+	+	–/+	+	–

В связи с этим нами предлагается разработать информационную платформу для формирования цифровой модели компетенций сотрудника.

При разработке платформы будут использоваться информационно-коммуникационные технологии в HR-отрасли и алгоритмы нейронной сети. Математическая модель нейронной сети позволит хранить информацию о сотрудниках (опыт работы, история обучения и повышения квалификации, группы по интересам, волонтерство и т.п.), автоматически оцифровывать информацию о сотрудниках (создание цифровой модели компетенций) и предоставлять рекомендации по траектории развития сотрудников, в том числе повышению его квалификации или переквалификации. Схема работы платформы представлена на рисунке 2.

Предлагаемая платформа сможет вести учет сотрудников с их компетенциями и специальностей, которым потребуется переквалификация или смена направления в работе. Бизнес-модель решения подразумевает инструменты для HR предприятия по планированию и прогнозированию процесса переквалификации сотрудников, по мотивации сотрудников как делиться знаниями, так и проходить переквалификацию.

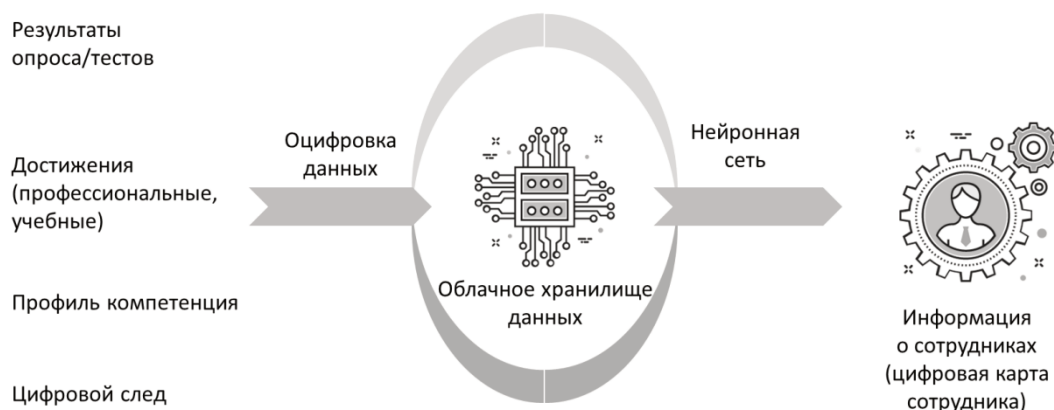

Рис. 2. Схема работы предлагаемой платформы

Перед внедрением предлагаемой платформы в компании предполагается удостовериться в работоспособности самой платформы. В связи с этим в течение двух лет будут проводиться следующие работы¹:

1. Исследования в рамках проблемно-реферативной работы (аналитическое сопоставление данных различных источников с целью освещения проблемы и проектирования вариантов ее решения).
2. Исследования востребованных компетенций в рамках цифровой экономики.
3. Разработка концепции проекта.
4. Экспериментально-исследовательская работа (проверка предположения о подтверждении или опровержении гипотезы экспериментально-опытным путем).
5. Разработка частного технического задания (USE CASE) на разработку платформы и проведения испытаний с компаниями.
6. Исследования в рамках экспериментально-исследовательской работы.
7. Разработка алгоритма работы системы.
8. Разработка архитектуры работы системы.
9. Разработка математической модели системы.
10. Разработка нейронной сети на основе полученных данных.
11. Проведение опытно-экспериментальных работ.

Отметим, что несмотря на век цифровизации и ее влияние на все сферы жизни человека, развитие талантов и раскрытие человеческого потенциала будут занимать первостепенное место в эффективности компании. В связи с этим с 2018 года в России реализуется программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой ведется работа по разработке модели компетенций. Модель компетенций должна будет обеспечивать эффективное взаимодействие бизнеса, сферы образования и общества в целом в условиях цифровой экономики. Специалисты, задействованные в ее разработке, считают, что компетенции необходимы каждому гражданину РФ для эффективной профессиональной и повседневной деятельности.

Литература

1. Кабалина В.И., Мондрус О.В. Контекстуализация управления талантами в российских ИТ-компаниях // Российский журнал менеджмента. 2018. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32829711>
2. Business Jargons [Электронный ресурс]. URL: <https://businessjargons.com/talent-management.html>
3. Talent Management [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ii.nl/SiteFiles/vakpub/PG-Talent-Management.pdf>
4. The Highlands Company Blog [Электронный ресурс]. URL: <https://www.highlandscs.com/talent-development-vs-talent-management/>

¹ В рамках получения гранта в конкурсе «Умник 2019» (Цифровой прорыв – 2019 г.) от ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере».

Алгоритмы управления развитием кадров в организациях

Algorithm for Managing Staff Development on Enterprises

DOI: 10.34773/EU.2020.1.15

В. ПАРШИНА

Паршина Валентина Сергеевна, д-р экон. наук, профессор кафедры управления в социальных и экономических системах Уральского государственного университета путей сообщения. E-mail: vparshina@usurt.ru

Статья посвящена формированию системного подхода к управлению развитием персонала на микроуровне с зависимости от изменения факторов внешней и внутренней хозяйственной среды, а также учета инициаторов развития. Предложена систематизация алгоритмов организации процессов развития работников на микроуровне на основе идентификации состояния внешней и внутренней среды, а также соотношения фактических качественных характеристик персонала относительно востребованных, которые в совокупности обуславливают методы управляющих воздействий. Обоснованы варианты алгоритмов управления развитием кадров.

Ключевые слова: развитие персонала, система управления, качественные характеристики работников, алгоритмы управляющего воздействия.

The article is devoted to the formation of a systematic approach to the study of personnel development at the micro level, depending on changes of the factors in external and internal environment, as well as taking into account the mutual interests of the parties. A systematization of algorithms for organizing the processes of employee development at the micro level is proposed based on the identification of the state of the external and internal environment, as well as assessing the actual state of the qualitative characteristics of the personnel with respect to demand, which together determine the methods of control actions. Variants of control actions algorithms are substantiated.

Key words: personnel development, administrative system, quality characteristics of workers, control action algorithms.

В последнее время специалисты отмечают повышение роли персонала в результативности деятельности организаций. Для поддержания конкурентоспособности предприятия в рыночных условиях и достижения поставленных стратегических целей требуется адекватное развитие человеческого капитала в качестве главного ресурса деятельности. С одной стороны, население нашей страны обладает высоким интеллектуальным потенциалом, объективным показателем которого является индекс образования населения в составе индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), который в России, согласно отчетам ПРООН, в отдельные годы составлял 0,92 [3]. При этом отмечается недостаточное использование потенциала работников, низкая скорость адаптации качественных характеристик работников к меняющимся условиям функционирования экономики. В связи с этим актуальность приобретает разработка механизма распознавания происходящих всесторонних изменений, формализации требований к качеству персонала и алгоритмов управленческих воздействий по формированию соответствующих компетенций.

Для реализации гибкого реагирования на произошедшие или прогнозируемые изменения в последние годы передовые компании стали вводить должность HR-бизнес-партнера в качестве опытного стратега по человеческим ресурсам, способного повысить эффективность организации, используя потенциал сотрудников или развивая его. Задачей новой для отечественной экономики функциональной должности специалиста по персоналу является поддержание соответствия компетенций работников текущим и перспективным требованиям производства.

Анализ современного состояния деятельности по управлению развитием персонала позволяет выделить ряд проблем. Среди них отсутствие связи между затратами на персонал и получаемой отдачей. Причины этого кроются в необоснованности подходов к инвестициям в работников на различных стадиях их деятельности (при приеме на работу, в процессе работы, в случае

обоснования необходимости дополнительного образования, при создании условий для сохранения квалифицированных кадров и др.), несбалансированности затрат по этим этапам, а также в отсутствии механизмов своевременного административного воздействия. В связи с этим на начальном этапе важной является дифференциация происходящих изменений и выбор варианта соответствующего управленческого реагирования. Сложившееся в отечественной экономике отставание уровня компетентности работников требованиям рабочих мест диктует необходимость формирования управляющих воздействий, направленных на его соответствие.

Участие в исследованиях адаптированного к условиям производственной среды развития кадров на примере транспортных предприятий позволило предложить алгоритмы управленческих действий, обеспечивающих требуемый уровень компетентности работников, который включает анализ определенных показателей внешней и внутренней среды, оказывающих влияние на состояние профессиональных и поведенческих характеристик; формирование перечня показателей и критериев при аттестации работников; оценку актуальных качественных характеристик специалистов с использованием разработанной компьютерной программы; определение компетенций, требующих развития, и т.д. [4].

Системное представление функционирования социально-экономических объектов в целом, к которым относится организация, и отдельных ее составляющих обусловлено необходимостью изучения взаимодействия комплекса факторов внешней и внутренней среды, то есть управленческие действия внутри объектов должны учитывать состояние и динамику всего комплекса составных элементов, так как в настоящее время часто наблюдается запаздывание реагирования [6; 7]. В последнее время в рамках реализации нового направления, охватывающего современный комплекс компетенций для специалиста – транспрофессионализм, это особенно актуально. Для представления системы развития кадров сформированы три зависимые совокупности элементов: отражающие состояние и мониторинг внешней и внутренней среды, своевременные или запаздывающие процессы управления структурой качеств и характеристиками работников, а также состав и уровень компетенций (рис. 1). Представленная схема позволяет установить гибкие своевременные связи явлений и скорректировать действия. Внешние условия в основном являются неуправляемыми для предприятия в отличие от внутренних, которые могут быть как управляемыми, так и неуправляемыми.

Приведенные на рисунке факторы предопределяют особенности подходов к формированию качественных характеристик работников, когда детерминантами изменения их структуры и уровня, особенно в длительно функционирующих организациях, являются перемены не только в области техники, технологии и организации производства, но, что очень важно, и в социально-экономических условиях на макроуровне, изменения внутри предприятия, воздействующие на профессиональные и поведенческие характеристики работников. Значительные преобразования хозяйственной жизни страны в некоторых ситуациях инициируют демотивационное состояние персонала организаций [2] и, как следствие, являются источником его оппортунизма [1].

В качестве детерминант уровня компетентности работников изучались: влияние внешней среды, определяющее общие требования к персоналу и его социально-экономическое состояние; эффективность деятельности службы управления персоналом, формирующей уровень внутренней мотивации путем удовлетворения насущных потребностей, стремление работников к саморазвитию; применяемые методы оценки и др.

В результате проведенных исследований зависимых компонент, формирующих уровень качеств работников на предприятиях транспорта, изучения литературных источников по выбранной проблеме, статистических данных по состоянию человеческого капитала были сформированы различные варианты достижения компетентности на микроуровне. На основе анализа представленных совокупностей факторов разработаны возможные алгоритмы управляющих воздействий в зависимости от особенностей изменения условий.

На рисунке 2 изображено наблюдаемое на практике постепенное снижение качеств работников при изменении требований, обусловленных средой функционирования, а также отсутствии

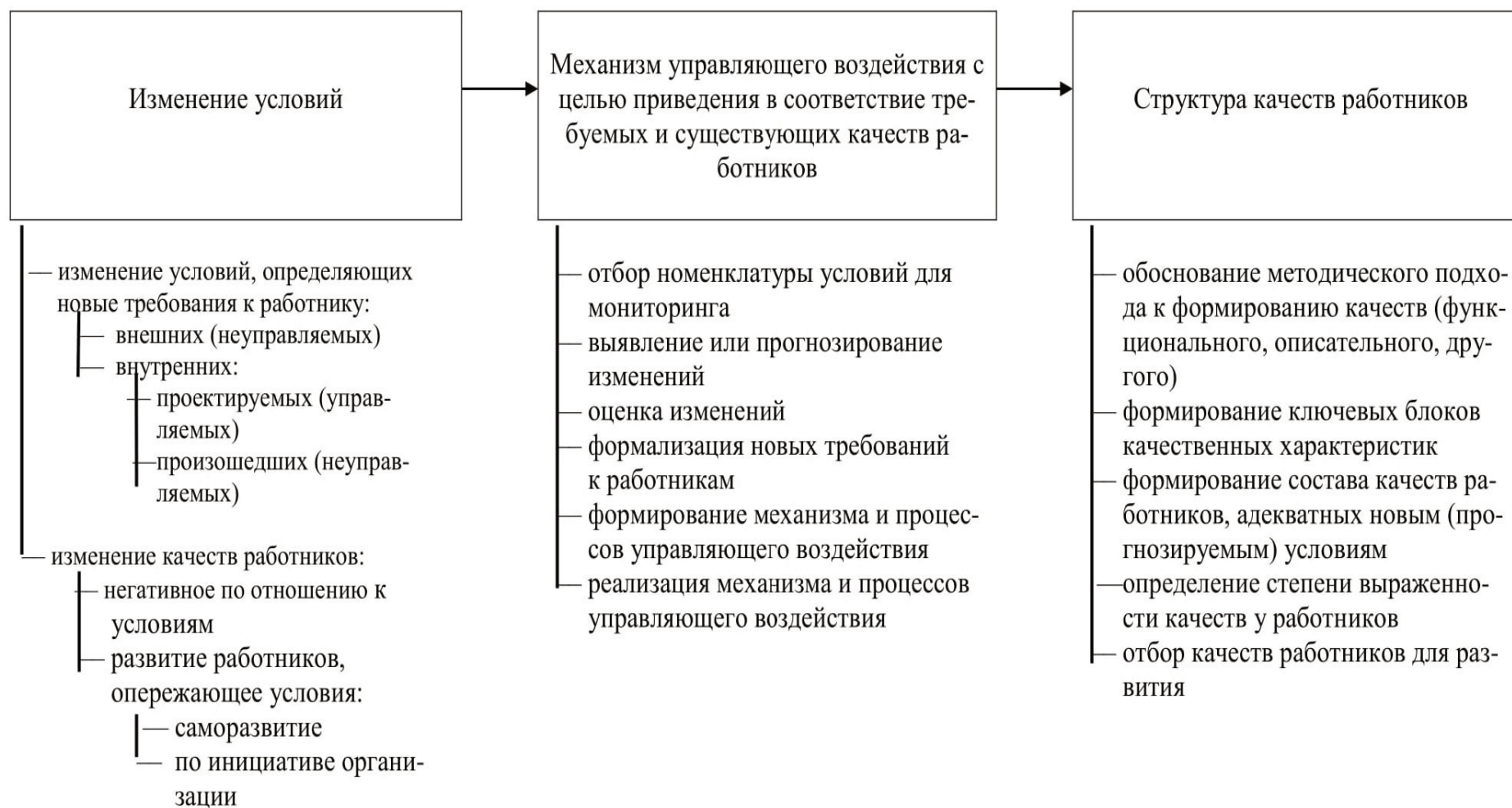

Рис. 1. Взаимодействие элементов системы управления развитием персонала на микроуровне

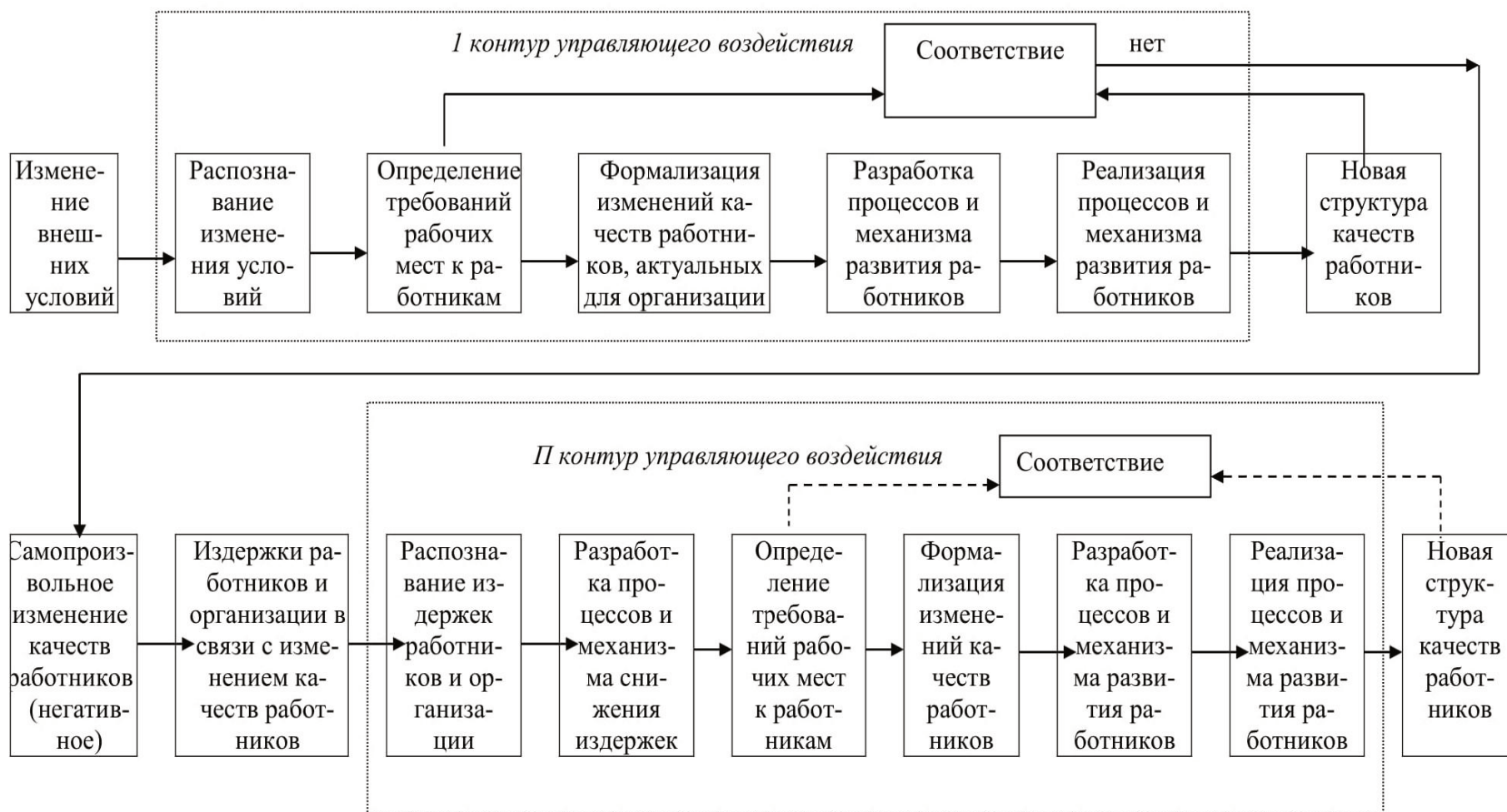

Рис. 2. Алгоритм развития персонала предприятия в результате изменения внешних условий (неуправляемых)

адаптированного к ним воздействия руководства, приводящих к снижению эффективности деятельности. По аналогии составлены алгоритмы развития персонала предприятия в результате изменения: внешних условий (неуправляемых); внутренних проектируемых условий организации (управляемых); внутренних условий организации (неуправляемых) и достижения опережающего повышения уровня компетентности работников относительно условий, в том числе в результате саморазвития.

Изучение взаимосвязи компонентов системы позволяет приблизиться к уровню развития персонала, адаптированному к условиям. Актуальным является опережающее воздействие на качества работников предприятия в соответствии со стратегией его деятельности.

Исследование возможных состояний качественных характеристик работников и предложение адаптированных к ним алгоритмов управленческих воздействий позволяет HR-специалистам обеспечивать требующийся на предприятии уровень их компетентности.

Литература

1. Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А. Человеческий капитал и трудовой потенциал персонала организации // Журнал экономической теории. 2015. № 4. С. 58–65.
2. Мельников О.Н., Чибисова В.Г. Инновационный подход к реорганизации системы управления кадрами, персоналом и человеческими ресурсами // Экономика труда. 2017. Т. 4. № 4. С. 283–294.
3. Отчет о человеческом развитии. ПРООН, 2012.
4. Паршина В.С. Развитие и интеграция системы элементов управления персоналом для достижения целей организации // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2016. № 4. С. 112–120.
5. Паршина В.С., Антропов В.А. Экономика персонала. Екатеринбург: УрГУПС, 2012. 380 с.
6. Пищик В.И., Федюнин Д.Ю. Деятельность персонала в условиях изменений как системообразующий фактор организационных отношений // Управление. 2016. № 4. С. 41–47.
7. Самородская Н.Г. Критерии оценки эффективности развития сотрудников // Управление развитием персонала. 2015. № 4. С. 28–31.

Мотивация управленческого персонала фармацевтической отрасли

Motivation of Management Personnel of the Pharmaceutical Industry

DOI: 10.34773/EU.2020.1.16

Е. ТЕРЕЛЕЦКОВА, Н. ГАБДРАХМАНОВА

Терелецкова Елена Валентиновна, канд. соц. наук, доцент кафедры социологии труда и экономики предпринимательства Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: tereletskova@mail.ru

Габдрахманова Надежда Сергеевна, магистрант кафедры социологии труда и экономики предпринимательства ИНЭФБ БашГУ. E-mail: n_gabdrahmanova@rigla.ru

В статье рассматривается современное состояние российского фармацевтического рынка. Проводится исследование основных показателей деятельности рынка фармацевтики, анализируется система оплаты труда, на основе статистических данных рассматривается средний уровень зарплаты сотрудников отрасли. Определены факторы, оказывающие влияние на систему мотивации рядовых сотрудников аптеки и заведующих аптеками, разработан алгоритм определения эффективной системы оплаты труда в фармацевтическом сегменте экономики.

Ключевые слова: фармацевтика, фармацевтический рынок, оплата труда, управленческий персонал, система мотивации, премии.

The article examines the current state of the Russian pharmaceutical market. Study of the main indicators of the pharmaceutical market is analyzed, the pay system is considered, and the average salary level of employees in the industry is considered on the basis of statistical data. The factors that influence the motivation system of ordinary pharmacy employees and pharmacy managers are determined, and an algorithm for determining the effective pay system in the pharmaceutical sector is developed.

Key words: *pharmaceuticals, pharmaceutical market, salary, management personnel, motivation system, awards.*

В настоящее время фармацевтическая отрасль является одной из ключевых отраслей в экономической сфере России. Именно фармацевтика выступает в качестве необходимой составляющей национальной и политической безопасности государства, а также высокодоходный и быстроразвивающийся сегмент экономики. Согласно аналитическим данным, передовыми странами являются те, в которых высокоразвиты рынки образования, медицинских услуг и фармацевтика, то есть все рынки, имеющие социальную направленность.

Рассматривая российский фармацевтический рынок, можно отметить его ключевые особенности: большое население; стареющее население: в последние годы количество людей пожилого возраста растет; низкий уровень здоровья населения: смертность в России среди трудоспособного населения в 4,5 раза выше, чем в Европе [2, 19–22]. В 2018 году объем российского фармацевтического рынка вырос на 7,9 % в рублевом выражении, однако из-за укрепления средневзвешенного курса рубля в долларовом эквиваленте он увеличился на 24 %. 2019 год для фармацевтического рынка стал стагнационным, по данным на 1 ноября, общий объем рынка составил всего 922,8 млрд руб., или около 55 % от объемов рынка прошлого года.

Учитывая размеры России, фармацевтический рынок является весьма обширным и в своем большинстве сетевым. Учитывая специфику деятельности данного сегмента рынка, персонал должен обладать такими качествами, как высококвалифицированность, профессионализм, гибкость. Обеспечение этих качеств возможно при наличии грамотного и эффективного управления, что в свою очередь подразумевает наличие опыта, достаточной компетентности и профессионализма руководителей.

В настоящее время система оплаты труда работников фармацевтической отрасли состоит из материальной и нематериальной мотивации. Материальная мотивация включает в себя заработную плату, бонусы, премии, премиальную часть за стаж работы в компании, социальные выплаты. В нематериальную часть входит социальный пакет, предоставление скидок на приобретение лекарственных средств.

Система оплаты труда в ООО «Аптечная сеть О₃» состоит из фиксированной и бонусной части. Она представлена материальным (заработная плата и премии) и нематериальным стимулированием.

Таблица 1

Уровень средней зарплаты в ООО «Аптечная сеть О₃» в 2019 г.

Должность	Средняя заработная плата, руб.	Количество человек	Соотношение
заведующий аптекой	47476	42	24 %
фармацевт/провизор	33186	102	60 %
санитарки/разборщики товара	13000	17	6 %
офис	42250	10	10 %

Средняя заработная плата по РБ в 2018 году составляла 33017 рублей.

Нематериальное стимулирование в компании представлено значками (5 лет работы – серебряный, 10 лет работы – серебро с позолотой и с бриллиантом, 15 лет работы – золотой с бриллиантом); грамотами и благодарственными письмами; публичным признанием заслуг.

Проведенный опрос выявил основные факторы, которые оказывают существенное влияние на систему мотивации персонала. На рядового сотрудника аптеки в наибольшей степени влияет непосредственный руководитель (70 %), в меньшей степени – компания (20 %) и личные факторы

(10 %). Влияние основных факторов на мотивацию персонала заведующего аптекой имеет следующую структуру: 60 % – непосредственный руководитель, 35 % – компания и 5 % личные факторы.

Таким образом, исходя из анализа видно, что на управленческий персонал на 35 % влияет именно компания, то есть элементы оплаты труда, составляющие мотивации.

В будущем на рынок труда в фармацевтической отрасли все большее влияние будет оказывать меняющееся законодательство. Компании будут вынуждены подстраиваться под текущие условия рынка и менять требования к сотрудникам.

Цифровые технологии влияют на рынок труда в фармацевтической области: из-за потребности в создании стратегии продвижения продуктов в digital-среде как на уровне категорий, так и на уровне компании в целом появляются новые роли, такие как digital marketing manager. Также стоит отметить появление в обязательных требованиях к кандидатам на вакансии в маркетинге медицинского или фармацевтического образования. Это касается как линейных, так и руководящих ролей в маркетинге.

Согласно проведенному компанией Antal исследованию рынка труда и обзор заработных плат России в 2018 году были выявлены следующие тенденции [1, 45]:

- 53 % сотрудников индустрии «Фармацевтика» получили повышение заработной платы в 2018 году;
- 63 % сотрудников индустрии «Фармацевтика» получили бонус по итогам прошлого года;
- 58 % сотрудников индустрии «Фармацевтика» рассчитывают на увеличение заработной платы при переходе на новую работу на 11–30%;
- 38 % сотрудников индустрии «Фармацевтика» планируют искать или в данный момент ищут работу;
- 58 % сотрудников индустрии «Фармацевтика и медицинское оборудование» рассчитывают на увеличение заработной платы при переходе на новую работу на 11–30 %.

Исходя из выявленных тенденций, можно сделать вывод, что, несмотря на получение бонусов, значительная часть сотрудников фармацевтики планируют искать или уже находятся в поиске работы. Наряду с данным фактором, почти 60 % всех фармацевтических сотрудников рассчитывают на увеличение заработной платы при переходе на новое место работы. Таким образом, можно отметить, что выплата бонусов (материальная мотивация) не стала фактором «удержания» сотрудника на месте его работы, не повысила уровень лояльности. Исходя из вышесказанного можно отметить, что именно нематериальные инструменты стимулирования персонала должны играть основополагающую роль в построении системы мотивации в фармацевтической отрасли. При этом инструменты нематериального стимулирования должны быть оптимально интегрированы в общую систему мотивации фармацевтической компании, учитывать специфику отрасли, стаж и опыт работы.

Принимая во внимание тот факт, что фармацевтическая отрасль имеет, как правило, сетевую структуру, разработка единой эффективной системы мотивации персонала с упором на нематериальное стимулирование станет предпосылкой для повышения производительности труда, лояльности персонала, снижения издержек на подбор, отбор, найм и обучение персонала всей аптечной сети. Это положительно скажется на прибыли и выручке аптечных организаций, снизит их издержки.

Полагаем, что построение и развитие системы мотивации в аптечной сети должно представлять собой следующие последовательные действия [4]:

- определение стратегических целей компании;
- анализ системы управления персоналом в аптечной сети (аптеке);
- проектирование системы мотивации сотрудников аптеки в соответствии со стратегическими целями компании;
- объяснение мотивационной схемы всему персоналу аптечной сети;
- выделение отдела (или сотрудника), ответственного за разработку и контроль выполнения мотивационных схем;

– исследование изменения основных финансовых показателей в зависимости от функционирования системы мотивации.

Грамотно выстроенная система оплаты труда управленческого персонала является предпосылкой для:

- эффективного управления организацией;
- поддержания и повышения ее конкурентоспособности;
- оптимизации основных финансовых показателей;
- повышения эффективности работы с персоналом: снижения текучки кадров, роста квалификации сотрудников, формирования команды профессионалов, объединенных едиными целями;
- повышения профессионализма руководителей аптеками (АС);
- улучшения обслуживания клиентов;
- формирования положительного имиджа аптеки у клиентов.

Таким образом, несмотря на получение бонусов, значительная часть сотрудников фармацевтики планируют искать или уже находятся в поиске работы. Из чего следует, что материальная мотивация не является основным инструментом удержания персонала. Также выявлена тенденция снижения оплаты труда в фармацевтическом сегменте, на примере сетевой аптечной компании О₃ было определено влияние основных факторов на мотивацию персонала рядового сотрудника аптеки. Также предложены меры по построению эффективной системы оплаты труда фармацевтической компании.

Литература

1. Исследование рынка труда и обзор заработных плат. Россия. 2018 // Аналитическое исследование ООО Antal. 2018. 90 с.
2. Мишина О.И. Современное состояние фармацевтической отрасли // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по материалам XIX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 8. С. 19–22.
3. Терелецкова Е.В., Габдрахманова Н.С. Оценка эффективности управленческого персонала // Новые стратегии управления экономическими, политическими и социокультурными процессами в современном мире: сб. материалов II междунар. науч.-практич. конф. (25–26 апреля 2018 г., г. Уфа) / Отв. редактор И.М. Ягафарова. Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 192–194.
4. Щапов А.Ф. Кадровые возможности в фармацевтической промышленности России // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 2. С. 132–139.

Ценностно-ориентированное управление: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ

Value-based Management: Evolution of the Concept

DOI: 10.34773/EU.2020.1.17

А. ГАЛИ

Гали Аскар Ильшатович, магистрант Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета. E-mail: askar-gali@mail.ru

В статье анализируется концепция стоимостного управления организацией, ее ключевые принципы. Эволюция концепции рассмотрена с точки зрения отношений компании с ее заинтересованными лицами и с позиции структурных характеристик организации. В конечном итоге построена схема, систематизирующая аспекты стоимостного управления.

Ключевые слова: ценностно-ориентированное управление, стоимость компании, эволюция, принципы, подходы.

The article analyzes the concept of value-based management of an organization, its key principles. The evolution of the concept is considered from the point of view of the relationship of the company with its stakeholders and from the position of the structural characteristics of the organization. In the end, a scheme is constructed that systematizes the aspects of value-based management.

Key words: value-based management, company value, evolution, principles, approaches.

Управление стратегической эффективностью компании занимает одно из ключевых задач ее руководства. В настоящее время существуют различные методики оценки эффективности деятельности компании в совокупности с имплементацией систем управления, ориентированных на данные инструменты оценки. В связи с этим стоит отметить концепцию управления стоимостью, которая позволяет выстраивать деятельность компании с точной и однозначной метрикой – стоимостью. Подход, ориентированный на создание добавленной ценности для акционеров организации, получил название ценностно-ориентированного управления [1, 17]. В целом ценностно-ориентированное управление, по мнению Т. Коллера, является подходом к управлению, который согласовывает общие стремления компании, методы аналитического анализа, процессы управления с целью сосредоточения принятия управленческих решений в отношении ключевых факторов стоимости [11, 87]. Важно также отметить точку зрения Б. Реймана, который рассуждает о том, что ценностно-ориентированное стратегическое управление обеспечивает менеджеров инструментами и мотивацией для решений в интересах акционеров [13, 44]. Стоит отметить, что начальные этапы развития концепции стоимостного управления порождали дискуссии вокруг ряда вопросов. Во-первых, повлияет ли повышение акционерной стоимости в целом на эффективность деятельности компании? Во-вторых, насколько противоречит концепция создания акционерной стоимости интересам заинтересованных сторон? И, в-третьих, будет ли нацелен менеджмент компании действовать в интересах акционеров? Несогласованность интересов между акционерами и менеджерами компании порождают агентские конфликты, которые, в свою очередь, вытекают в агентские издержки [7, 12]. В целях их минимизации концепция ценностно-ориентированного управления предполагает развитие системы мотивации и обучения, призванная увеличить заинтересованность менеджеров в том, чтобы способствовать росту стоимости компании. В связи с этим выделим принципы ценностно-ориентированного управления.

Принципы стоимостного управления

№	Наименование	Содержание
1.	Согласование целей акционеров, менеджеров и других заинтересованных лиц	Учет интересов всех стейкхолдеров компании в целях минимизации агентских издержек и увеличения заинтересованности всех сторон в увеличении стоимости.
2.	Разработка концепции деятельности, направленной на стоимость	Разработка корпоративной и функциональных стратегий и комплекса мер по их реализации в целях максимизации стоимости.
3.	Информационный обмен с инвесторами	Раскрытие информации, построение коммуникационных каналов в целях достижения прозрачности деятельности.
4.	Вознаграждение на основе стоимости	Привязка бонусов к системе стоимостных метрик. Разработка опционных планов в целях максимизации заинтересованности менеджеров в росте стоимости.
5.	Стоимостные показатели для оценки целей и результатов, мониторинг факторов стоимости	Управление драйверами роста стоимости через центры финансовой ответственности, задание целевых нормативов и контроль результатов по уровням управления.
6.	Планирование на основе стоимости	Оценка стратегических и оперативных решений на основе критерия стоимости.
7.	Изменение управленческой отчетности	Обеспечение возможности принятия управленческих решений на основе релевантной информации по бизнес-единицам, центрам ответственности.

Источник: [6, 141].

Проблеме целесообразности перехода на стоимостное управление посвятил свои исследования Т. Коупленд, изучавший вопрос взаимосвязи целей концепции с созданием дополнительной пользы для всех заинтересованных сторон. Исследование автора демонстрирует позитивную корреляцию между производительностью труда и рыночной добавленной стоимостью в секторах производства и розничной торговли Японии, США и Германии [8, 102]. Кроме того, было проведено исследование влияния роста рабочих мест с изменением рыночной добавленной стоимости, где также прослеживается позитивная связь [8, 102]. В целом следует отметить, что увеличение стоимости компании является следствием увеличения драйверов их роста. Как результат, происходит создание добавленной ценности для всех заинтересованных лиц: клиентов, государства в виде налогов, работников, поставщиков капитала. В конечном итоге компания направляет больше средств и на социальные проекты, создавая положительный образ для заинтересованных лиц компании. В связи с этим стоит отметить, что была доказана гипотеза о взаимосвязи улучшения финансовых результатов компании и доходности ее капитала с качеством корпоративной социальной ответственности [3, 9]. Кроме того, ряд авторов указывают на позитивное влияние концепции корпоративной социальной ответственности на создание конкурентных преимуществ, в частности снижения репутационных рисков, дифференциации бренда, увеличения лояльности клиентов, снижения барьеров входа на новые рынки [12, 158]. Развитие отношений с заинтересованными лицами также послужило появлению концепции создания стоимости для стейкхолдеров, учитывающей издержки на ту или иную категорию стейкхолдеров [2, 122].

В целом важным принципом построения системы стоимостного управления является реорганизация управленческой и финансовой отчетности с целью правильного расчета показателей и предоставления релевантной информации руководству организации об изменениях ключевых драйверов стоимости [10, 133]. В связи с этим стоит отметить, что дальнейшие аспекты развития концепции стоимостного управления касались выстраивания корпоративной культуры в контексте использования стоимостных метрик в качестве инструментов принятия решений, оценки эффективности деятельности и выстраивания системы мотивации персонала. Концепция стоимостного управления в контексте организации процесса активно развивалась различными консалтинговыми компаниями, в числе которых «Stern Stewart & Co», «PricewaterhouseCoopers», «McKinsey & Co», «HOLT Value Associates» и другие [9, 105]. Система стоимостных метрик также получила

развитие вышеупомянутыми консалтинговыми компаниями, и ее, в свою очередь, можно применять как к публичным, так и к некотируемым организациям. Метрики, позволяющие оценить прирост стоимости без использования информации о рыночной капитализации компании, позволяют в том числе оценить эффективность деятельности и на уровне бизнес-единиц. В связи с этим стоит отметить исследования в области анализа фактора организационной структуры в росте стоимости компании, взаимосвязанные с концепцией интеграции моделей остаточной чистой прибыли и внутриорганизационного рынка. Существует множество организаций, придерживающихся линейно-функциональной структуры и занимающихся производством одного вида продукции или предоставлением одного вида услуг. Кроме того, ранее структурные единицы рассматривались одновременно центрами доходов и центрами издержек с внутренним циклом производства и реализации продукции. Однако в таком случае возникает проблема оценки вклада в стоимость как центров издержек, так и центров доходов, и учета взаимосвязей между ними. В связи с этим А.Л. Рожковский доработал концепцию остаточной чистой прибыли с учетом положений модели внутриорганизационного рынка компании, в которой каждый центр ответственности рассматривается как самостоятельный хозяйствующий субъект [5, 96]. Данная модель позволяет учитывать принципы трансфертных цен и расходов в совокупности с реализацией правил ответственности подразделений за качество продукции внутри компании в виде штрафных санкций [4, 13]. Учитывая всю вышеизложенную информацию об особенностях концепции, мы можем построить схему, отражающую эволюцию развития концепции стоимостного управления.

Эволюция концепции стоимостного управления

Изначально концепция создания акционерной стоимости прежде всего выполняла аналитическую функцию. Главной особенностью являлась оценка сценариев стратегического развития

бизнес-единиц и компании в целом на основе дисконтированных денежных потоков, увеличение которых предполагает рост акционерной стоимости. Далее данная концепция дополнилась системой стоимостных метрик, разработанных различными консалтинговыми группами. Кроме того, система стоимостного управления стала выполнять все главные функции менеджмента, а именно планирования, контроля, организации и мотивации.

Последние исследования в области ценностно-ориентированного управления касались совершенствования организации оценки вклада структурных единиц в стоимость компании и развития отношений компании со всеми заинтересованными лицами, в частности, интеграцией концепций корпоративной социальной ответственности со стоимостным управлением и созданием концепции создания стоимости для стейкхолдеров. Предпосылкой к такому развитию послужили различные исследования в области выявления взаимосвязи роста финансовой эффективности компании с увеличением качества работы в сфере корпоративной социальной ответственности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепция управления стоимостью компании прошла путь от сугубо аналитической к полноценной системе, охватывающей все аспекты деятельности менеджмента. Управление стоимостью нацелено не на разовые финансовые решения компании, а на полноценную выработку стратегии и оперативных планов для всех структурных единиц. Кроме того, стоит отметить различную оценку влияния структурных единиц на стоимость компании. В частности, были отмечены подходы оценки их вклада как со стороны полностью самостоятельных и обособленных бизнес-единиц, так и со стороны структурных единиц, осуществляющих передачу своих товаров или услуг другому подразделению.

Литература

1. Волков Д.Л. Теория ценностно-ориентированного менеджмента: финансовый и бухгалтерский аспекты. СПб: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2008. 320 с.
2. Ивашковская И.В. Модель стратегического стоимостного анализа // ЭНСР. 2008. № 42. С. 115–127.
3. Ивашковская И.В. Управление стоимостью компании как инновация // Корпоративные финансы: перспективы и реальность: материалы III Междунар. науч. конф. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 6–13.
4. Рожковский А.Л. Организационная структура как фактор стоимости компании: автореф. дис. ...канд. экон. наук. Новосибирск, 2017. 24 с.
5. Рожковский А.Л. Роль организационных факторов в реализации стратегии компании и повышения ее стоимости // Новые подходы в экономике и менеджменте: материалы IV Междунар. науч. конф. Прага, 2014. С. 90–98.
6. Теплова Т.В. Корпоративные финансы: учеб. пособие для студентов экономических направлений. М.: Издательство Юрайт, 2013. 655 с.
7. Brealey R., Myers S. Principles of corporate finance. The McGraw-Hill/Irwin series in finance, insurance, and real estate, 2014. 972 p.
8. Copeland T.E. Why value value? // The McKinsey quarterly. 1994. № 4. Pp. 97–109.
9. Keuleneer L., Verhoog W. Recent trends in valuation: from strategy to value. John Wiley & Sons, Inc., 2005. 168 p.
10. Koller T. Measuring and managing the value of companies. John Wiley & Sons, Inc., 2010. 839 p.
11. Koller T. What is value-based management? // The McKinsey quarterly. 1994. № 3. P. 87–101.
12. Martin J., Petty W. Value-based management with corporate social responsibility. Oxford university press, 2009. 208 p.
13. Reimann B. Does your business create real shareholder value? // Business horizons. 1986. № 29. Pp. 44–51.

Влияние вовлеченности персонала на качественные показатели компании

Influence of Staff Employment on Qualitative Indicators of the Company

DOI: 10.34773/EU.2020.1.18

М. КАЗАКОВА, К. ЛУРЬЕ

Казакова Марина Ильинична, канд. филос. наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ)

Лурье Кристина Геннадьевна, студент УрФУ. E-mail: k_lurye@rambler.ru

Статья посвящена описанию опыта использования вовлеченности персонала для повышения качественных показателей компании. В ней рассмотрены различные подходы к вовлеченности персонала. Представлены практические инструменты, с помощью которых компании удалось повысить вовлеченность персонала и тем самым улучшить качественные показатели сервиса клиентов.

Ключевые слова: вовлеченность персонала, сотовый ритейл, проект, качественные показатели сервиса клиентов.

The article is devoted to the description of the experience of using personnel engagement to improve the quality indicators of the company. It examines various approaches to staff engagement. The article presents practical tools that help the company to increase the involvement of staff, and, thus, improve the quality of customer service.

Key words: staff involvement, mobile retail, project, quality indicators of customer service.

В настоящее время, чтобы оставаться в конкурентной бизнес-среде на лидирующих позициях, компании необходимо предоставлять высокий уровень сервиса. Если компания не предлагает единственный продукт, которого больше нет на рынке, то удержать клиентов можно только качественным сервисом.

Крупная екатеринбургская компания сотового ритейла столкнулась со снижением показателей качества сервиса клиентов, в числе которых – внешний и внутренний вид салонов, знания сотрудников, стиль обслуживания клиентов, а также соблюдение правил безопасности и др. Они оказывают влияние на результаты работы салонов компании.

Для решения проблемы были проанализированы отчеты результатов проверки качества работы с использованием методов «тайный клиент», «аудио- и видеоконтроль» и «претензионной обращаемости» по каждому салону. Сравнение данных показателей за I квартал 2018 и 2019 годов показало их снижение в 2019 году примерно на 10–15 %.

С целью выявления причин этого тренда был проведен анонимный электронный опрос руководителей салонов на основе внутренней обучающей платформы компании.

После проведения исследования в компании пришли к выводу, что 60 % сотрудников не вовлечены в работу над повышением качественных показателей сервиса клиентов, таких как работа с клиентами по стандартам компании, компетентность сотрудников (их знания, умения, навыки), состояние салона (внешнее и внутреннее) и поддержание порядка в салоне (стандартизация, отправление документов) и т.д.

Таким образом, выяснилось, что руководители салонов не выстраивают системную работу в салонах для того, чтобы их сотрудники обладали нужными знаниями, умениями и навыками, поддерживали чистоту и порядок в салоне и показывали высокие результаты при работе с клиентами. Директора салонов не вовлекают сотрудников в самостоятельную работу над качественными показателями, считая, что сотрудникам не нужно знать показатели качества, зачем они нужны, как на них влиять для повышения эффективности работы салонов. Поэтому при проверке качества обслуживания клиентов по разным показателям в отсутствие руководителей сотрудники показывают результат ниже, чем при проверке с руководителем на рабочем месте. Это свидетельствует о крайне низкой вовлеченности персонала в работу салона, компании в целом.

На сегодняшний день существует большое количество определений понятия «вовлеченность персонала», на основе которых мы можем предложить следующую трактовку данной категории: вовлеченность персонала – это отношение сотрудника к компании в целом, повышение активности в своих действиях для достижения поставленных целей компании и улучшения ее работы.

В настоящее время существует несколько подходов к описанию вовлеченности, применяемых в бизнесе. Они основаны на наработках конкретных компаний, проводящих исследования. Все эти подходы имеют свои особенности в объяснении того, как правильно понимать и оценивать вовлеченность персонала и те факторы, которые на нее влияют.

Так, подход «Gallup Q12» выделяет четыре измерения вовлеченности сотрудников.

- Измерение 1. Карьера и развитие.
- Измерение 2. Миссия и цель организации.

Успех компании будет частично зависеть от того, осознают ли члены команды не только саму миссию, но и свою значимость.

- Измерение 3. Вопросы о признании и ценности.
- Измерение 4. Вопросы о межличностных отношениях.

На основе использования предлагаемых подходов мы провели исследование вовлеченности персонала компании с помощью опроса.

Цель опроса – проанализировать уровень вовлеченности сотрудников в качественные бизнес-показатели компании.

Опрос состоял из 12 вопросов.

Было опрошено 120 сотрудников компании. После опроса были получены результаты, которые показали, что вовлеченность сотрудников в качественные показатели компании составляет 52 %, что является низким показателем.

Оценив результаты исследования, мы пришли к выводу, что в большей степени в процесс достижения высоких результатов не вовлечены руководители салонов и, соответственно, их сотрудники.

Для роста вовлеченности сотрудников салонов компании был разработан специальный проект. Цель – повышение качественных показателей компании.

Задачи проекта:

1. Познакомить руководителей салонов с целью проекта и его инструментами (оценка внешнего и внутреннего состояния салона, тайный клиент, аудио- и видеоконтроль и т.д.) и сформировать навыки их использования.
2. Руководителям организовать систему работы в салоне так, чтобы даже в их отсутствие сотрудники показывали высокие результаты качества сервиса клиентов.

Проект предполагает реализацию двух этапов.

1. На первом этапе был проведен двухдневный тренинг специалистом по обучению совместно со специалистами по качеству. В первый день подробно с руководителями салонов были разобраны пункты целостной проверки салона и критерии оценки каждого показателя (внешний и внутренний вид, работа с документами, работа по стандартам, знания сотрудников и т.д.). Например, с помощью «мозгового штурма» директорами салонов были разработаны инструменты для построения системы работы с подчиненными специалистами и менеджерами салонов. Далее произошел обмен опытом по использованию инструментария работы с сотрудниками. На второй день специалист по обучению, специалист по качеству и руководители салонов пошли в салоны. С помощью оценочных листов, по которым проверяют салоны, директора оценили салон по всем вышеперечисленным показателям. У директоров сложилось понимание того, как работать по оценочному листу, как и по каким критериям оценивать работу салонов.

2. Второй этап. Посттренинговое сопровождение длится 1-1,5 месяца. За это время руководители после тренинга составили план развития салона по повышению качественных показателей, определили точки роста, проблемные зоны в системе работы со своими сотрудниками,

прописали инструменты/мероприятия и сроки выполнения данных мероприятий. Затем специалисты по обучению и развитию персонала проверили индивидуальные планы развития по повышению качественных показателей салонов и предоставили каждому руководителю обратную связь в виде письма на электронную почту. На протяжении 1-1,5 месяцев прошли 2 проверки салонов по оценочным листам. Тренер распределил между участниками проекта салоны, которые они в течение недели должны проверить по оценочному листу и выслать результаты тренеру. После этого каждому участнику проекта была дана обратная связь по проверке в форме телефонного звонка и письма на электронную почту. На основании проведенных результатов проверок салоны ранжировались в турнирной таблице.

При окончании проекта каждый участник готовил презентацию по итогам работы. Все участники тренинга собирались на итоговый сбор для подведения итогов, где демонстрировали свои презентации. Руководители, которые достигли самых высоких показателей и положительной динамики в приросте по показателям качества, получили поощрение.

Исследование, проведенное через 1,5 месяца после реализации проекта, показало, что большинство салонов демонстрируют положительную динамику по приросту качественных показателей (внутреннего и внешнего состояния салонов, документооборота, работы по стандартам) на 10-20 %. Теперь каждый сотрудник, руководители которого принимали участие в данном проекте, знают, какие есть качественные показатели деятельности компании, зачем эти показатели нужны и как специалисты и менеджеры могут на них влиять.

Вовлеченность персонала в тех салонах, руководители которых участвовали в реализации проекта, достигает почти 100 %. Компания использовала важный индикатор вовлеченности по версии «Gallup Q12» – миссия и цель организации, также директора салонов использовали такой индикатор, как карьера и развитие, что помогало вовлечь в работу по повышению показателей качества специалистов и менеджеров.

Литература

1. Антонов О.Б. Современная организация. Персонал и технологии: учебник. М.: Самиздат, 2013. 104 с.
2. Антропова А. Как мотивировать топ-менеджера? // Компания. 2011. № 330. С. 14.
3. Базарова Т.Ю., Еремина Б.Л. Управление персоналом: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2012. 273 с.
4. Белокопытова А.А. Анализ возможных проблем при реализации принципа вовлеченности персонала [Электронный ресурс]. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2012/thesis/s017/s017-105.pdf>
5. Ведерникова О. Как повысить вовлеченность персонала в работу // HR-Portal [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/kak-povysit-vovlechnost-personala-vrabotu>
6. Гвоздева С.М. Непараметрический статистический анализ вовлеченности персонала в организации // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. Вып. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/neparametricheskii-statisticheskii-analiz-vovlechnosti-personala-v-organizatsii>
7. Егорова А.С. Вовлеченность персонала: 7 шагов к пониманию. М.: Инфра, 2014. 314 с.
8. Коновалова В. Управление вовлеченностью персонала: факторы успехов и неудач // Кад-ровик. 2014. № 9. С 74–84.
9. Папонова Н.Е. Обучение персонала компании: практич. пособие. М.: Финпресс, 2011. 146 с.
10. Маслова В.М. Управление персоналом предприятия: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 314 с.
11. Мелихов Ю.Е., Малуев П.А. Управление персоналом: портфель надежных технологий: учеб.-практ. пособие. М.: Дашков и К, 2014. 287 с.
12. Расширяя горизонты. Тенденции в области управления персоналом – 2013 // Международное издание «Deloitte» [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/ru_resetting_horizons_global_human_capital_trends_2013_rus_new.pdf

Методика управления рисками в бизнес-процессах компании ПАО «Газпром»

Risk Management Methodology in the Business Processes of PJSC Gazprom

DOI: 10.34773/EU.2020.1.19

Г. СИРГАЛИНА

Сиргалина Гульназ Тагировна, ассистент кафедры «Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности» Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: sirgalina.g@mail.ru

В статье выделены риски компании ПАО «Газпром» по сегментам бизнеса, проведена количественная и качественная оценка рисков в бизнес-процессах компании. Предложены схема использования методов снижения рисков и матрица выбора управления рисками в зависимости от параметров.

Ключевые слова: управление рисками, бизнес-процесс, газовая компания, количественная и качественная оценка рисков.

The article identifies the risks of PJSC Gazprom by business segments, conducted a quantitative and qualitative assessment of risks in the company's business processes. A scheme of using risk reduction methods and a risk management selection matrix depending on parameters are proposed.

Key words: risk management, business process, gas company, quantitative and qualitative risk assessment.

Управление рисками представляет собой крайне важный элемент общей системы управления газовыми проектами [2]. Эффективность использования современных подходов к оценке рисков и выбор адекватных мероприятий по их минимизации прямо влияет на хозяйственные показатели работы газовых компаний и рост деловой активности в газовом секторе национальной экономики. Эффективность использования современных подходов к оценке рисков и выбор адекватных мероприятий по их минимизации непосредственно влияют на хозяйственные показатели работы газовых компаний и рост деловой активности в газовом секторе национальной экономики.

Таблица 1

Риски компании ПАО «Газпром» по сегментам

Геологоразведка	Добыча
– риск неподтверждения плановых уровней запасов углеводородов (1) – риски досрочного прекращения и приостановления лицензий на использование природных ресурсов (2)	– риски, связанные с развитием производства газа из нетрадиционных источников (3) – риск политических соглашений и картельных сговоров, направленных на ограничение объемов добычи углеводородных ресурсов (4)
Бурение	
– риск прекращения поставки оборудования, необходимого для разработки месторождения, в связи с санкциями (5)	
Транспортировка	ПХГ
– риски, связанные с транзитом природного газа (6)	– политический риск, заключающийся в невозможности использования ПХГ в других странах в связи с санкциями (7)
Переработка	Сбыт
– риск снижения инвестиций в переработку газа в связи с санкциями (8)	– риск увеличения объемов потребления альтернативных конкурирующих видов топлив (9) – риск снижения поставок газа в страны дальнего зарубежья (10)

Таким образом, управление рисками представляет собой крайне важный элемент общей системы управления газовыми проектами.

С целью выбора метода управления рисками в бизнес-процессах газовых компаний выявлена и проведена количественная и качественная оценка рисков, результатом которой служит карта рисков рассматриваемой компании.

Риски выявлены для каждого бизнес-сегмента с учетом специфики и частоты их возникновения [3; 5] (табл. 1).

Анализ рисков по бизнес-процессам компании ПАО «Газпром» показал, что выявленные риски прямо или косвенно связаны с политическим и экономическим состоянием рынка газа (табл. 2). Количественная и качественная оценка рисков позволила выявить уровень рисков по каждому бизнес-процессу. Уровень рисков определяется на основании двух критериев: степень влияния и вероятность наступления (табл. 3).

Таблица 2

Предложения по расчету величины ущерба

Сегмент	Риск	Расчет ущерба
Геологоразведка	Риск неподтверждения плановых уровней запасов углеводородов	Разница между плановыми значениями и фактическими
	Риски досрочного прекращения и приостановления лицензий на использование природных ресурсов	Количество приостановленных сделок от общего числа сделок
Бурение	Риск прекращения поставки оборудования, необходимого для разработки месторождения, в связи с санкциями	Количество отказов в поставке оборудования
Добыча	Риски, связанные с развитием производства газа из нетрадиционных источников	Снижение доли компании в мировой добыче в связи с развитием производства газа из нетрадиционных источников
	Риск политических соглашений и картельных сговоров, направленных на ограничение объемов добычи углеводородных ресурсов	Количество месторождений, на которых приостановлена добыча в связи с санкциями
Транспортировка	Риски, связанные с транзитом природного газа	Доля невыполненных поставок по контракту от их общего количества
ПХГ	Политический риск, заключающийся в невозможности использования ПХГ в других странах в связи с санкциями	Снижение маневренности поставки
Переработка	Риск снижения инвестиций в переработку газа в связи с санкциями	Объем снижения инвестиций в сегмент «Переработка»
Сбыт	Риск увеличения объемов потребления альтернативных конкурирующих видов топлив	Динамика снижения потребления газа (в процентах) в связи с увеличением объемов потребления других видов топлив
	Риск снижения поставок газа	Разница между плановыми значениями и фактическими

Риски, имеющие низкую и среднюю вероятность наступления (25–50 %), низкую и среднюю (25–50 %) степень влияния, являются незначительными рисками. Меры по устранению данных рисков можно применять в последнюю очередь.

Риски, имеющие высокую вероятность наступления (50–75 %) и высокую степень влияния (50–75 %), считаются умеренными рисками, которые также необходимо снижать компании после снижения рисков высокого уровня.

Риски, имеющие очень высокую вероятность наступления (75–100 %) и катастрофическую степень влияния (75–100 %), являются высокими рисками, на которые компания должна обратить внимание в первую очередь.

Таблица 3

Карта рисков

Вероятность наступления Степень влияния	Низкая (0-25)	Средняя (0,5)	Высокая (0,75)	Очень высокая (1)
Катастрофическая (1)	риск снижения поставок газа в страны дальнего зарубежья	—	риск политических соглашений и картельных сговоров, направленных на ограничение объемов добычи углеводородных ресурсов	—
Высокая (0,75)	риск увеличения объемов потребления альтернативных конкурирующих видов топлив	—	риск прекращения поставки оборудования, необходимого для разработки месторождения, в связи с санкциями риск снижения инвестиций в переработку газа в связи с санкциями	риск неподтверждения плановых уровней запасов углеводородов
Средняя (0,5)	риски, связанные с развитием производства газа из нетрадиционных источников	—	—	—
Низкая (0,25)	политический риск, заключающийся в невозможности использования ПХГ в других странах в связи с санкциями	—	риски, связанные с транзитом природного газа	риски досрочного прекращения и приостановления лицензий на использование природных ресурсов

Далее предлагаются возможные методы снижения рисков, выявленных и оцененных в компании. Методы снижения предлагаются на основе влияния трех параметров: стоимость, уровень риска и результативность (табл. 4).

Таблица 4

Выбор методов снижения рисков по каждому бизнес-процессу [4]

Бизнес-процесс	Параметры		
	стоимость	результативность	уровень риска
Геологоразведка	среднезатратный	результативный	высокий
Бурение	низкозатратный	результативный	высокий
Добыча	низкозатратный	нерезультативный	высокий
Транспортировка	среднезатратный	высокорезультативный	средний
ПХГ	низкозатратный	результативный	низкий
Переработка	высокозатратный	высокорезультативный	высокий
Сбыт	среднезатратный	высокорезультативный	средний

На основе проведенного исследования предлагаются следующие методы снижения риска [5; 7] (табл. 5):

- в сегменте «геологоразведка» необходимой мерой по снижению риска является применение метода диссипации;
- метод компенсации предлагается для нескольких бизнес-процессов: транспортировка, сбыт, бурение и переработка;

– для бизнес-процессов «Добыча» и «ПХГ» оптимальным методом снижения риска является уклонение.

Таблица 5

Методы управления рисками в бизнес-процессах ПАО «Газпром»

Результативность	Высокая	Средняя	Низкая	Высокая	Средняя	Низкая	Высокая	Средняя	Низкая
Стоимость	Высокая	Высокая	Высокая	Низкая	Низкая	Низкая	Средняя	Средняя	Средняя
Риск									
Высокая	Диссипация	Диссипация	Локализация	Диссипация	Диссипация	Уклонение Добыча	Диссипация	Диссипация геолого-разведка	Локализация
Средняя	Диссипация	Локализация	Локализация	Компенсация	Компенсация Бурение	Уклонение	Компенсация Транспортировка Сбыт	Компенсация	Локализация
Низкая	Компенсация Переработка	Компенсация	Уклонение	Компенсация	Уклонение ПХГ	Уклонение	Компенсация	Компенсация	Компенсация

Предложенные автором методы снижения рисков повышают качество принятия управленческого решения, учитывая особенность каждого бизнес-процесса. Для принятия решения относительно управления рисками на предприятии проведена оценка эффективности бизнес-процессов, уровня рисков компании и на основании этого предложены меры по снижению рисков.

Литература

1. Мусина Д.Р. Стоимостная оценка потерь от риска в производственной логистике нефтеперерабатывающего завода // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7. № 4.
2. Мусина Д.Р. Управление сроками реализации нефтегазового проекта // Инновационная наука. 2015. № 8-1 (8). С. 38–41.
3. Основные факторы риска ПАО «Газпром» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/investors/corporate-governance/risk-factors/>
4. Сиргалина Г.Т., Буренина И.В., Батталова А.А., Акчурина А.М. Методика определения приоритетных бизнес-процессов газовых компаний // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10. С. 398–399.
5. Сиргалина Г.Т., Хасанова Г.Ф., Батталова А.А. Анализ рисков в нефтяной и газовой промышленности // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 12.
6. Ситдилов Р.Р., Мусина Д.Р. Учет логистических рисков в планировании материальных запасов бурового предприятия // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7. № 3.

Анализ исполнения местного бюджета за 2016–2018 годы

Analysis of Local Budget Execution for 2016–2018

DOI: 10.34773/EU.2020.1.20

**И. ЗАРИПОВА, В. МИНЕЕВА,
Г. АЗНАБАЕВА, Э. ИСЛАМГУЛОВА**

Зарипова Илсияр Равиловна, д-р экон. наук, профессор кафедры «Финансы и кредит» Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета (ИЭС УГНТУ). E-mail: ir_zaripova@mail.ru

Минеева Вера Михайловна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» ИЭС УГНТУ. E-mail: mineeva_vera68@mail.ru

Азнабаева Гульмарьям Хисамутдиновна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» ИЭС УГНТУ. E-mail: gulyaaznabaeva@mail.ru

Исламгулова Элина Зуфаровна, магистрант кафедры «Финансы и кредит» ИЭС УГНТУ. E-mail: elina483@gmail.com

В статье проведен анализ исполнения местного бюджета на примере города Стерлитамак Республики Башкортостан за 2016–2018 годы. Финансы муниципальных образований органов управления являются важным составляющим звеном финансовой государственной системы, что обуславливает актуальность темы исследования. Цель данной статьи – анализ исполнения бюджета в части доходов и расходов с применением программно-целевого принципа. Проведенный анализ дает возможность изучить динамику местного бюджета города Стерлитамак за 2016–2018 годы.

Ключевые слова: бюджет, доходы, расходы, анализ исполнения бюджета.

The article analyzes the implementation of the local budget on the example of the city Sterlitamak of the Republic of Bashkortostan for 2016–2018. The finances of municipal entities are an important component of the financial state system, which determines the relevance of the research topic. The purpose of this article is to analyze the budget execution in terms of revenues and expenditures using the program-target principle. The analysis makes it possible to study the dynamics of the local budget of Sterlitamak for 2016–2018.

Key words: budget, revenues, expenses, budget execution analysis.

Каждое муниципальное образование имеет собственный бюджет, который предназначен для исполнения расходных обязательств [1]. Основной задачей муниципального бюджета является формирование такого объема расходов в соответствии с реальным прогнозом налоговых и неналоговых доходов, объемом поступлений от других бюджетов бюджетной системы при сохранении сбалансированности и стабильности.

Проанализируем местный бюджет на примере города Стерлитамак.

По состоянию на 01.01.2018 бюджет взял на себя обязательства по содержанию 126 учреждений, из них 6 – органы местного самоуправления, 2 – казенные, 5 – бюджетные, 113 – автономные.

Бюджет города формируется за счет налоговых отчислений, доходов от использования муниципальной собственности, от оказания платных услуг казенными учреждениями, реализации материальных и нематериальных активов, а также административных платежей, штрафов и иных неналоговых поступлений, безвозмездных поступлений.

Приоритетные направления расходов – образование, коммунальное хозяйство, включая благоустройство города, социальная поддержка населения, физкультура и спорт, культура и другие.

Уже не первый год бюджет формируется в структуре муниципальных программ. Программный бюджет является отражением финансового обеспечения программ, это не распределение по ведомствам, а распределение именно по программам. Если до этого программы существовали отдельно от бюджета, осуществлялось управление портфелем ведомства, то сейчас осуществляется управление программами [2, 300].

Бюджет за 2016 год исполнен в соответствии с решением Совета города от 24 декабря 2015 года № 3-2/40з [6] (с применением программно-целевого принципа за 2016 год).

Основные показатели доходов за 2016 год отражены в таблице 1.

Таблица 1

Основные показатели доходов за 2016 год (млн руб., %)

Показатели	2016 г.				
	Утвержд.	Уточнен.	Факт.	Уд. вес	Исполн.
Всего	4572,9	5710,8	5560,0	100,0 %	97,4 %
Налоговые и неналоговые	1818,7	1818,7	1879,5	33,8 %	103,3 %
Налоговые	908,6	909,1	889,6	47,3 %	97,9 %
Неналоговые	910,1	909,6	989,9	52,7 %	108,8 %
Безвозмездные поступления	2754,2	3892,1	3680,5	66,2 %	94,6 %

В бюджет города за 2016 год поступило 5560,0 млн руб., что на 1084,6 млн руб., или на 24,2 %, больше, чем за 2015 год, из них налоговые и неналоговые доходы составили 1874,4 млн руб. (33,8 %), безвозмездные перечисления – 3680,5 млн руб. (66,2 %).

Уточненные назначения на текущий год по налоговым и неналоговым доходам выполнены на 103,3 %.

Основные показатели расходов за 2016 год отражены в таблице 2.

Расходы за 2016 год составили 5836,3 млн руб., или 98,5 % к годовому уточненному плану. По сравнению с соответствующим периодом 2015 года значение данного показателя увеличилось на 1178,2 млн руб., или на 25,3 %.

В 2016 году действовали 14 программ с прогнозируемым объемом финансирования на 2016 год 4214,3 млн руб.

Фактически за 2016 год в рамках реализации мероприятий выделено 3961,7 млн руб., что составляет 94 % годового объема финансирования.

По итогам 2016 года по удельному весу наибольший объем освоенных средств приходится на мероприятия в сфере образования – 64,1 %; благоустройства – 13,5 %; улучшения условий и охраны труда – 7,1 %; развития культуры – 4,1 %; развития городского электротранспорта – 3,9 %; снижения рисков и последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера – 2,7 %; развития физической культуры – 2,2 %; прочие – 2,4 % от общего объема финансирования.

Таблица 2

Основные показатели расходов за 2016 год (млн руб., %)

Показатели	2016 г.				
	Утвержд.	Уточнен.	Факт.	Уд. вес	Исполн.
Всего	4789,2	5925,1	5836,5	100,0 %	98,5 %
Общегосударственные вопросы	111,8	167,4	167,4	2,9 %	100,0 %
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	22,5	21,5	21,5	0,4 %	100,0 %
Национальная экономика	422,8	697,9	697,9	12,0 %	100,0 %
Жилищно-коммунальное хозяйство	1065,4	1396,3	1332,2	22,8 %	95,4 %
Образование	2859,6	3227,1	3214,5	55,1 %	99,6 %
Культура, кинематография	86,6	133,5	130,3	2,2 %	97,6 %
Социальная политика	152,9	202,3	194,7	3,3 %	96,2 %
Физическая культура и спорт	61,2	72,5	71,4	1,2 %	98,5 %
СМИ	3,4	3,3	3,3	0,1 %	100,0 %
Обслуживание государственного и муниципального долга	3,0	3,3	3,3	0,1 %	100,0 %

В соответствии с методикой, утвержденной постановлением администрации ГО город Стерлитамак от 20.03.2015 г. № 555, проведена оценка эффективности реализации муниципальных программ, которая включает проведение количественных оценок эффективности по следующим направлениям:

- 1) степень достижения запланированных результатов программы;
- 2) степень соответствия фактических затрат на реализацию программы запланированному уровню;
- 3) эффективность реализации программы.

Проведенный анализ оценки эффективности реализации муниципальных программ показывает, что все программы по итогам 2016 года являются эффективными.

Финансовая поддержка из бюджета республики поступила в сумме 3680,5 млн руб., что составило больше половины от общего объема поступлений (66,2 %). По сравнению с 2015 годом объем безвозмездных поступлений уменьшился на 1204,0 млн руб.

Бюджет за 2017 год исполнен в соответствии с решением Совета города от 20 декабря 2016 года № 4-2/4з [7] (с применением программно-целевого принципа за 2017 год).

Основные показатели доходов за 2017 год отражены в таблице 3.

Таблица 3

Основные показатели доходов за 2017 год (млн руб., %)

Показатели	2017 г.				
	Утвержд.	Уточнен.	Факт.	Уд. вес	Исполн.
Всего	4007,0	4393,5	4480,2	100,0 %	102,0 %
Налоговые и неналоговые	1705,0	1705,0	1847,2	41,2 %	108,3 %
Налоговые	880,4	878,4	955,3	51,7 %	108,8 %
Неналоговые	824,6	826,6	891,9	48,3 %	107,9 %
Безвозмездные поступления	2302,0	2688,5	2633,0	58,8 %	98,0 %

В 2017 году запланированный объем доходов удалось выполнить. В бюджет города за 2017 год поступило 4480,2 млн руб., что на 1079,7 млн руб., или на 19,4 %, меньше, чем за 2016 год, из них налоговые и неналоговые доходы составили 1847,2 млн руб. (41,2 %), безвозмездные поступления – 2633,0 млн руб. (58,8 %).

Несмотря на снижение доходов, бюджет по показателям, которые являются основными при оценке исполнения доходной части бюджетов муниципальных образований, выполнен.

Уточненные назначения на текущий год по налоговым и неналоговым доходам выполнены на 108,3 %.

Основные показатели расходов за 2017 год отражены в таблице 4.

Расходы за 2017 год исполнены на достаточно высоком уровне и составили 4404,1 млн руб., или 98,9 % к годовому уточненному плану. По сравнению с соответствующим периодом 2016 года значение данного показателя уменьшилось на 1432,1 млн руб., или на 24,5 %.

В 2017 году действовали 14 программ с прогнозируемым объемом финансирования на 2017 год 4071,3 млн руб.

Фактически за 2017 год в рамках реализации мероприятий выделено и освоено 95,9 % предполагаемого финансирования, или 3902,7 млн руб.

По итогам 2017 года по удельному весу наибольший объем освоенных средств приходится на мероприятия в сфере образования – 68,6 %, благоустройства – 12,3 %; развития городского электротранспорта – 4,7 %; развития культуры и этнокультурного развития народов – 4,4 %; формирования современной городской среды – 3,1 %; развития физической культуры и спорта – 2,7 %; обеспечения жильем молодых семей – 1,1 %; управления муниципальными финансами – 0,8 %; прочие программы – 0,9 % общего объема финансирования программ.

Таблица 4

Основные показатели расходов за 2017 год (млн руб., %)

Показатели	2017 г.				
	Утвержд.	Уточнен.	Факт.	Уд. вес	Исполн.
Всего	4055,7	4454,1	4404,1	100,0 %	98,9 %
Общегосударственные вопросы	120,4	194,1	192,5	4,3 %	99,2 %
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	22,5	20,3	20,3	0,5 %	100,0 %
Национальная экономика	383,8	416,5	391,1	8,9 %	93,9 %
Жилищно-коммунальное хозяйство	602,1	725,8	711,8	16,2 %	98,1 %
Образование	2588,1	2642,4	2641,2	60,0 %	100,0 %
Культура, кинематография	53,7	69,9	69,9	1,6 %	100,0 %
Социальная политика	189,0	270,7	263,1	6,0 %	97,2 %
Физическая культура и спорт	88,8	104,5	104,5	2,3 %	100,0 %
СМИ	4,3	5,6	5,6	0,1 %	100,0 %
Обслуживание государственного и муниципального долга	3,0	4,1	4,1	0,1 %	100,0 %

Проведенный анализ оценки эффективности реализации муниципальных программ показывает, что из действовавших в 2017 году 14 программ 13 являются высокоэффективными и 1 программа является неэффективной по причине отсутствия финансирования в отчетном периоде.

Финансовая поддержка из бюджета республики поступила в сумме 2633,0 млн руб., что составило больше половины от общего объема поступлений (58,8 %). По сравнению с 2016 годом объем безвозмездных поступлений уменьшился на 1047,5 млн руб.

Бюджет города за 2018 год исполнен в соответствии с решением Совета города от 19 декабря 2017 года № 4-2/13з [8] (с применением программно-целевого принципа за 2018 год).

Основные показатели доходов за 2018 год отражены в таблице 5.

Таблица 5

Основные показатели доходов за 2018 год (млн руб., %)

Показатели	2018 г.				
	Утвержд.	Уточнен.	Факт.	Уд. вес	Исполн.
Всего	4077,2	4727,2	4853,3	100,0 %	102,7 %
Налоговые и неналоговые	1640,0	1774,0	1933,0	39,8 %	109,0 %
Налоговые	956,1	980,5	1059,4	54,8 %	108,0 %
Неналоговые	683,9	793,5	873,6	45,2 %	110,1 %
Безвозмездные поступления	2437,2	2953,2	2920,2	60,2 %	98,9 %

В бюджет города за 2018 год поступило 4853,9 млн руб., что на 373,0 млн руб., или на 8,3 %, больше, чем за 2017 год, из них налоговые и неналоговые доходы составили 1933,0 млн руб. (39,8 %), безвозмездные поступления – 2920,2 млн руб. (60,2 %).

Уточненные назначения на текущий год по налоговым и неналоговым доходам выполнены на 109 %.

Наибольшее влияние на увеличение поступлений оказал рост поступлений от налога на доходы физических лиц, от налога на имущество физических лиц и установление с 2018 года норматива отчислений от налога на имущество организаций в местный бюджет.

Основные показатели расходов за 2018 год отражены в таблице 6.

Расходы за 2018 год составили 4657,9 млн руб., или 98,6 %, к годовому уточненному плану. По сравнению с соответствующим периодом 2017 года значение данного показателя увеличилось на 253,7 млн руб., или на 5,8 %.

Основные показатели расходов за 2018 год (млн руб., %)

Показатели	2018 г.				
	Утвержд.	Уточнен.	Факт.	Уд. вес	Исполн.
Всего	4112,3	4725,3	4657,9	100,0 %	98,6 %
Общегосударственные вопросы	124,6	282,3	281,8	6,0 %	99,8 %
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	23,2	23,2	23,6	0,5 %	100,0 %
Национальная экономика	389,5	440,1	434,4	9,3 %	98,7 %
Жилищно-коммунальное хозяйство	452,2	465,9	451,5	9,7 %	96,9 %
Образование	2703,8	3041,8	3038,3	65,2 %	99,9 %
Культура, кинематография	50,4	82,0	80,7	1,7 %	98,4 %
Социальная политика	264,5	278,5	236,3	5,1 %	84,8 %
Физическая культура и спорт	96,5	104,7	104,7	2,3 %	100,0 %
СМИ	4,6	4,7	4,7	0,1 %	100,0 %
Обслуживание государственного и муниципального долга	3,0	1,7	1,7	0,1 %	100,0 %

Расходы на реализацию программ за 2018 год составили 93,4 % от всех произведенных расходов.

В 2018 году на территории города осуществлялась реализация 17 программ.

Общий объем предусмотренного финансирования в 2018 году составляет 5949,3 млн руб. Фактически выделено в отчетном периоде 5629,3 млн руб., или 94,6 % от предусмотренного объема.

По удельному весу наибольший объем финансирования приходится на сферу образования – 61 %; развитие строительного комплекса и архитектуры – 12,9 %; благоустройство – 9,1 %; сохранение и развитие культуры – 3,6 %; развитие городского электротранспорта – 3,5 %; развитие физической культуры и спорта – 2,2 %; формирование современной городской среды – 1,4 %; управление муниципальными финансами – 0,6 %; реализацию проектов благоустройства дворовых территорий – 0,6 %; снижение рисков и последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера – 0,4 %; прочие – 0,3 % от общего объема финансирования программ.

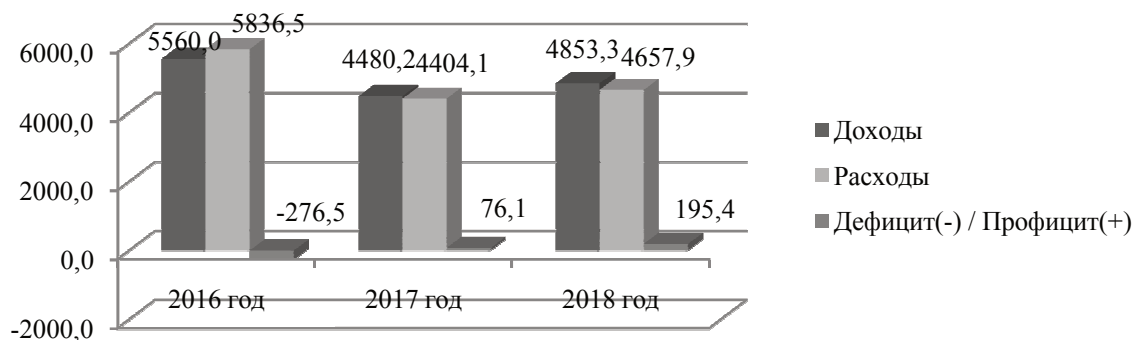
Анализ оценки эффективности реализации муниципальных программ показывает, что из действовавших в 2017 году 13 программ имеют высокое и среднее значения эффективности, что свидетельствует об управляемости процесса программно-целевого планирования. При этом по отдельным программам наблюдается дисбаланс между освоением финансирования, показателями реализации мероприятий и достижения плановых значений целевых индикаторов.

Финансовая поддержка из бюджета республики поступила в сумме 2920,2 млн руб., что составило больше половины от общего объема поступлений (60,2 %). По сравнению с 2016 годом объем безвозмездных поступлений уменьшился на 287,2 млн руб.

Таким образом, проведенный анализ дает возможность изучить динамику бюджета города Стерлитамак за 2016–2018 годы, представленную на рисунке.

По показателям, которые являются основными при оценке исполнения доходной части бюджетов, бюджет выполнен. Наибольший удельный вес в составе налоговых и неналоговых доходов занимают: доходы использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, – около 30 %, налог на доходы физических лиц – 25 %, налоги на совокупный доход – 9 %, налоги на имущество – 8 %.

Важнейшей задачей было и остается создание условий для выполнения социальных обязательств перед гражданами. Наибольший удельный вес в отраслевой структуре расходов занимает социальная составляющая бюджета – приблизительно 60 % всех расходов, в том числе на образование – 55 %, на социальную политику – 3 %, культуру – 1 %, физическую культуру и спорт – 1 %.

Основные характеристики бюджета за 2016–2018 годы (млн руб.)

Бюджет с полным правом можно назвать программным, так как более 90 % всех расходов проведены в рамках программных мероприятий в сфере благоустройства, образования, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики и т.д. Анализ оценки эффективности реализации муниципальных программ показывает, что программы являются эффективными.

С учетом напряженных текущих условий, в числе которых – ограниченность доходов, экономические риски и продолжающийся рост расходной нагрузки, бюджет по итогам 2016 года сохранил свою дефицитность (276,5 млн руб.). Уровень дефицита соответствует требованиям бюджетного законодательства. На его финансирование были направлены остатки средств бюджета городского округа и муниципальные заимствования.

По итогам 2017–2018 годы бюджет исполнен с профицитом 76,1 и 195,4 млн руб., при плановом дефиците 48,7 и 35,1 млн руб. соответственно.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Губанова Е.Е. О переходе на «программный» бюджет // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 300–302.
3. Официальный сайт администрации городского округа город Sterlitamak РБ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sterlitamakadm.ru>
4. Официальный сайт открытого бюджета городского округа город Sterlitamak РБ [Электронный ресурс]. URL: <http://budget-sterlitamak.ru>
5. Официальный сайт Совета городского округа город Sterlitamak РБ [Электронный ресурс]. URL: <http://sovet.sterlitamakadm.ru>
6. Решение Совета ГО город Sterlitamak РБ от 24 декабря 2015 года № 3-2/40з «О бюджете ГО город Sterlitamak РБ на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годы».
7. Решение Совета ГО город Sterlitamak РБ от 20 декабря 2016 года № 4-2/4з «О бюджете ГО город Sterlitamak РБ на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годы».
8. Решение Совета ГО город Sterlitamak РБ от 19 декабря 2017 года № 4-2/13з «О бюджете ГО город Sterlitamak РБ на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годы».
9. Решение Совета ГО город Sterlitamak РБ от 23 мая 2017 года № 4-1/8з «Об утверждении отчета об исполнении бюджета ГО город Sterlitamak РБ за 2016 год».
10. Решение Совета ГО город Sterlitamak РБ от 22 мая 2018 года № 4-1/17з «Об утверждении отчета об исполнении бюджета ГО город Sterlitamak РБ за 2017 год».
11. Решение Совета ГО город Sterlitamak РБ от 28 мая 2019 года № 4-1/26з «Об утверждении отчета об исполнении бюджета ГО город Sterlitamak РБ за 2018 год».

Усиление социальной направленности налоговых систем

Strengthening the Social Orientation of Tax Systems

DOI: 10.34773/EU.2020.1.21

Я. ТРОФИМОВА

Трофимова Ярослава Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: tro1@mail.ru

Автор статьи предлагает рассматривать налоговые изменения в рамках рыночной социальной политики государства. В работе отмечаются противоречия в ее осуществлении, а также новые формы и приемы в налоговых приоритетах.

Ключевые слова: налоговые льготы, налоговая система, государство, социальное партнерство, финансирование, профсоюзы.

The author of the article proposes to consider tax changes in the market social policy of the state. The paper notes contradictions in its implementation, as well as new forms and techniques in tax priorities.

Key words: tax benefits, tax system, state, social partnership, financing, trade unions.

Обострение социальной напряженности в последние годы проявилось в виде массовых выступлений во Франции, Великобритании, Германии, Испании и других странах, хотя и было вызвано разными причинами (антинародная пенсионная реформа, выход из ЕС, антимиграционные выступления, неравенство регионов по доходам, рост неравенства среди населения и т.д.), но привело к схожим результатам. Правительства были вынуждены пересмотреть свое отношение к вопросам социального партнерства, возможностям его более активного использования для мирного разрешения конфликтов [1, 34].

Государства используют различные модели поддержки социального партнерства, в том числе его софинансирование. Во Франции Закон «О профессиональной подготовке, занятости и демократии» от 5 марта 2014 г. предусматривает непрерывное обучение работников, а также введение начиная с 2015 г. взноса (налога) на заработную плату. Данный налог наряду с государственными субсидиями стал финансовым ресурсом социальных партнеров – ведущих профсоюзов и объединений работодателей (таблица 1 [2]).

Таблица 1

Распределение финансовых ресурсов (2016 г., евро)

	налог на заработную плату	государственные субсидии	всего
профсоюзы	46 503 087	31 293 285	77 796 372
предприниматели	35 839 144	1 244 428	37 083 572
всего	82 342 231	32 537 713	114 879 944

Традиционная модель финансирования социального партнерства сложилась в Германии, где профсоюзы существуют исключительно за счет членских взносов, составляющих обычно 1 % от ежемесячного дохода и доходов от имущества [6]. Аналогичная система финансирования действует в Австрии [4], Польше и других странах.

Государство, понимая значимость общественных движений и организаций, социальных институтов в гражданском обществе, может поддерживать их социальные инициативы путем финансирования и предоставления налоговых льгот.

В Великобритании в 2015–2016 гг. государственные расходы на финансирование благотворительных и прочих общественных организаций достигли 47,8 млрд фунтов стерлингов, что

выше уровня 2014–2015 гг. на 1,6 млрд фунтов стерлингов [7]. При этом сохраняется диспропорция финансирования между небольшими местными и крупными национальными благотворительными организациями: крупнейшие организации, составляя 3 %, получают 80 % доходов сектора. Изменяется способ финансирования правительством общественных организаций: грантовое финансирование постепенно заменяется контрактным. Развивается финансирование небольших местных благотворительных организаций через фонды, например, Big Lottery Fund, популярна также корпоративная благотворительность. Департамент по вопросам цифровых технологий, культуры, средств массовой информации и спорта поддерживает развитие предпринимательской деятельности благотворительных и социальных организаций, финансируя их из Фонда социальных инвестиций (Access Foundation) (размер фонда 60 млн фунтов стерлингов). С 2018 по 2023 г. фонд должен выделить 40 млн фунтов стерлингов данным организациям для разработки моделей развития. Фонд Good Finance предоставляет организациям комплексный цифровой ресурс для эффективной деятельности на рынке социальных инвестиций. Растет смешанное финансирование из различных источников для отдельных общественных проектов и инициатив. Так, правительство Великобритании стало партнером ряда фондов (Arts Impact Fund, Dementia Discovery Fund, Northern Cultural Regeneration Social Investment Fund, Building Connections Fund). В 2018 г. было выделено около 10 млн фунтов стерлингов AccessFoundation для поддержки инициатив со смешанным капиталом. Более того, государство через систему налоговых льгот благотворительным организациям оказывает им также стабильную финансовую помощь: в 2007–2008 гг. – около 2 млрд фунтов стерлингов, в 2017–2018 гг. – 3,62 млрд фунтов стерлингов. В 2019 г. расширен перечень видов социальных проектов, пользующихся налоговыми льготами. В Германии растет количество некоммерческих организаций, в том числе благотворительных: в 2012 г. – 615 000, в 2015 г. – 670 000. Объемы сектора некоммерческих организаций оцениваются примерно в 100 млрд евро. Объем налоговых вычетов в 2016 г. составил 2,4 млрд евро [3].

Наряду с решением социальных проблем налоговые изменения направлены на поддержку отдельных приоритетов национальной политики. Объем субсидий и налоговых льгот в Германии ежегодно растет: с 20,9 млрд евро в 2015 г. до 25,2 млрд евро в 2018 г., в том числе за счет федеральных средств 4,3 млрд евро. Вводятся новые виды финансовой помощи, например, на приобретение электромобилей, оптимизацию систем отопления, размер которых вырос с 15,4 в 2015 г. до 16,1 млрд евро в 2018 г. (рис. 1).

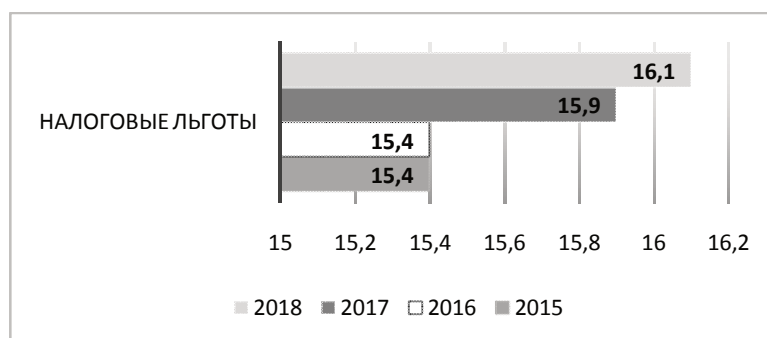

Рис. 1. Динамика новых видов финансовой помощи (по годам, млрд евро)

В сфере энергетики (энергоэффективность, переход на возобновляемую энергию) рост субсидий составил от 11 млрд евро в 2015 г. до 13,4 млрд евро в 2018 г., в сфере транспорта (включая инфраструктуру для электромобилей) – от 2,4 до 3 млрд евро за тот же период. Предоставляется освобождение от обязательных налоговых отчислений при работах в праздничные и выходные дни, ночные смены.

По сравнению с другими странами с 2005 г. неравенство располагаемых доходов в Германии остается стабильно низким, что достигается с помощью сбалансированного действия налогово-трансфертной системы, дальнейшее совершенствование которой направлено на поддержание

ее социальной справедливости. Воздействие миграционных процессов в Европе привело к деформации рынка труда и ослаблению влияния профсоюзов, что в дальнейшем вызовет рост неравенства в доходах. Закон «Об оказании помощи семьям» предусматривает на 2019–2020 гг. финансовую помощь в размере 9,8 млрд евро семьям с детьми [5], кроме того, в соответствии с ним сохраняются льготы по подоходному налогу в части необлагаемого минимума. При установлении ставок подоходного налога предполагается учитывать эффект «холодной прогрессии»: при росте заработной платы на величину инфляции нельзя допустить возникновения более высокого индивидуального налогообложения. С 1 июля 2019 г. детские пособия повышены на 10 евро в месяц. Освобождаемый от налогообложения доход семей с детьми в 2019 г. также вырос на 192 евро (до 7620 евро) (рис. 2). В 2020 г. предусматривается дальнейший рост налоговых льгот семьям с детьми.

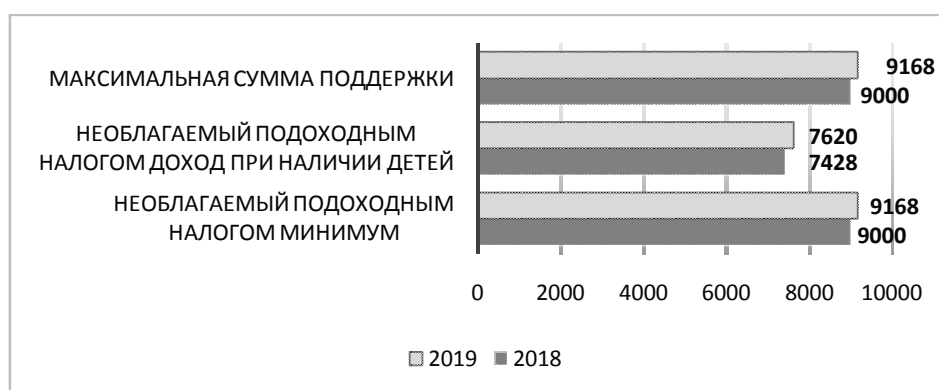

Рис. 2. Динамика налоговых льгот (2018–2019 гг., евро)

В Великобритании начиная с 2021 г., согласно индексу потребительских цен, также предусмотрен стабильный рост необлагаемого подоходным налогом минимума (рис. 3). Эта мера позволит снизить подоходный налог для 30,6 млн налогоплательщиков подоходного налога в 2019–2020 гг. и для 30,7 млн – в 2020–2021 гг., в том числе для лиц с низким и средним уровнем дохода, улучшить стимулы для трудоустройства, увеличить располагаемые доходы домохозяйств, тем самым повысив уровень потребления и сбережений.

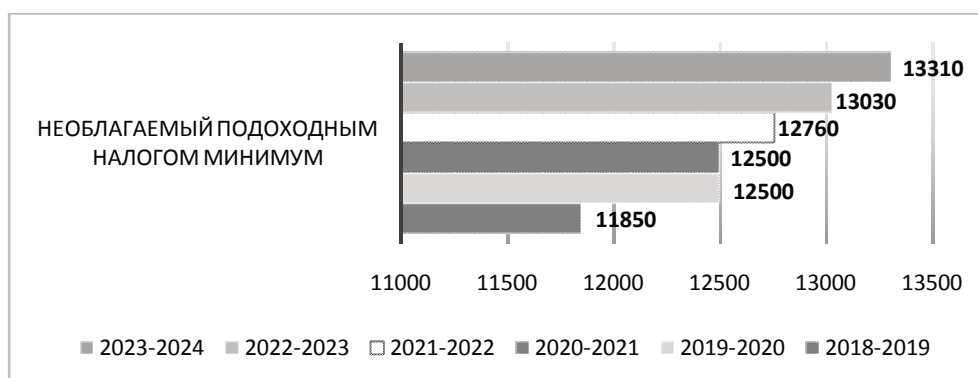

Рис. 3. Динамика необлагаемого подоходным налогом минимума (по годам, евро)

Государство, пренебрегая социальной справедливостью в обществе и нарушая социальный диалог, рискует вызвать обострение социально-политической ситуации в стране.

Во Франции массовые выступления «желтых жилетов» в 2018–2020 гг. были обусловлены именно такими причинами: «замораживание» пенсий, зарплат бюджетникам, отмена налога солидарности для богатых, сокращение социальных пособий и расходов на переподготовку кадров,

«оптимизация социальных расходов» путем закрытия учебных, медицинских учреждений, полицейских, почтовых участков на периферии и т.д., либерализация трудового законодательства, предусматривающая переход к краткосрочным трудовым контрактам, упрощение процедуры увольнения. Вместе с тем ставка по налогу на прибыль в 2019 г. снижается с 33 % до 31 %, и к 2022 г. должна составить 25 % для предприятий с оборотом не более 250 млн евро в год.

Массовые выступления населения и последующая поддержка со стороны профсоюзов Франции вынудила правительство пойти на некоторые социальные уступки. В частности, отменен налог на жилье, увеличен минимальный размер заработной платы на 100 евро, отменен сбор на социальные нужды с пенсионеров с доходом менее 2 тыс. евро в месяц, что затронет доходы лишь 30 % пенсионеров вместо 60 %, как планировалось; ожидается отмена налогообложения премий в размере менее 1 тыс. евро сотрудникам, чей доход не превышает в общей сложности трех минимальных заработных плат (примерно 4,5 тыс. евро в месяц с учетом изменений).

Таким образом, дальнейшее совершенствование налоговых систем сопровождается устойчивым ростом их социальной направленности, зависящим от состояния государственных и муниципальных финансов. Налоговые изменения важно рассматривать в рамках рыночной социальной политики государства. Правительства, наряду с использованием традиционных, активно разрабатывают новые модели поддержки социального партнерства, а также формы и приемы в налоговых приоритетах.

Литература

1. Трофимова Я. Новый вектор развития социального партнерства // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 2. С. 34–38.
2. Andolfatto D., Labbé D. Le financement des partenaires sociaux après la loi Sapin du 5 mars 2014 // Droit Social, Dalloz, 2017. Pp. 255–264 [Электронный ресурс]. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01520178/document>
3. Book S. Stiftungen und Vereine werden zu Steueroasen // Wirtschafts Woche [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wiwo.de/finanzen/steuernrecht/steuervermeidung-stiftungen-und-vereine-werden-zu-steueroasen/13808506.html>
4. Der Österreichische Gewerkschaftsbund und seine Gewerkschaften [Электронный ресурс]. URL: <https://www.polipedia.at/tiki-index.php?page=Der+%C3%96sterreichische+Gewerkschaftsbund+und+seine+Gewerkschaften>
5. Die wichtigsten steuerlichen Änderungen 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesfinanzministerium.de/Monatsberichte/2019/01/Inhalte/Kapitel-3-Analysen/3-3-steuerliche-aenderungen-2019.html>
6. Pellefigue M. Immobilier: sept changements fiscaux en 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://votreargent.lexpress.fr/immobilier/immobilier-sept-changements-fiscaux-en-2019_2064174.html
7. The social sector: supporting charities and social enterprises [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/civil-society-strategy-building-a-future-that-works-for-everyone/3-the-social-sector-supporting-charities-and-social-enterprises>

Субсидирование кредитования аграрного малого бизнеса

Subsidizing Lending to Agricultural Small Businesses

DOI: 10.34773/EU.2020.1.22

О. СТАРКОВА

Старкова Ольга Яковлевна, канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов Пермского государственного аграрно-технологического университета им. акад. Д.Н. Прянишникова. E-mail: klimova377@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы субсидирования части процентной ставки по банковским кредитам малого предпринимательства на селе. Обосновывается необходимость государственной поддержки кредитования малого бизнеса. Проведен анализ текущего остатка субсидий по льготному кредитованию. Проведено ранжирование федеральных округов РФ по остаткам субсидий. Рассмотрен план предоставления субсидий на 2020 год.

Ключевые слова: банковский кредит, ставка процента, государственная поддержка, крестьянские (фермерские) хозяйства.

The article deals with the problems of subsidizing part of the interest rate on bank loans to small businesses in rural areas. Necessity of the state support of crediting of small business is proved. The analysis of the current balance of subsidies for concessional lending. The ranking of the federal districts of the Russian Federation on the balance of subsidies. The plan is to provide subsidies for 2020.

Key words: bank credit, interest rate, state support, peasant (farm) economy.

Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации предполагает достижение самообеспечения страны по большому перечню продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Большую роль в решении этой задачи играет малое предпринимательство на селе. Государство поддерживает сельский малый и средний бизнес наряду с другими представителями сельских производителей. Однако малое предпринимательство может претендовать на особые, более льготные условия, обеспечивающие поддержку и в организации производства, и в обеспечении ресурсами, в том числе финансовыми средствами. Целью данного исследования является анализ субсидирования кредитования сельского малого бизнеса. Для реализации этой цели в работе решаются следующие задачи: 1) определение проблем развития малого бизнеса на селе; 2) обоснование необходимости поддержки кредитования; 3) проведение анализа субсидирования части процентной ставки по банковским кредитам малого бизнеса. В работе нашел применение монографический метод исследования.

Например, Мельникова О.Ю., рассматривая стратегию развития малого и среднего предпринимательства на селе, выделяет три направления: маркетинговое планирование, адаптацию мер государственной поддержки к особенностям регионов, борьбу с коррупцией. Анализируя зарубежный опыт, автор останавливается на деятельности Кредитного банка ФРГ, который регулирует кредитную политику и принимает решения о выдаче кредита в соответствии с представленным бизнес-планом [3, 4].

Никитина М.В. дает перечень субъектов, которые могут быть отнесены к малому и среднему предпринимательству: крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели, производственные кооперативы и т.д. Несмотря на многообразие организационных форм, все они испытывают схожие сложности в своем развитии: низкое качество производимой продукции, что вызывает сложности с реализацией; недостаточное развитие инфраструктуры; отсутствие желания совершенствовать процесс производства. Не со всеми выводами можно согласиться, однако вывод о том, что малому бизнесу не хватает залоговой базы при кредитовании, сомнения не вызывает [4, 167–169].

Подтверждая заметную роль малого бизнеса в обеспечении занятости и производстве отдельных видов товаров, Тимофеева А.Ю. утверждает, что без государственной поддержки позиции малого бизнеса на рынке весьма уязвимы. Наряду с прочими проблемами развития (изношенность основных фондов, административные барьеры, нехватка производственных площадей), автор отмечает сложный доступ к кредитным ресурсам [7, 10].

Дубовицкий А.А., Клементова Э.А. и Свиридов Д.О., приводя в качестве примера США, где малому бизнесу доступны специальные программы кредитования, проводят анализ субсидирования части процентной ставки по банковским кредитам в Тамбовской области. Сумма таких субсидий составила 56823 тыс. руб., их получили субсидии 209 крестьянских (фермерских) хозяйств и 576 личных подсобных хозяйств [2, 46–54].

Виноходова И.Г. отмечает рост государственного финансирования через банковское льготное кредитование. Краткосрочные кредиты могут быть предоставлены на срок до одного года на развитие растениеводства и животноводства (не более 1 млрд руб.). Инвестиционные кредиты предусматривают более длительный срок (от 2 до 15 лет) и большую сумму (8 млрд руб.). Заемщики должны отвечать следующим требованиям: не находиться в стадии ликвидации или процедуры банкротства, быть зарегистрированными на территории РФ, являться налоговыми резидентами РФ и не иметь просроченной задолженности по налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы РФ. По мнению Виноходовой И.Г., современная система кредитования сельского хозяйства должна включать кредитные продукты, учитывающие особенности всех организационных форм ведения сельскохозяйственного производства [1, 38–43].

Однако существует проблема своевременного доведения государственных субсидий до получателей, в результате чего не все ресурсы используются в полном объеме. Так, в 2017 году в Пермском крае использование бюджетных ассигнований на государственную поддержку кредитования малого бизнеса за счет средств краевого бюджета составило 52,8 %, федерального бюджета – 78 %. Причиной является несвоевременное предоставление кредитными организациями сведений об уплате процентов и остатке ссудной задолженности [6, 8–12]. Предоставление субсидий на уплату банковских процентов в 2019 году отражено в таблице 1 [5].

Таблица 1

**Текущий остаток субсидий по льготному кредитованию
в РФ на 10.09.2019 года, тыс. руб.**

	Краткосрочные кредиты		Инвестиционные кредиты	
	Всего	В том числе малые формы	Всего	В том числе малые формы
РФ всего	2643447,6	1015231,8	834813,6	11992,1

В соответствии с данными таблицы 1 остаток субсидий, предоставленных уполномоченным банкам по выдаче льготных кредитов малым формам хозяйствования на селе по краткосрочным кредитам, составил 1015231,8 тыс. руб., по инвестиционным кредитам – 11992,1 тыс. руб. (38,4 % и 1,4 % соответственно от общей суммы субсидий). Представляет интерес распределение текущего остатка субсидий по федеральным округам (табл. 2) [5].

По объему текущего остатка субсидий по льготному краткосрочному кредитованию на 10.09.2019 г. (табл. 2) федеральные округа РФ распределяются следующим образом: Центральный ФО, Приволжский ФО, Южный ФО, Сибирский ФО, Северо-Западный ФО, Северо-Кавказский ФО, Уральский ФО, Дальневосточный ФО. В той же последовательности округа располагаются и исходя из сумм остатка субсидий по кредитованию малого бизнеса, то есть наибольшая сумма приходится на Центральный ФО, а наименьшая – на Дальневосточный ФО. Малому бизнесу предназначены от 46 % до 15 % субсидий от их общего количества. Наибольшая доля субсидий для малого бизнеса имеет место в Приволжском ФО, а наименьшая – в Дальневосточном ФО. В среднем доля субсидий для малого аграрного предпринимательства составляет 35 % от их общей суммы. Показатель ниже среднего наблюдается только в двух округах: Северо-Кавказском ФО и Дальневосточном ФО.

Таблица 2

Распределение текущего остатка субсидий по льготному кредитованию по федеральным округам на 10.09.2019 г.

	Краткосрочное кредитование, тыс. руб.	В т.ч. малые формы хозяйствования	
		Сумма в тыс. руб.	Доля, в %
Центральный ФО	926799,8	351643,1	37,9
Северо-Западный ФО	145750,0	53855,4	37,0
Южный ФО	357572,9	144365,0	40,0
Северо-Кавказский ФО	135196,5	43865,6	32,4
Приволжский ФО	507627,4	237500,8	46,8
Уральский ФО	114145,4	42131,2	36,9
Сибирский ФО	349040,0	125603,9	36,0
Дальневосточный ФО	107315,1	16266,4	15,2

В 2020 году льготное кредитование малого бизнеса будет развиваться (табл. 3) [5].

Таблица 3

Плановые размеры объема субсидий на 2020 год, предоставляемые уполномоченным банкам, тыс. руб.

Краткосрочные кредиты	в т.ч. КФХ	Инвестиционные кредиты	в т.ч. КФХ
18584709,6	3716941,9	66775738,6	6677873,5

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что в соответствии с планом на 2020 год объем субсидий по инвестиционным кредитам в 3,5 раза превосходит объем субсидий по краткосрочным кредитам. На долю крестьянских (фермерских) хозяйств приходится 20 % субсидий по краткосрочным кредитам и 10 % по инвестиционным кредитам. Доля крестьянских (фермерских) хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции в 2017 году составила 12,4 %, в 2018 году – 11,9 %. В связи с этим доля этих категорий хозяйств в плане предоставления субсидий по краткосрочным и инвестиционным кредитам на 2020 год выглядит вполне оправданной. Однако вызывает опасение показатель по остаткам субсидий на 2019 год, доля малого бизнеса на 10.09.2019 г. значительно превышает плановые показатели на 2020 год. Следовательно, можно предположить, что представители малого аграрного бизнеса менее активны после получения льготных кредитов по сравнению с организациями. Малый бизнес нуждается в кредитах, однако не может использовать весь объем из-за сложности процедуры получения одобрения кредитной сделки от кредитных организаций, низкой кредитоспособности или отсутствия обеспечения. Для расширения возможности пользования кредитами малыми предприятиями на селе необходимо упростить процедуру получения кредита, усилить консультационную работу, связанную с обеспечением заемными средствами предпринимателей и фермерских хозяйств.

Литература

1. Виноходова И.Г. Современная политика кредитования в сфере АПК // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 1. С. 38–43.
2. Дубовицкий А.А., Клементова Э.А., Свиридов Д.О. Развитие малого бизнеса в сельском хозяйстве Тамбовской области в условиях государственной поддержки // Вопросы современной науки и практики. 2017. № 2. С. 46–54.
3. Мельникова О.Ю. Малый и средний бизнес в составе АПК // Экономика: экономика и сельское хозяйство. 2016. № 1.
4. Никитина М.В. Развитие малого бизнеса в сельском хозяйстве Российской Федерации // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 4. С. 167–169.

5. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Льготное кредитование [Электронный ресурс]. URL: <http://mcx.ru/activity/state-support/measures/preferential-credit/>

6. Старкова О.Я. Эффективность государственной поддержки аграрного малого бизнеса // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 7. С. 8–12.

7. Тимофеева А.Ю. Государственная поддержка субъектов малого и среднего бизнеса, занятого в сфере сельского хозяйства Омской области // Электронный научный методический журнал Омского ГАУ. 2016. № 52.

Тенденции развития российского рынка страхования

Development Trends in the Russian Insurance Market

DOI: 10.34773/EU.2020.1.23

**З. ШАРИФЬЯНОВА, Г. АЛЬТДИНОВА,
Р. НАФИКОВА**

Шарифьянова Зарема Фаудатовна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве РФ (Уфимского филиала). E-mail: ZFSHarifyanova@fa.ru

Альтдинова Гульнара Захидовна, студент Финансового университета при Правительстве РФ (Уфимского филиала). E-mail: altdinova97@yandex.ru

Нафикова Раушания Радиковна, студент Финансового университета при Правительстве РФ (Уфимского филиала). E-mail: nafikova-98@mail.ru

В данной статье рассмотрено современное состояние российского рынка страхования, основные тенденции его развития, а также приведены ключевые показатели деятельности страховщиков за 2019 год. Сделаны выводы о приостановлении роста страховых премий в I квартале и невысоких показателях страхового рынка за II квартал 2019 года. Выявлены некоторые проблемы в различных сегментах рынка, приведены наиболее эффективные меры для его развития в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: рынок страхования, страхование жизни, страховая премия, инвестиционное страхование жизни, автострахование.

This article discusses the current state of the Russian insurance market, the main trends in its development, and also provides key indicators of insurers' activities for 2019. Conclusions are made about the suspension of growth of insurance premiums in the first quarter and low indicators of the insurance market for the second quarter of 2019. Some problems were identified in various market segments, the most effective measures for its development in the short term are given.

Key words: insurance market, life insurance, insurance premium, investment life insurance, car insurance.

Итоги 2018 г. для страхового рынка оказались позитивными: значительно ускорился прирост взносов, достигнув своей максимальной отметки с 2012 года и составив 15,7 %. При этом высокий спрос на кредиты со стороны населения отразился на динамике страхования от несчастных случаев и болезней и автострахования, в результате чего были преодолены отдельные негативные тенденции последних лет. Произошли существенные изменения в сегментах ОСАГО и КАСКО, что повлияло на их рост. Прибыль страховщиков выросла более чем в полтора раза, что можно объяснить увеличением доходов от инвестиционной деятельности, а также снижением убыточности.

Однако уже в I квартале 2019 г. рост страховых премий практически приостановился (+0,3 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года) впервые за десять лет и во II квартале годовой рост страхового рынка оставался достаточно низким, что было вызвано сокращением премий по инвестиционному страхованию жизни. Причиной такой негативной тенденции начала 2019 года стало сокращение объемов взносов в страхование жизни, которое на протяжении

последних лет было драйвером роста страхового рынка, тогда как, например, в 2009 г. такие результаты были вызваны экономическим кризисом [2, 25].

Как уже было отмечено ранее, продолжающаяся на протяжении 10 лет тенденция роста рынка страхования жизни прервалась в I квартале 2019 года. Об этом свидетельствует сокращение объема взносов на 7,6 % по сравнению со значением за аналогичный период предыдущего года и его падение на уровень 85,2 млрд рублей. Доля страхования жизни сократилась до 22,5 % (–1,9 п.п. по сравнению со значением за I квартал 2018 г.). Снижение данного показателя объясняется сокращением взносов в основном сегменте страхования – инвестиционном страховании жизни (ИСЖ) (с 67,0 % в I квартале 2018 г. до –15,7 % в I квартале 2019 г.). Тем не менее пока оно остается главным продуктом в страховании жизни – 48 % премий в I квартале, кредитное страхование – 21,9 %, или 20,8 млрд руб., накопительное страхование – 19,2 % [3, 5].

Причинами разворота динамики рынка можно назвать рост информированности граждан о специфике продуктов страхования жизни, насыщение сегмента и возможную неудовлетворенность клиентов полученными доходами по ранее заключенным договорам, срок действия которых истек.

Расширение тарифного коридора по ОСАГО в январе 2019 г. продолжает оказывать влияние на снижение средней страховой премии в сегменте и стагнацию числа заключенных договоров, что приводит к сокращению объемов страховых взносов по обязательному автострахованию. Основной причиной сокращения объемов взносов в сегменте автострахования стал рост числа заключенных договоров страхования автоКАСКО, который не смог компенсировать влияние снижения средней страховой премии на показатели в данном сегменте. При этом более сильное сокращение взносов может быть вызвано прежде всего продолжающимся замедлением темпов прироста количества договоров в страховании автоКАСКО, которое находится в прямой зависимости от застоя на рынке новых легковых автомобилей. Так, например, продажи новых легковых автомобилей за II квартал 2019 г. сократились на 4,2 % по сравнению со значением данного показателя за II квартал 2018 года. Прогнозы по продажам новых автомобилей в 2020 г. в основном сдержанные – «Association of European Businesses» пересмотрела прогноз по темпам прироста продаж новых автомобилей с 3,6 до 0 %, что может привести к дальнейшему сжатию рынка страхования автоКАСКО.

Поддержку рынку в этот период оказали виды страхования, которые связаны с выдачей кредитов, – страхование жизни заемщиков и страхование от несчастных случаев и болезней, а также добровольное медицинское страхование (ДМС), рост показателей которых обеспечивается высоким спросом со стороны физических лиц на потребительские кредиты. Объем взносов в этих сегментах за год вырос на 16,7 млрд руб. при совокупном увеличении страхового рынка на 6,3 млрд рублей [2, 12]. Позитивная тенденция спроса на ДМС объясняется популяризацией программ по защите от тяжелых заболеваний и недорогих программ контроля состояния здоровья (чекапов), распространением полисов с франшизой, а также развитием телемедицины. Однако не стоит надеяться на поддержку в таком виде и в дальнейшем, так как прогнозы Банка России неутешительные: в ближайшие 3 года темпы прироста кредитования населения замедлятся, что может сказаться и на динамике этого сегмента страхования: потенциальное торможение роста кредитования физических лиц станет причиной снижения динамики этого сектора.

Следует отметить, что отсутствие четких перспектив развития рынка, за исключением отдельных сегментов, оказывает негативное влияние на оценку бизнес-профилей страховых компаний. В то же время финансовые показатели в целом остаются достаточно сильными, и страховая деятельность российских страховщиков считается эффективной. По данным, представленным выше, рынок страхования жизни в 2019 году пребывал не в идеальной форме, о чем говорят цифры по итогам полугодия.

Основной причиной такой негативной тенденции, на наш взгляд, стала ситуация на фондовых рынках в 2018 году: торговые и валютные войны неблагоприятно сказались на доходности большинства инвестиций, а это, как показывает мировая практика, всегда ведет к спаду инвестиционной активности граждан годом позже. Логично, что и ИСЖ, даже несмотря на наличие

защиты 100 % капитала, не остался в стороне. Тем не менее, преждевременно говорить, что потенциал инвестиционно-накопительного страхования жизни в России исчерпан, не стоит, проникновение страхования жизни в депозитную базу банков у нас чуть выше 3 %. Для сравнения: за рубежом аналогичный показатель гораздо выше, даже с оговоркой, что сбережения граждан там гораздо более дифференцированы, а не аккумулированы только в банковских вкладах. В Австрии это 29 %, в Германии – 41 %, в Словении – 15 %, в Чехии – 9 % [3, 32].

Можно предположить, что текущий спад на рынке страхования носит временный характер, предпосылки возвращения на траекторию роста есть уже сейчас. Личные виды страхования могут поддержать рост страхового рынка в будущем и снизить его зависимость от кредитного страхования. Этому будет способствовать дальнейшее продвижение «специализированных программ ДМС и телемедицины, а также рост интереса страховщиков к развитию накопительного страхования жизни (НСЖ), доходность которого менее волатильна по сравнению с ИСЖ» [4].

Востребованность накопительных страховых продуктов уже сейчас показывает рост. Это классическое накопительное страхование жизни, которое приросло по итогам полугодия на 55 %. Отмечается, что аудитория по НСЖ молодеет. Это происходит не случайно: в условиях снижающихся располагаемых доходов россиян многим больше подходят финансовые решения, где возможны не единоразовые, а регулярные взносы. Необходимо отметить, что из 206 тыс. договоров НСЖ, заключенных в России за первые 6 месяцев 2019 года, лишь 4,3 % – с единовременными взносами. Страховщики хорошо чувствуют эту тенденцию и видят в ней перспективы [2, 26].

Даже классическое ИСЖ может вернуть утраченные позиции по спросу уже в 2020 году. Как уже было сказано, главным «виновником» спада, скорее всего, стала низкая доходность на фондовых рынках в 2018 году, что не только в России, а во всем мире традиционно снижает инвестиционную заинтересованность у людей. Фондовый рынок 2019 года, напротив, демонстрировал отличные результаты, это видно даже по российскому портфелю: 14 из 15 предлагаемых компанией инвестиционных стратегий показывают рост, средняя доходность по ИСЖ у нас находится на уровне 12 % годовых, а по некоторым зафиксирована доходность даже на уровне 26 % годовых. Есть все основания полагать, что доходный 2019 год повлечет за собой рост спроса на ИСЖ в 2020 году [3, 24].

Подводя итоги, необходимо отметить, что страховой рынок на сегодняшний день является мощным инструментом, способствующим консолидации инвестиционных ресурсов, которые обеспечивают потенциал общественного развития [1]. Прозрачность и устойчивость страхового рынка являются гарантом непрерывного развития экономики, как государства, так и общества в целом. При этом можно утверждать, что потенциал развития российского рынка страхования довольно высок, однако «в краткосрочной перспективе его рост ограничен ввиду неблагоприятной макроэкономической конъюнктуры и рисков в отдельных секторах экономики» [5, 41].

Так, по итогам первого полугодия 2019 года наиболее эффективными мерами по развитию рынка страхования можно считать оптимизацию тарифов, разработку новых страховых продуктов, повышение уровня удержания клиентов и работу с продающими партнерами, а основными драйверами роста рынка страхования в краткосрочной перспективе являются:

- выход на рынок новых продуктов (включая расширение линейки коробочных продуктов, принятие закона об обязательном страховании жилья);
- персонализация страховых продуктов и повышение качества клиентского сервиса;
- развитие ипотечного кредитования;
- развитие медицинского страхования;
- повышение онлайн-доступности страховых продуктов;
- повышение финансовой грамотности потребителей.

Литература

1. Аналитическое Кредитное Рейтинговое Агентство оценило потенциал развития российского рынка страхования [Электронный ресурс]. URL: <https://investinfra.ru/novosti/> <https://investinfra.ru/novosti/bank-rossii-razrabotal-konceptziyu-sistemy-garantirovaniya-na-ryнке-straxovaniya-zhizni.html.html>

2. Информационно-аналитический материал Банка России «Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков по итогам II квартал 2019 года» [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/79916/review_insure_19Q2.pdf
3. Обзор российского рынка страхования за 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2019/07/ru-ru-insurance-survey-2019.pdf>
4. Шарифьянова З.Ф. Проблемы и перспективы развития страхования жизни // Научное обозрение: журнал. Серия 1. Экономика и право. № 3. М.: 2015. С. 165–170.
5. Шарифьянова З.Ф. Страхование: учеб. пособие. М.: Прометей, 2018. 160 с.

Совершенствование политики коммерческих банков по кредитованию физических лиц

Improvement of Policies of Commercial Banks on Loaning of Individuals

DOI: 10.34773/EU.2020.1.24

М. АЛКАДАРСКАЯ, Д. МАХАЧЕВ

Алкадарская Мадина Шамсудиновна, студент экономического факультета Дагестанского государственного университета (ДГУ). E-mail: alkadarskaya952@gmail.com

Махачев Джамбулат Магомедпазилович, канд. экон. наук, доцент кафедры «Аудит и экономический анализ» ДГУ. E-mail: djambikmax@mail.ru

Данная статья раскрывает теоретические аспекты процесса кредитования физических лиц. Выделены элементы управления процессом кредитования. Приводится анализ кредитования физических лиц коммерческими банками Российской Федерации за последние годы. В данной статье отражены проблемы и основные пути развития кредитования физических лиц отечественными банками страны.

Ключевые слова: кредитование физических лиц, коммерческие банки, механизмы кредитования, кредит, управление кредитным портфелем.

This article reveals the theoretical aspects of the process of lending to individuals. Elements of management of the lending process are highlighted. The analysis of lending to individuals by commercial banks of the Russian Federation in recent years is provided. This article reflects the problems and main ways of developing lending to individuals by domestic banks of the country.

Key words: lending to individuals, commercial banks, lending mechanisms, credit, loan portfolio management.

Современные процессы кредитования населения способствуют социально-экономическому развитию экономики страны, что говорит о важности данного вопроса для дальнейшего его исследования. Кредитование физических лиц позволяет сглаживать социальную обстановку и повышает потребительский спрос на различные виды продукции, что также стимулирует народное хозяйство к его дальнейшему развитию.

В настоящее время кредитование населения является важным инструментом, который позволяет развиваться социально-экономическим процессам внутри государства. Совершенствование процессов кредитования позволяет данному сектору улучшать социальную обстановку, удовлетворять спрос физических лиц в кредитах и стимулирует рост частного сектора экономики.

Коммерческий банк в своей кредитной политике уделяет большое внимание кредитованию физических лиц, с помощью которых увеличивает свой доход и позволяет оставаться ликвидным в банковском секторе.

Кредитование физических лиц – это один из видов кредитных отношений между банками и населением для удовлетворения потребительских нужд со стороны заемщиков.

Кредитные продукты также могут нести социально-экономическое значение, которое выражается в следующих целях:

- любой банк хочет получить максимум прибыли, в том числе с помощью кредитных продуктов;
- кредитные продукты позволяют повысить качество ликвидных активов;
- кредитные продукты отвечают на спрос потребительских кредитов со стороны населения [5, 80].

На сегодняшний день на банковском рынке существуют следующие основные виды кредитов для физических лиц: потребительский (товарный) кредит; ипотечный кредит; кредитная карта; перекредитование (реструктуризация); микрозайм.

Размещая средства в кредиты, банкам следует проявлять большую осторожность. Расходуя имеющиеся ресурсы, темпы роста которых ниже темпов увеличения ссудной задолженности, банк может оказаться в кризисной ситуации [4].

Управление кредитными рисками различных типов кредитов (долгосрочными, краткосрочными, обеспеченными и не обеспеченными) требует от банка постоянного контроля за структурой его кредитного портфеля и качественным составом основных ссуд.

Каждый банк старается обезопасить себя от недобросовестных клиентов, поэтому вопрос оценки кредитоспособности заемщика становится сегодня важной проблемой в кредитных учреждениях.

У каждого банковского учреждения свои методики оценки платежеспособности заемщиков. Несмотря на то, что методики разнятся, все они имеют общую концепцию.

В зависимости от различных аспектов анализа кредитоспособности заемщика, кредитный отдел банка должен систематизировать все собранные данные, связанные с клиентом. Наиболее надежным и оптимальным для банка является использование комплексных методов оценки кредитоспособности заемщика по нескольким параметрам для того, чтобы сделать наиболее объективный вывод о возможности выдачи займа.

В свою очередь банк старается получить максимальную прибыль и минимальные риски при выдаче кредита, так как любой, даже на первый взгляд незначительный финансовый риск может разрушить внутреннюю финансовую систему банка. Итогом оценки и анализа кредитоспособности заемщика является отказ о выдаче либо выдача кредита.

Таким образом, можно сказать, что анализ кредитоспособности клиента банка является одним из важных механизмов, которые использует кредитное учреждение для сокращения собственного кредитного риска [7, 68].

Регулятора начинает беспокоить быстрый рост кредитования банками физлиц, особенно высокий рост необеспеченного потребительского кредитования. В связи с этим ЦБ принял решение о повышении коэффициентов риска по выданным после 1 сентября необеспеченным потребительским ссудам в зависимости от процентной ставки по кредиту.

Современная тенденция коммерческих банков выражается в том, что борьба за клиентов стала ориентироваться не на выдачу самих кредитов, а на их рефинансирование.

Игра на снижение ставок в 2017 году была основным трендом в борьбе за клиента, что привело к банковскому рефинансированию кредитной политики. Данные операции банков привели к тому, что ипотечные кредиты достигли максимальной конкуренции в борьбе за клиентов. По факту на реверсирование около 20 % соотносится лишь с ипотечным кредитованием. Только вот другие виды кредитов ощутили дискриминацию в плане рефинансирования кредитов, таких как автокредит или нецелевой кредит [9].

В таблице 1 отражены доли различных видов кредитов в розничном кредитном портфеле российских банков (млрд руб.).

Пока же банки отмечают уверенный рост спроса на подобные программы. Так, ВТБ по итогам I квартала 2018 г. рефинансировал около 5700 ипотечных кредитов на общую сумму 11 млрд руб. Средний размер рефинансируемого кредита составляет около 2 млн руб. По словам представителя ВТБ, за год количество клиентов, желающих снизить ставку по кредиту другого банка, увеличилось в 6 раз.

Таблица 1

Доли различных видов кредитов в розничном кредитном портфеле российских банков млрд руб. [9]

Виды кредитов	Количество выданных кредитов
Ипотека	5788
Нецелевые кредиты	4573
Кредитные карты	1311
Автокредиты	776
POS-кредиты	248

Рэнкинг банков по кредитному портфелю представлен в таблице 2.

Таблица 2

Показатели банков по кредитному портфелю в 2019 году [9]

№	Наименование	Кредитный портфель (тыс. руб)	Динамика (%)
1	СБЕРБАНК РОССИИ	19 162 663 535	-0,22
2	ВТБ	9 572 153 251	0,36
3	ГАЗПРОМБАНК	4 007 765 978	-3,31
4	РОССЕЛЬХОЗБАНК	2 214 685 705	4,42
5	АЛЬФА-БАНК	2 085 061 707	1,92
6	МОСКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ БАНК	1 704 431 665	1,26
7	НАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛИРИНГОВЫЙ ЦЕНТР	1 207 533 883	6,72
8	ТРАСТ	905 493 226	40,92
9	ФК ОТКРЫТИЕ	894 990 542	4,6
10	ЮНИКРЕДИТ БАНК	818 003 001	0,43

Данные таблицы 2 показывают, что общая динамика кредитного портфеля имеет положительную тенденцию. Максимальный рост в 2019 году показал КБ Траст (40, 92 %). Аутсайдер 2019 года – Газпромбанк (–3,31 %) [8].

Анализируя данные, можно отметить, что в каждом из рассматриваемых банков не менее двух ставок на кредитные продукты изменили размер в невыгодную для клиентов сторону. Это в свою очередь влияет на рост просроченности по кредитам со стороны клиентов.

Нельзя сказать, что в России сегодня созданы все необходимые правовые основы для реализации кредитной политики банков на основах ее общей эффективности и привлекательности для самых разных клиентов. Много задач по совершенствованию нормативно-правовой базы в части регулирования кредитных отношений (в частности, ужесточение условий к страхованию кредитов, к обеспечению кредитов) еще предстоит совершить в будущем.

С падением уровня жизни падает и спрос на банковские кредитные услуги, поскольку физические лица не могут отвечать по своим обязательствам перед банками. Банки стараются удерживать клиентов с помощью изменений условий по кредитным сделкам [6, 9].

Однако в области кредитования коммерческими банками физических лиц возникает ряд проблем. К их числу можно отнести следующие:

1. Используемые зарплатные схемы предприятий.
2. Отсутствует простой механизм возврата денег инвестору в случае несостоятельности заемщика.
3. Проблемы классификации.
4. Проблема залога.
5. Проблема оценки реальных возможностей поручителей.

Таким образом, отмечается общее повышение ставок по потребительскому кредитованию населения ведущими банками. Это связано с общей кризисной ситуацией в банковском секторе страны.

Для развития кредитования физических лиц можно предложить следующие меры:

1. Получить преимущество одного банка над другим можно с помощью новых кредитных продуктов и услуг банков, которые сыграют на руку как самим банкам в плане модернизации кредитных продуктов, так и кредитополучателям;
2. Разработать эффективную программу по работе с рискованными кредитами для минимизации ущерба коммерческих банков;
3. Государство должно наладить механизм разрешения вопросов с обеспечением полной информации для клиентов, получающих весь спектр потребительских кредитов и условий, связанных с ними;
4. Коммерческим банкам необходимо начать ориентироваться не на краткосрочные кредиты, а на долгосрочные кредиты для уверенной стратегии банка в ближайшие годы.

Коммерческие банки должны адаптироваться под сложившиеся кризисные явления в банковском секторе. Банки стараются не работать с рискованными кредитами, но так не может долго продолжаться, ибо нарушается функция самих банков как финансовых посредников между кредитодателем и кредитополучателем. Следовательно, принимая во внимание подобные моменты, необходимо разрабатывать эффективный процесс кредитования физических лиц с учетом возможных потерь денежных средств [10, 281].

В итоге хочется отметить, что, несмотря на сложившиеся новые тенденции в банковском секторе кредитных услуг перспективы для дальнейшего роста в этом направлении у коммерческих банков есть. Необходимо определенное время, чтобы процесс кредитования между банками и заемщиками снова стал выгодным для обеих сторон. Кредитный продукт должен стать доступным для большей части населения, что позволит дать определенный рост в социально-экономическом направлении общественных отношений.

Литература

1. Гражданский Кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015 г.) // Справочно-правовая система «Консультант-плюс»
2. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон № 395-1 от 02.12.1990 г. // Справочно-правовая система «Консультант-плюс».
3. О Центральном банке Российской Федерации (банке России) [Электронный ресурс]: Федеральный закон № 86-ФЗ от 10.07.2002 г. // Справочно-правовая система «Консультант-плюс».
4. Зубакина Ю.К. Тенденции развития потребительского кредитования в России // Студенческий: электронный научный журнал 2019. № 19 [Электронный ресурс]. URL: <https://sibac.info/journal/student/63/141852>
5. Латыпова Э.Х. Кредиты: сущность, функции, принципы // Современные исследования. 2018. № 5. С. 80–82.
6. Лянова Л.М. Проблемы развития банковского кредитования населения в России // Вопросы экономики и управления. 2018. № 3. С. 7–10.
7. Малахова Е.Ю., Кузьмина М.Г. Особенности оценки заемщика при кредитовании физических лиц коммерческого банка // Вестник научных конференций. 2018. № 9-3. С. 68–69.
8. О развитии банковского сектора Российской Федерации в I квартале 2019 года: информационно-аналитический материал // Официальный сайт Центрального Банка РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/19442/razv_bs_19_i.pdf
9. Статистические данные Центрального банка РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/>
10. Шакина М.Н. Кредитование физических лиц: современные тенденции, проблемы и перспективы развития // Научный альманах. 2018. С. 278–281.

Социальное самочувствие населения Башкортостана после крымских событий

Social Well-being of the Population of Bashkortostan after the Crimean Events

DOI: 10.34773/EU.2020.1.25

**Ф. САФИН, М. ИШЕМГУЛОВ,
Д. КАМАЛЕТДИНОВ, Ф. САФИН**

Сафин Фаиль Габдуллович, д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева (ИЭИ) Уфимского федерального исследовательского центра РАН (УФИЦ РАН). E-mail: failsafin@mail.ru

Ишемгулов Мурат Нилович, аспирант отдела этнополитологии ИЭИ УФИЦ РАН. E-mail: murat-ishemgulov@mail.ru

Камалетдинов Дальмир Азгарович, аспирант отдела этнополитологии ИЭИ УФИЦ РАН. E-mail: kdalmir@yandex.ru

Сафин Флорид Фаилевич, соискатель кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: florid_safin@mail.ru

В статье на основе данных этносоциологических исследований, проведенных в Республике Башкортостан, предпринята попытка раскрыть социальное самочувствие населения после крымских событий. Несмотря на кризисные явления в стране, связанные с последствиями санкций, введенных против России, общее социально-экономическое состояние населения выглядит не слишком «мрачно». Как выяснилось в ходе нескольких опросов, проведенных в эти годы, население больше «жаловалось» на низкий уровень заработной платы и на плохое медицинское обслуживание. Несмотря на имеющиеся трудности, социальное самочувствие населения остается позитивным и общий настрой направлен на дальнейшее повышение жизненного уровня.

Ключевые слова: социальное самочувствие, жизненный уровень, этнические группы, рыночная экономика, социальная дифференциация.

The article, based on data from ethnosociological studies conducted in the Republic of Bashkortostan, attempts to reveal the social well-being of the population after the Crimean events. Despite the crisis phenomena in the country associated with the consequences of sanctions imposed against Russia, the general socio-economic state of the population does not look too «gloomy». As it turned out in several surveys conducted in these years, the population more «complained» about the low level of wages and poor medical care. Despite the existing difficulties, the social well-being of the population remains positive and the general mood is aimed at further improving living standards.

Key words: social well-being, living standards, ethnic groups, market economy, social differentiation.

Проблемы социального самочувствия и социальной адаптации этнических групп в условиях перехода на рыночные отношения в постсоветский трансформационный период приобрели особую актуальность. В многонациональных республиках Российской Федерации, как указывалось в ряде работ [2; 3; 5; 7; 8], данная проблема в большей степени характерна для представителей титульной и русской национальностей. Опираясь на данные социологических опросов начала 2000-х гг., ряд исследователей отмечали, что проводимые в России реформы нанесли ущерб, прежде всего, русским и в итоге противоречия между русскими и нерусскими занимали второе место по остроте после отношений между богатыми и бедными [7, 22].

* Работа выполнена в рамках государственного задания НИР ИЭИ УФИЦ РАН.

По мнению других авторов, например, в Башкортостане, из всех этнических групп еще в советский период в наилучшем положении были русские, в худшем – башкиры [3, 87], так как при переходе к рыночным отношениям последние находились в наименее благоприятных позициях [2, 303, 311, 319].

В целом за 1990-е годы большинство русских, как в республиках, так и в других регионах, оценило предыдущее десятилетие как провальный период. Трое из четырех опрошенных констатировали, что в период реформ их экономическое положение изменилось в худшую сторону, причем каждый второй отмечал серьезное ухудшение [7, 26–27].

В данной статье на основе данных ряда этносоциологических исследований, проведенных в республике в последние годы (2014–2018 гг.), нами предпринята попытка изучения социального самочувствия населения Башкортостана в разрезе этнических групп в период после событий в Крыму. Для нас было важным, как сами респонденты разных национальностей методом самооценок конструировали свою стратификационную позицию. Исходя из цели, а также объема предлагаемой статьи нами ставилась задача проанализировать самочувствие этнических групп на основе оценки ими своего материального и финансово-экономического положения.

Актуальность данной проблеме придают концептуальные положения, отмеченные в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г., о необходимости преодоления бедности и повышения уровня жизни россиян [15; 16].

Еще в начале 1990-х гг. население республики переход к системе рыночных отношений связывало с определенной надеждой на улучшение своего жизненного уровня. Как выяснилось в ходе исследовательского проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз», более четверти респондентов из числа башкир (28,4 %), татар (28,5 %) и 23,9 % русских были уверены, что рыночная экономика даст возможность улучшения их жизненного уровня [10]. Проведенное спустя 20 лет этносоциологическое исследование в 2014 г. показало, что уже более одной трети (35,6 %) респондентов русской, столько же башкирской (37,4 %) и каждый второй из пяти татарской (43,9 %) национальности с уверенностью предположили наличие перспектив улучшения своего жизненного уровня [11]. Вместе с тем, если в 1993 г. около четверти опрошенных (25,5 %) русских, столько же татар (25,8 %) и каждый пятый башкир (22,4 %) допускали вероятность ухудшения своего жизненного уровня [10], то в 2014 г. доля пессимистично настроенных граждан существенно снизилась, составляя у русских 13,6, башкир – 16,8 и татар – 12,6 % [1, 115]. Как показали результаты опроса 2014 г., существенное улучшение экономического и финансового положения своих семей отметили немногим менее четверти опрошенных татар (23,8 %), каждый пятый башкир и столько же респондентов иных национальностей (20,6 %) (см. табл. 1).

Таким образом, уровень оценки финансового, экономического и материального положения населения республики, независимо от этнической принадлежности, в период трансформации нового российского общества имел тенденцию постепенного улучшения (табл. 1).

Таблица 1

Как изменилось экономическое и финансовое положение Вашей семьи за 10–15 лет? [11; 13]

Варианты ответа	башкиры		татары		русские		другие	
	2014	2018	2014	2018	2014	2018	2014	2018
Существенно улучшилось	20,6	31,0	23,8	27,6	17,1	21,8	20,6	13,9
Немного улучшилось	36,6	29,3	31,3	33,7	31,0	36,3	41,3	33,3
Осталось без изменений	21,3	18,3	22,0	19,4	25,2	17,3	22,2	20,8
Немного ухудшилось	5,5	7,9	8,8	9,2	11,6	14,0	0	12,5
Существенно ухудшилось	9,0	5,6	6,2	2,6	4,3	5,0	3,2	8,3
Затрудняюсь ответить	5,8	7,9	7,9	7,5	10,9	5,6	12,7	11,2

Вместе с тем, анализ самооценок уровня жизни населением республики подтверждает, что в республике существует значительная социально-экономическая дифференциация не только у представителей разных национальностей, но и внутри каждой этнической группы.

Данные опроса 2018 г., казалось бы, на продолжающийся кризис после событий в Крыму, показали, что все же, несмотря на ряд трудностей, о существенном улучшении экономического и финансового положения своих семей отметили респонденты башкирской (рост на 10,4 %), в меньшей степени русской (на 4,7 %) и татарской (на 2,8 %) национальностей. Однако, как выяснилось в ходе опроса, почти у всех респондентов, независимо от национальности, наблюдалось некоторое ухудшение финансового и экономического положения. Это особенно ярко проявилось среди респондентов иных национальностей (см. табл. 1).

Вместе с тем, большинству опрошенных свойственен оптимистический настрой, поскольку они надеются в будущем на улучшение своих жизненных позиций. Наиболее позитивно были настроены респонденты татарской национальности, 18,6 % из них выразили свою уверенность в улучшении своего жизненного уровня, а 23,3 % отметили вероятность такого улучшения, тогда как у респондентов башкирской и русской, особенно других национальностей, данный показатель был заметно ниже, что свидетельствовало о некотором «сомнении» в улучшении жизненного уровня их семей (см. табл. 2).

В отличие от татар и башкир, русские в большей степени ставили под сомнение тот факт, что рыночная экономика за последние годы как-то улучшила их жизненный уровень (14,3 %). Одновременно с этим представители русской национальности (28,3 %) больше всех были уверены, что их жизненный уровень за эти годы не изменится, и, более того, они пессимистически прогнозировали (13,6 %) свое экономическое будущее, отметив, что ситуация только ухудшится (табл. 2). Такие негативные установки, хотя и проявляющиеся в незначительной степени, также были отмечены респондентами башкирской (16,8 %) и татарской (14,6 %) национальностей.

Таблица 2

Как Вы думаете, что лично Вам принесла рыночная экономика за эти годы? [11]

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Уверен в улучшении своего жизненного уровня	16,8	18,6	14,3	9,6
Вероятнее, что мой жизненный уровень возрастет	20,6	23,2	21,3	17,5
Скорее всего, мой жизненный уровень не изменится	24,6	20,3	28,3	31,7
Вероятнее, что мой жизненный уровень снизится	9,7	6,2	10,1	6,3
Уверен в падении моего жизненного уровня	7,1	8,4	3,5	3,2
Затрудняюсь ответить	21,2	23,3	22,5	31,7

Иными словами, данные опроса показывают, что определенная часть респондентов, независимо от этнической принадлежности, подчеркивала свою неуверенность в том, что рыночная экономика за эти годы улучшит их материальное положение.

Что касается русских, то столь критическая оценка русскими своего уровня жизни была отмечена не только в 1990-х гг., но и в начале 2000-х гг. По данным ряда исследований [7; 8; 9], русские наиболее пессимистично оценили свое финансовое и экономическое положение. Самая высокая доля респондентов, отнесших себя к самой низшей шкале (то есть самому бедному социальному слою), были русские. Более одной трети респондентов русской национальности отнесли себя к самой низкой ступени бедности [9, 314–315], что в два раза превышало аналогичный показатель из числа башкир (17,9 %) и татар (18,6 %). Но на второй позиции бедности с большим отрывом от

русских, особенно в городах, оказались башкиры и татары, что в свою очередь в определенной степени уравнивало социальный статус «бедности» у всех этнических групп [9, 314].

Таким образом, не столь радужная самооценка этническими группами своего жизненного уровня объясняется, прежде всего, тем, что в постсоветский период произошло закрытие многих промышленных предприятий и банкротство колхозов и совхозов в республике, что, в свою очередь, породило массу безработных и дополнительно снизило жизненный уровень населения, независимо от национальности [1, 118].

Аналогичные тенденции были присущи и другим республикам, в том числе и соседнему Татарстану, где русское население произошедшие перемены в худшую сторону отмечало почти в 4 раза чаще (16,8 %), чем татарское (4,6 %). Русские в Татарстане изменения в худшую сторону выделяли не только в экономическом (21,8 %), но и в политическом положении (11,6 %), а также в плане социального самочувствия людей (13,0 %). При этом доля русских, ощутивших негативные последствия от политики суверенизации в Республике Татарстан, почти в 2 раза превышала аналогичное мнение респондентов татарской национальности (6,7 %) [4, 121–123].

Опрос показал, что наибольшую долю из числа тех, кто включил себя в группу людей с высоким достатком, составили респонденты башкирской (5,6 %) и татарской (5,1 %) национальностей. Башкиры (68,3 %) и татары (66,8 %) также возглавили так называемый «средний класс». Доля малообеспеченных пропорционально увеличивалась за счет низкого удельного веса среднего класса и людей с высоким достатком, то есть она была выше у русских и у респондентов иных национальностей, среди которых данный показатель был выше одной трети, тогда как у башкир и татар равнялся лишь четверти опрошенных.

Нетрудно понять самооценку опрошенных, когда от четверти и до двух пятых респондентов причисляют себя к малообеспеченной части населения. Несмотря на довольно высокий уровень развития промышленности и сельского хозяйства в Башкортостане, высоким остается уровень безработицы в республике. По данному показателю в Приволжском федеральном округе Башкортостан в 2017 г. замыкал одну из последних строчек, занимая 44 место в стране, тогда как Татарстан – 7 [6, 35]. По уровню занятости республика также занимала 53, по среднемесячной номинальной заработной плате работников организаций – 42 место [6, 35].

В целом за прошедшие после крымских событий годы уровень социального самочувствия, как показали данные опроса, выглядит весьма оптимистичным. Немногим менее половины башкир и татар (44,4 %) и чуть более одной трети русских и респондентов иных национальностей (36,1 %) подтвердили, что они с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее. Респонденты русской национальности свое будущее не изображали в «розовом цвете», выражая свою позицию более сдержанно и спокойно, без особых надежд и иллюзий (37,4 %), но с определенной долей тревоги и неуверенностью (14,5 %) (см. табл. 3).

Таблица 3

С каким настроением Вы смотрите в будущее? [12]

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
С надеждой и оптимизмом	44,4	44,4	36,9	36,1
Спокойно, без особых надежд и иллюзий	34,1	35,7	37,4	31,9
С тревогой и неуверенностью	10,3	12,8	14,5	16,7
Со страхом и отчаянием	8,7	0,5	3,9	6,9
Затрудняюсь ответить	2,4	6,5	7,3	8,3

В целом, как следует из результатов анализа, доля тех, кто считает, что «жить трудно, но терпеть можно», говорит об относительно высоком запасе терпения опрошенных, независимо от этнической принадлежности. Но в данном случае самый высокий уровень терпения продемонстрировали респонденты русской национальности (48,6 %). При этом русские, если сравнивать с представителями других этнических групп, больше всех жаловались, что «терпеть их бедственное

положение невозможно» (11,7 %), что в два раза выше по сравнению с группой респондентов татарской национальности. Наиболее оптимистически настроенными в данной ситуации выступают татары, среди которых двое из пяти опрошенных отмечали, что «все не так плохо, скоро будет лучше». Среди татар также меньше всех оказалось пессимистически настроенных (5,6 %), несмотря на сложившуюся социально-экономическую обстановку в стране в целом.

Таблица 4

**Какие из высказываний в наибольшей мере соответствует
Вашему отношению к современной жизни? [12]**

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Все не так плохо, скоро будет лучше	39,7	41,8	27,4	36,1
Жить трудно, но терпеть можно	40,5	42,3	48,6	44,4
Терпеть наше бедственное положение невозможно	8,7	5,6	11,7	6,9
Затрудняюсь ответить	11,1	10,2	12,3	12,5

Вместе с тем, татары (11,2 %), как и русские (7,3 %), меньше всех проявили радость, воодушевление и желание включиться в новые процессы, связанные с происходящими в Башкортостане переменами. Больше всех эти перемены вдохновили представителей титульной (15,1 %) и иных национальностей (13,9 %). Зачастую респонденты демонстрируют «выжидательный интерес», что отмечали четверть опрошенных башкир (25,4 %) и одна треть респондентов иных национальностей (34,7 %). Вместе с тем, представители трех крупных этнических групп (башкиры – 15,1 %, татары – 15,3 %, русские – 18,4 %) выразили крайнюю настороженность, беспокойство и тревогу, тогда как у представителей иных национальностей данный показатель оказался намного ниже, они же в большей степени проявили безразличие (8,3 %) и меньше всех (2,8 %), наряду с татарами (2,6 %), выразили агрессивность.

Таблица 5

**Какие чувства Вы испытываете в связи с происходящими
в Башкортостане переменами? [12]**

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Радость, воодушевление, желание включиться в новые процессы	15,1	11,2	7,3	13,9
Выжидательный интерес	25,4	28,6	22,9	34,7
Настороженность, беспокойство, тревога	15,1	15,3	18,4	8,3
Страх, беспомощность	5,6	2,0	5,0	0,0
Раздражение, агрессия	3,2	2,6	3,4	2,8
Безразличие	7,9	5,6	6,1	8,3
Не заметили перемен	12,7	17,3	23,5	18,1
Затрудняюсь ответить	14,3	15,8	11,7	13,9

К происходящим в республике переменам татары отнеслись «по-философски»: чаще всего они отмечали, что «не заметили перемен» – 17,3 %, меньше всех выразили свое «безразличие» – 5,6 %, у них меньше, чем у всех, проявилось «раздражение и агрессия» – 2,6 %, у них был самый высокий показатель «выжидательного интереса» – 28,6 %, и они больше всех «затруднились ответить» – 15,8 %.

Чувство уверенности в завтрашнем дне, как выяснилось в ходе опроса, дает имеющийся в наличии определенный задел в виде собственности и капитала, а также способность заработать и наличие определенной профессии у опрошенных. Об этом заявили немногим менее одной трети башкир (31,7 %), татар (29,1 %), лишь каждый пятый респондент русской (22,9 %) и более четверти иных национальностей (27,8 %).

Таблица 6

Есть ли у Вас чувство уверенности в завтрашнем дне? [12]

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Есть	25,4	26,5	17,3	23,6
Скорее есть, чем нет	50,8	48,5	39,1	44,4
Скорее нет	14,3	11,7	21,2	16,7
Нет	3,2	4,6	8,4	6,9
Затрудняюсь ответить	5,6	7,1	12,3	8,3
Нет ответа	0,8	1,5	1,7	0,0

Для более четверти башкир, татар и русских, а также для одной трети иных национальностей чувство уверенности в завтрашнем дне дает поддержка семьи, родственников и друзей, каждому десятому респонденту, независимо от этнической принадлежности – надежда на поддержку государства. Иными словами, в душе народных масс патерналистское отношение все еще остается одной из важных составляющих, «унаследованных» от системы советского воспитания.

Таблица 7

Удовлетворены ли Вы своим материальным положением? [12]

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Полностью удовлетворен (а)	19,0	14,8	7,3	4,2
Скорее удовлетворен (а)	39,7	39,8	29,1	25,0
Скорее не удовлетворен (а)	30,2	23,5	41,3	51,4
Полностью не удовлетворен (а)	6,3	13,3	14,0	9,7
Затрудняюсь ответить	4,8	8,6	8,4	9,7

Из всех социальных проблем, как выяснилось в ходе социологического опроса, с которыми ежедневно сталкивалось население, респонденты отмечали плохое качество медицинского обслуживания. Свое негативное отношение к медицинскому обслуживанию выразили 67,6 % опрошенных русских, 56,6 % татар, 54,8 % башкир, а также 45,8 % респондентов иных национальностей.

Свою полную удовлетворенность медицинским обслуживанием выразили всего лишь 2,2 % русских и 7,1 % татар, тогда как среди респондентов башкирской и иных национальностей данный показатель был в 5 раз выше. Иными словами, даже при оценке своей удовлетворенности в такой сфере, как медицинское обслуживание, этнические различия оказались весьма заметными. Если, например, 42,9 % респондентов башкирской национальности отмечали свою удовлетворенность медицинским обслуживанием в республике, то среди русских значение данного показателя составляло лишь 26,8 %.

Таблица 8

Удовлетворены ли Вы своим медицинским обслуживанием? [12]

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Полностью удовлетворен (а)	12,7	7,1	2,2	13,9
Скорее удовлетворен (а)	30,2	29,6	24,6	31,9
Скорее не удовлетворен (а)	29,4	41,3	43,0	34,7
Полностью не удовлетворен (а)	25,4	15,3	24,6	11,1
Затрудняюсь ответить	1,6	5,1	5,0	8,3

Как известно, ситуация с медицинским обслуживанием в целом по республике выглядит весьма остро. Поскольку по обеспеченности врачами на 10 тыс. чел. (42,1 врачей в 2017 г.) Башкортостан находится на последних строчках по Приволжскому федеральному округу и занимает 61 место в целом по стране [6, 369–370]. В республике начиная с 2005 г. вот уже несколько лет подряд одной из высоких в стране остается детская младенческая смертность, показатели которой за эти

годы всегда были выше среднероссийского уровня. В 2017 г. на 1000 родившихся коэффициент младенческой смерти составлял 7,0, тогда как в среднем по стране он равнялся 5,6, а по Приволжскому федеральному округу – 5,3. В соседнем Татарстане данный показатель составлял 5,1, в Пензенской области – 4,1, а в Чувашии – 3,2. По уровню младенческой смерти Республика Башкортостан в 2017 г. из 85 субъектов Российской Федерации занимала 72 место, тогда как Республика Татарстан – 35, Республика Чувашия – 2, Пензенская область – 8 место [6, 69–70]. По числу больничных коек Башкортостан также имел низкие показатели. По данным Росстата, в 2017 г. на 10 тыс. чел. в республике приходилось 78,0 койко-мест, тогда как данный показатель по стране и Приволжскому федеральному округу равнялся 80,5. По числу больничных коек на 10 тыс. чел. Республика Башкортостан в 2017 г. занимала 60 место в Российской Федерации [6, 359–360].

Иными словами, данные опроса выявили высокий уровень недовольства населения уровнем медицинского обслуживания в республике. Поэтому неудивительно, что данной проблеме несколько раз были посвящены специальные заседания местного правительства, и в республике работала комиссия по выявлению соотношения факторов высокой младенческой смертности с уровнем медицинского обслуживания населения.

Состоявшееся 31 октября 2019 г. в г. Светлогорске Калининградской области заседание Президиума Государственного Совета неслучайно было посвящено проблеме улучшения здравоохранения, на котором в качестве основных проблем были отмечены дефицит кадров и материально-техническое оснащение медицинских учреждений. Выступая на заседании, Глава Республики Башкортостан Р.Ф. Хабиров предложил усилить сельскую медицину, так как в регионе довольно большая доля сельского населения (в 2017 г. – 37,9 % [6, 44]), а проживающие на селе жители должны получать быструю, доступную и качественную медицинскую помощь [13]. Более того, значительное количество существующих на селе фельдшерско-акушерских пунктов под видом оптимизации в свое время были закрыты, что фактически привело к заметному ухудшению медицинского обслуживания в сельской местности.

Как показали данные опроса, полную удовлетворенность своим положением в обществе отметили респонденты башкирской (24,6 %) и татарской (23,5 %) национальностей. Данный показатель наиболее низким оказался среди русских (16,2 %) и представителей иных национальностей (16,7 %).

Таблица 9

Удовлетворены ли Вы своим положением в обществе? [12]

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Полностью удовлетворен (а)	24,6	23,5	16,2	16,7
Скорее удовлетворен (а)	39,7	40,8	46,9	27,8
Скорее не удовлетворен (а)	10,3	10,7	16,2	25,0
Полностью не удовлетворен (а)	4,8	1,0	4,5	6,9
Затрудняюсь ответить	19,8	22,4	15,6	23,6

В целом оценку своему положению в обществе «скорее удовлетворен» дали более 2/3 башкир, среди татар и русских наблюдаются аналогичные показатели. Лишь среди представителей иных национальностей удовлетворение своим положением выразили чуть меньше половины опрошенных, что пропорционально показателю результатов неудовлетворенности, доля которой в общей массе достигала почти одной трети респондентов.

Таким образом, несмотря на существующие проблемы социально-экономического характера и неудовлетворенность населения рядом социальных сфер, оценка населением своего социального самочувствия выглядит весьма оптимистичной и стратегия поведения этнических групп в республике в перспективе нацелена на позитивное развитие.

Литература

1. Алексеенко С.С., Абрамова С.Р., Сафин Ф.Г. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа: ООО «Первая типография», 2018. 188 с.
2. Валиахметов Р.М. Основные индикаторы социально-экономического и социально-культурного неравенства этнических групп Башкортостана // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002. С. 300–319.
3. Ирнazarов Р.И. Равенство этносов в Республике Башкортостан. Уфа: Гилем, 1997. 160 с.
4. Макарова Г.И. Этнокультурная политика федерального центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 242 с.
5. Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2012. 403 с.
6. Регионы России. Социально-экономическое развитие. 2018: стат. сб./ Росстат. М., 2018. 1162 с.
7. Русские: этносоциологические исследования / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, Л.В. Остапенко и др.; Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2011. 190 с.
8. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России // Институт этнологии и антропологии РАН / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 1998.
9. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.
10. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз» был проведен в Башкортостане в апреле 1993 г. Опрошено 2410 респондентов, в том числе – 814 русских, 817 башкир и 779 татар. Исследование проводилось в 7 городах Башкортостана (Баймак, Белорецк, Нефтекамск, Салават, Сибай, Туймазы, Уфа) по стратифицированной выборке, состоящей из нескольких ступеней. Авторами проекта являются проф. Дюкского университета г. Дарам Дж. Хафф, проф. Чикагского университета Д. Лейтин, проф. Колумбийского университета С. Лейманн, рук. ЦИМО Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, д.и.н., проф. М.Н. Губогло, Руководители исследования – М.Н. Губогло, Р.Г. Кузеев, Ф.Г. Сафин.
11. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность» проводился в январе 2014 г. Авторы проекта – Ф.Г. Сафин, А.И. Фатхутдинова; руководитель исследования – А.И. Фатхутдинова. Опрошено 1000 чел., в том числе 361 респондент русской, 295 башкирской, 254 татарской и 90 представителей других национальностей в Уфе, Стерлитамаке, Нефтекамске, Октябрьском, Кумертау, Бирске, Белорецке, Давлеканово, Дюртюлях, Учалах, Туймазах, в Альшеевском, Балтачевском, Дюртюлинском, Краснокамском, Куюргазинском, Миякинском, Стерлибашевском, Туймазинском, Уфимском, Учалинском, Хайбуллинском районах.
12. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» проводился в ноябре 2018 г. Опрошено 573 респондента, в том числе: русских – 179 чел., башкир – 126, татар – 196, других национальностей – 72 чел. Авторы проекта – д.и.н., проф. Ф.Г. Сафин, к.и.н. А.И. Халиулина. Руководитель исследования – к.и.н. А.И. Халиулина.
13. На заседании президиума Госсовета Хабиров ратовал за усиление сельской медицины [Электронный ресурс]. URL: https://ufa.mk.ru/social/2019/11/01/na-zasedanii-prezidiuma-gossoveta-khabirov-ratoval-za-usilenie-selskoy-mediciny.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
14. Путин предложил новый способ борьбы с бедностью в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/economics/2019/02/20/putin-predlozhil-novyuy-sposob-borby-s-bednostyu-v-rossii.html>
15. Послание Владимира Путина Федеральному Собранию – 2020. Полная версия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/poslanie-federalnomu-sobraniyu-2020/poslanie-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-2020>

Электоральные кампании осени 2019 года и политические партии: проблемы эффективного участия

Electoral Campaigns of Autumn 2019 and Political Parties: Problems of Effective Participation

DOI: 10.34773/EU.2020.1.26

Ю. ДОРОЖКИН, Н. ЕВДОКИМОВ

Дорожкин Юрий Николаевич, д-р филос. наук, профессор кафедры социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: dorword@mail.ru

Евдокимов Николай Анатольевич, канд. полит. наук, руководитель Научно-исследовательского и информационного центра Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: rodina-kirovo@mail.ru

Статья посвящена проблемам эффективного участия политических партий в электоральных кампаниях. Подчеркивается малозаметный вклад региональных отделений партий в выборы глав регионов и представительных органов субъектов Российской Федерации в 2019 году. Выявляются причины слабой электоральной активности политических партий, а также условия повышения их роли в модернизации политической системы и усиления активности в электоральных процессах.

Ключевые слова: электоральные кампании, политические партии, эффективное политическое участие.

The article is devoted to the problems of effective participation of political parties in electoral campaigns. The subtle contribution of the regional branches of the parties to the elections of the heads of regions and representative bodies of the constituent entities of the Russian Federation in 2019 is emphasized. The reasons for the weak electoral activity of political parties are identified, as well as the conditions for increasing their role in the modernization of the political system and increased activity in electoral processes.

Key words: electoral campaigns, political parties, effective political participation.

8 сентября 2019 года в России прошел единый день голосования, в ходе которого состоялись выборы глав регионов в 16 субъектах Российской Федерации, а также были избраны депутаты 13 региональных legislatures. В данной статье мы сосредоточимся на деятельности и результатах выборов основных политических партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), имея в виду, что именно партии призваны быть главным актором электоральных процессов.

Мы сознательно оставляем в стороне довыборы в Государственную Думу и избирательные процессы в муниципалитетах в силу того, что они не привлекли внимания широкой общественности.

По вполне понятным причинам в фокусе исследовательского и общественного интереса оказались результаты «Единой России». По итогам губернаторской осенней кампании «Единой России» удалось победить во всех 16 регионах, что можно оценить как ее успех. При этом следует иметь в виду, что в пяти регионах кандидаты от партии власти шли как самовыдвиженцы, что свидетельствует об их недостаточной уверенности в высоком рейтинге «Единой России». В пяти регионах кандидат от власти получил по итогам выборов более 80 %. Подобный показатель определяется не столько популярностью «Единой России», сколько высокой электоральной управляемостью, проистекающей от вертикали власти.

Политические, организационные, информационно-пропагандистские работы кандидатов партии в электоральной среде строились на следующих основаниях:

– понимании «Единой России» как партии «путинского большинства». В контексте данного тезиса кандидаты «партии власти» позиционировались как члены «команды Путина», даже если прямо об этом не говорилось;

– концепции «реальных дел». Большинство кандидатов от «Единой России» старались использовать и продвигать имидж успешных управленцев, эффективных политических менеджеров, опираясь при этом на те достижения, которые имелись в регионах;

– слабой аффилированности со своей партией. Большинство кандидатов осознавали снижение популярности «Единой России» и строили информационную кампанию с опорой на собственные (личные), а не партийные успехи. В некоторой степени это было результатом того, что на выборах в марте 2018 года Владимир Путин позиционировался как самовыдвиженец, а не кандидат от «Единой России». Как известно, на региональном уровне политическая элита зачастую проецирует поведение вышестоящих руководителей.

Помимо «Единой России», в губернаторских выборах принимали участие КПрФ и ЛДПР. Предвыборная активность кандидатов от КПрФ в большинстве регионов была связана с критикой пенсионной реформы и апелляцией к необходимости решения социально-экономических задач. Сохраняется высокий уровень апелляции КПрФ к традициям и нормам политической жизни советской эпохи, в том числе сталинского периода. Одновременно КПрФ – это одна из партий, наиболее слабо представленных в интернет-пространстве и социальных сетях. В целом для КПрФ характерно отсутствие единой по стране стратегии и тактики проведения губернаторских избирательных кампаний.

Для ЛДПР также характерно отсутствие общепартийной стратегии действий кандидатов в различных регионах. Партия стремилась использовать высокий уровень социального недовольства среди широких слоев населения. При этом кандидаты либерал-демократов практически везде шли как технические кандидаты, рассчитывавшие на инерцию электоральных процессов предыдущих лет.

Осенью 2019 года в выборах губернаторов, кроме парламентских партий, приняли участие ряд партий, не имеющих своих фракций в Государственной Думе: «Гражданская сила», «Яблоко», «Патриоты России», «Партия пенсионеров», «РЭП Зеленые» и ряд других. Однако они не смогли стать реальными акторами избирательного процесса. Участие в избирательной кампании представителей так называемой «внесистемной оппозиции» практически исключено в связи с тем, что в России на выборах глав регионов действует муниципальный фильтр (кандидатам для регистрации необходимо собрать от 5 до 10 процентов подписей депутатов представительных органов муниципальных образований субъекта).

К выборам в региональные легислатуры традиционно было приковано существенно меньшее внимание, чем к губернаторским. Однако именно здесь региональные отделения партий были в наибольшей степени включены в избирательный процесс и смогли направить усилия на мобилизацию избирателей, исходя из партийной, а не индивидуальной повестки конкретного кандидата.

Избирательные кампании «Единой России» на основании полученных результатов можно условно разделить на три группы:

а) Успешные. Это кампании, по итогам которых «партии власти» удалось сохранить или сформировать в законодательных органах власти абсолютное большинство, то есть установить контроль над региональной легислатурой.

б) Условно успешные. Это избирательные кампании, в ходе которых партия набрала относительное большинство голосов, в ряде случаев этого оказалось достаточно для полного контроля над местным парламентом благодаря победе в одномандатных округах.

в) Неуспешные. Избирательные кампании, в ходе которых «Единая Россия» уступила конкурентам. Реализацию подобных кампаний можно было наблюдать лишь в одном регионе – в Хабаровском крае.

Ухудшение социально-экономической ситуации открыло дополнительные возможности для оппозиционных политических партий. В наибольшей степени эту возможность использовали парламентские партии, в первую очередь ЛДПР. Она стала единственной партией, сумевшей победить на выборах в региональный парламент. Однако следует отметить, что это произошло в Хабаровском крае, где партия пользуется поддержкой губернатора Сергея Фургала, фактически

используя тот же административный ресурс. В организационном плане ЛДПР использовала традиционную тактику – список партии на парламентских выборах во всех субъектах возглавлял Владимир Жириновский. В партии прекрасно отдают себе отчет в том, что лидер – главный информационный ресурс ЛДПР.

Прослеживается тенденция более успешного выступления КПРФ в проблемных с социально-экономической точки зрения регионах. В информационном плане кампании коммунистов были сосредоточены на текущих условиях, стратегия была отработана КПРФ в целом неплохо (за исключением отдельных регионов, где коммунистам не удалось аккумулировать протест).

Остальные партии едва ли могут занести прошедшие выборы себе в актив, хотя ряд партий пытались использовать на региональных выборах фигуры узнаваемых политиков. Так, список «Справедливой России» в нескольких регионах возглавлял Сергей Миронов, а список «Коммунистов России» – Максим Сурайкин. Однако в силу низкой популярности как Миронова, так и Сурайкина это не принесло региональным отделениям данных партий каких-либо электоральных дивидендов.

В отличие от губернаторских выборов, включенность партий в организационную и информационную работу на выборах в легислатуры была полной. При этом по-прежнему следует разделять избирательные кампании при голосовании за единый региональный список и кампании в одномандатных округах. В рамках одномандатных округов сохраняется доминирование «Единой России», что во многом может определяться особенностями электорального управления и административным ресурсом.

Общий анализ работы региональных отделений политических партий позволяет сделать следующие основные выводы:

1. В ходе выборов в региональные легислатуры партии в большей степени ощущают свою субъектность, чем в период губернаторских выборов, когда ход избирательной кампании в большей степени определяется штабами кандидатов, зачастую имеющими номинальное отношение к партиям. В большей степени это касается «Единой России», в несколько меньшей степени – оппозиционных политических партий.

2. Ключевым фактором избирательной кампании осенью 2019 года стало ухудшение социально-экономической ситуации, во многом определившее тактику избирательных кампаний партийных субъектов, а также спровоцировавшее массовый рост недовольства населения. Однако возглавить протест региональным отделениям оппозиционных партий практически нигде не удалось. Наибольшие потери понесла «Единая Россия», несмотря на попытки минимизировать их путем ряда технологических приемов.

3. Региональные отделения оппозиционных политических партий сталкиваются с серьезными проблемами при проведении выборов в одномандатных округах. Это связано с тем, что значительная часть региональных отделений политических партий сегодня не готова работать в рамках пропорциональной избирательной системы. В период избирательной кампании партии, за исключением «Единой России», столкнулись с проблемой эффективной организации собственной работы, что связано с отсутствием четкой структуры и узнаваемых политических фигур в партийных организациях городов и районов. Политические партии не пользуются большой популярностью и в большинстве своем не осуществляют работу на низовом уровне.

В чем причины слабости партий, их неадекватной роли в политической системе России, электоральных процессах, воздействии на политическую социализацию и мобилизацию гражданского общества?

Прежде всего, это незрелость самих партий как института власти, борьбы за власть и ее удержание. Партии слабы численно, организационно, финансово, идейно, они не пользуются широкой электоральной поддержкой, нет укорененности в гражданском обществе. Они не являются локомотивами реформ и государственной политики. Наконец, в электоральном процессе партии, как правило, малоузнаваемы. Отсюда добросовестный избиратель не может осознанно сделать свой выбор у избирательной урны, ибо он не отличает одну партию и ее кандидатов от других партий и их кандидатов. Как правило, он их не видел и о них ничего не слышал. Более того, те,

кто был избран ранее и идет на новый срок, не подотчетен и не подконтролен рядовому избирателю. Кому доверить свой голос, избиратели не знают. И граждане либо не голосуют, либо голосуют за тех, о ком хоть что-то слышали.

У этой ситуации есть свои исторические корни. В начале 90-х годов XX века, вследствие отмены ст. 6 Конституции СССР и ликвидации КПСС, отсутствия какой-либо новой правящей политической силы в России, где президенты Ельцин, Путин, Медведев апеллировали к народу в целом и фактически не связывали свою политическую карьеру с определенной партией, ее авторитетом и идеологией. В результате произошло нивелирование, дискредитация и, по сути, вырождение самого института власти – посредника между гражданским обществом и государством. Тем самым исчезли необходимые и достаточные предпосылки для формирования сильных политических партий.

Однако институт партий не исчез, а его роль, включая электоральные процессы, остается неизменно высокой. Другого механизма проведения демократических выборов просто не существует. Но он все еще не активирован в России в соответствии со своей природой и функциями.

Что должно отличать политическую партию, претендующую на власть, активно борющуюся за нее и стремящуюся оказывать реальное влияние на политическую социализацию электората?

Во-первых, партия должна иметь привлекательную и внятную идеологию (либеральную, социал-демократическую, консервативную или другие), систему идей по развитию общества и ценностей. Во-вторых, партия должна иметь столь же привлекательную и понятную для большинства населения стратегию перемен в стране, регионе, муниципалитете. В-третьих, партия должна быть активна и иметь свое особое мнение и позицию, своевременно и публично выраженную по всем общественно значимым вопросам жизни страны (экология, низкий уровень доходов населения, повышение пенсионного возраста и так далее) [2]. Причем надо не только иметь партийную позицию, но и уметь ее аргументировано отстаивать. В-четвертых, партия должна «выращивать» сильные, современные политические и государственные кадры, включая депутатский корпус, будущих министров, глав администраций муниципальных образований. В-пятых, партия должна «идти в народ», укореняться там и своевременно транслировать интересы, запросы, волю различных групп населения во власть и добиваться их эффективной реализации через государственные и муниципальные органы, делая это последовательно каждый день, невзирая на сопротивление чиновников любого уровня. При этом партия обязана иметь самостоятельную позицию, учитывая ее место и роль в партийной системе (быть представленной в обществе и во власти). Эта позиция не обязательно будет совпадать с подходами и предложениями исполнительной ветви власти. Партия должна говорить своим голосом, а не голосом государственных чинов, даже самого высокого уровня [1].

Другая причина приниженности партий в политической системе России – это отсутствие реальной политической конкуренции в рамках партийной системы, отсутствие условий и возможности сменяемости власти посредством демократических выборов.

В России сейчас 59 партий имеют право участвовать в избирательных кампаниях. Из них практически «входят» в электоральный процесс порядка 10 партий. Политическая конкуренция между ними номинальная во всех последних избирательных циклах, ибо фаворит и победитель известен задолго до дня голосования. Проблема партийной системы России не в недостатке партий, а в отсутствии таких партий, которые, будучи сегодня в оппозиции, завтра в ходе очередных выборов имели бы реальный шанс стать правящими партиями. Сменяемость партий во власти не только поднимет роль партий и усилит их активность, но и оздоровит всю политическую систему.

Однако сменяемость власти будет возможна только при наличии двух-трех равновесных партий, способных на равных соперничать с «Единой Россией» и готовых вести в политику новых политических лидеров, конструктивные альтернативы позитивных перемен, на которые существует общественный запрос. Тогда в России будет не просто институт выборов, а выбор новой повестки дня, лучшей политической элиты, выборы, которые будут что-то менять в обществе, системе власти и государственной политике. В этом гарантии долговременной стабильности,

в том числе ухода протестной активности с улиц на парламентскую трибуну. Для этого нужна соответствующая правовая, политическая и социально-психологическая среда.

Россия нуждается не в имитационной соревновательности политических «карликов» (избиратели не желают голосовать за неизвестные или малоизвестные политические партии), а в нескольких партиях с четко выраженными идейно политическими позициями – либеральными, консервативными, социал-демократическими. В эти партии придут политики и управленцы с опытом политической и государственной деятельности, известные широкому электорату. Политическая конкуренция этих партий будет реальной, она обеспечит прогрессирующий характер развития страны.

Модернизации партийной системы на конкурентной основе, появлению самостоятельных и сильных, сменяющих друг друга во власти политических партий будет способствовать свободная регистрация и их открытая конкуренция в равных условиях, прежде всего, на выборах; развитие избирательного законодательства и его правоприменение в пользу одинаковых условий для всех политических сил; исключение административного ресурса и благоприятствования – финансового, организационного, информационно-пропагандистского – в пользу одной партии; расширение круга выборных должностей различных уровней власти и, в первую очередь, проведение прямых выборов глав муниципальных образований и мэров городов, руководителей регионов без нынешних муниципальных «фильтров».

Еще одна причина периферийного положения партий в российской политической системе – это чрезмерная роль государства в политической системе, избыточная «вертикализация» власти, которая регулирует и контролирует сегодня все политико-властные процессы, включая электоральные, на всех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном. Это касается и процессов политической социализации.

Мы пожинаем плоды не сложившейся демократической политической системы, в которой политические элиты были бы биполярны и, вместе с тем, сбалансированы институтами партийной системы, формальными и неформальными практиками. Взамен мы имеем правящую элиту, незаинтересованную в реальной конкуренции, наличии сильных политических оппонентов, сменяемости власти. Более того, сегодня главным акторами политического процесса являются не партии (включая «Единую Россию»), а независимая от них правящая государственная элита в исполнительной власти, которая, монопольно контролируя масс-медиа и информационно-пропагандистские каналы влияния на сознание россиян, то есть их политическую социализацию, взяла на себя традиционные функции партий – идеологические, кадровые, представительские. Государственная элита подменила собой партию – политическую организацию, которая призвана формировать и корректировать государственную политику партийными механизмами. Тем самым мы наблюдаем уже не сращивание партии с государством, не подмену государства партийной элитой, как это было в советской политической системе, а замещение государством, правящей элитой самой партии как института гражданского общества. Первичным и базовым элементом политической системы стала государственная элита, а не гражданское общество и его закономерное и естественное порождение – политические партии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. За последние десятилетия многое сделано на пути демократического процесса в России. Его незаконченность обусловлена завышенной ролью государства, при слабом участии гражданского общества, в том числе партий, в модернизации политической системы, демократизации электоральных кампаний, политической социализации россиян. Отсюда противоречивость становления демократии в России.

Литература

1. Герейханова А. Не править, а служить // Российская газета. 2019. 25 ноября.
2. Котова Е. Запрос на героя // Российская газета. 2019. 11 сентября.

Применение электронно-цифровых технологий в управлении человеческими ресурсами

Use of Electronic Digital Technologies in Human Resource Management

DOI: 10.34773/EU.2020.1.27

М. РИЗВАНОВА

Ризванова Мария Артуровна, канд. экон. наук, доцент кафедры проектного менеджмента и экономики предпринимательства Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: rizvanovamaria@mail.ru

В данной статье рассмотрены вопросы, связанные с внедрением и использованием электронно-цифровых технологий в системе управления человеческими ресурсами; выявлены современные тенденции в области HRM, играющие важную роль при формировании бизнес-стратегии по управлению персоналом. На основе анализа электронно-цифровых HR-инструментов сформированы принципы и условия использования компаниями веб-технологий при организации управленческих решений.

Ключевые слова: управление персоналом, человеческие ресурсы, электронно-цифровые технологии, интернет-технологии, E-HRM, функции E-HRM, геймификация, рекрутинг.

This article addresses issues related to the implementation and use of electronic-digital technologies in the human resources management system; revealed modern trends in the field of HRM, which play an important role in the formation of a business strategy for personnel management. Based on the analysis of electronic digital HR-tools, the principles and conditions for the use of web technologies by companies in the organization of management decisions are formed.

Key words: personnel management, human resources, electronic-digital technologies, Internet technologies, E-HRM, E-HRM functions, gamification, recruiting.

Система управления человеческими ресурсами является важной составляющей общего менеджмента предприятия, которая позволяет достичь бизнес-цели хозяйствующих субъектов путем идентификации, выборки, обучения и разностороннего развития персонала компании. Ввиду современной глобализации и международного характера преобразования экономических концепций данная управленческая специализация в российской хозяйственной отрасли детерминируется как «HR» (от англ. human resources), а понятию «управление человеческими ресурсами», соответственно, эквивалентно понятие «HRM». Однако, исследуя современную практику управления ведущих производственных и торговых компаний, организаций, предпринимательских институтов, бизнес-ассоциаций, все чаще можно наблюдать, как традиционная система управления человеческими ресурсами интерпретируется аббревиатурой «E-HRM», что характеризует стремительное проникновение элементов электронно-цифровых технологий в структуру администрирования и контроля социально-экономических систем в данной управленческой отрасли.

Причиной прогрессирующей цифровизации HR является стремительная трансформация потребительского поведения [6]. Требования к быстрому реагированию на рыночные запросы, повышенному сервису обслуживания, использованию электронных платежных систем и электронных каналов сбыта растут в геометрической прогрессии, что способствует перемещению активности хозяйствующих субъектов из традиционного формата деятельности в электронный – посредством использования интернет-технологий и ресурсов мобильной коммерции (m-commerce).

E-HRM, исходя из анализа источников зарубежной литературы, представляет собой комплекс электронных, цифровых и виртуальных технологий, тесно связанных между собой, но не взаимозаменяющих друг друга. Иными словами, E-HRM является самостоятельной концепцией цифровизации управления человеческими ресурсами и отличается следующим набором признаков от таких систем, как ERP или HRIS (рис. 1).

Рис. 1. Электронно-цифровая система управления человеческими ресурсами

Таким образом, под исследованием применения электронно-цифровых технологий в управлении человеческими ресурсами автором понимается анализ E-HRM, его функций, видов и способов внедрения в общий менеджмент компаний. Актуальность изучения электронного проникновения в систему управления человеческими ресурсами обуславливается стремительной диджитализацией бизнес-процессов по всему миру, существенно сказывающейся на способности различных предприятий удовлетворять запросы потребительской аудитории. Так, согласно данным ведущей мировой консалтинговой группы «Coleman Services», в 2019 году более 63 % хозяйствующих субъектов в мире частично автоматизировали систему управления персоналом и планируют в будущем развивать HRM посредством веб-каналов (рис. 2).

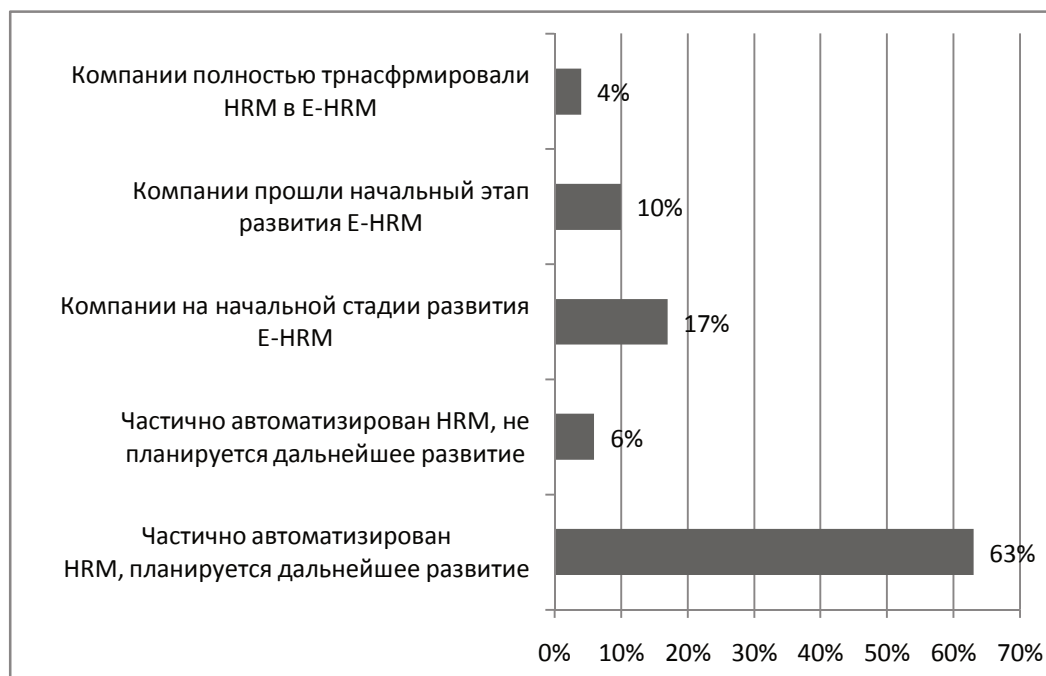

Рис. 2. Уровень развития электронно-цифровых технологий в HRM [3]

Исходя из данных рисунка 2, необходимо отметить, что большинство компаний применяют электронно-цифровые технологии в системе управления человеческими ресурсами частично (выборочно) для определенных направлений, например, в области обучения персонала, при подборе сотрудников или в процессах администрирования. Иными словами, лишь некоторые функции

HRM (наиболее актуальные в определенный момент или для определенной компании) подвергаются цифровизации. В этой связи целесообразно проанализировать и выявить особенности ключевых функций E-HRM (см. табл.).

Функции системы Electronic Human Resource Management [7]

Функция	Характеристика	Доля компаний, использующих функцию*
Подбор персонала (E-Recruitment)	Данная функция подразумевает размещение вакансий на корпоративном веб-сайте или в сети интернет с целью подбора требующихся специалистов; электронное сопровождение запросов по набору персонала; электронное взаимодействие с потенциальными кандидатами в сотрудники компании посредством электронной почты (e-mail) или мобильных систем мгновенного обмена сообщениями (messenger).	21%
Обучение и развитие персонала (E-Learning)	Электронно-цифровое обучение персонала осуществляется посредством электронных устройств и приложений и предоставляет возможности развития персонала, повышения их рабочей квалификации через специализированные интернет-технологии. Большинство компаний рассматривают онлайн-обучение, в первую очередь, как наиболее эффективный и быстрый способ распространения актуальной информации внутри организации. Данная функция открывает доступ к знаниям «в любое время» и «где угодно», сокращая соответствующие прямые и косвенные затраты предприятия.	32%
Управление кадрами (E-Personnel)	E-Personnel обеспечивает электронное документирование и организацию работы с кадровыми документами в режиме online и offline (посредством специализированных компьютерных и мобильных приложений, а также с помощью веб-программ, функционирующих на базе облачных технологий).	77%
Внутренние коммуникации (E-Employee)	Данная функция предполагает наличие у сотрудника компании электронного профиля, который обеспечивает быструю связь в режиме online между работниками одной фирмы посредством компьютерных (деSKTOPных) или мобильных приложений. E-Employee предоставляет руководителям бизнес-проектов быстрое и комплексное управление персоналом в целях решения определенных внутрифирменных задач.	23%
Оценка эффективности персонала (E-Performance)	E-Performance – это функция, обеспечивающая предоставление менеджерам информации о том, как проводить оценку эффективности персонала (какие использовать оценочные критерии и факторы результативности). Функция осуществляется посредством электронно-цифровых приложений, разработанных компанией либо приглашенными специалистами.	55%

* Согласно исследованиям Coleman Services в 2019 году [3].

Приведенные в таблице функции в рамках исследования проникновения электронно-цифровых технологий в систему управления человеческими ресурсами обеспечивают осуществление базовых управленческих операций в электронном формате и, в частности, с помощью таких инновационных инструментов, как:

– геймификация – игровая концепция, используемая руководителями бизнес-проектов для формирования у сотрудников профессионального опыта в неигровых задачах и процессах. Геймификация в управлении персоналом используется в качестве инструмента рекрутинга, адаптации, мотивации, повышения эффективности сотрудников, а также в качестве командообразования и развития корпоративной культуры с помощью специализированных онлайн-сервисов и программ, в основе которых заложен принцип вознаграждения за преодоление «уровней» обозначенной руководителем (или непосредственно программой) игровой ситуации [5];

- удаленное администрирование персонала посредством программных приложений, проприетарных программных обеспечений, пиринговых сетей, телефонии, социальных и стриминговых сетей, блоггинга;
- Smart-рекрутинг – концепция подбора персонала, основанная на использовании таких электронно-цифровых инструментов, как роботы-рекрутеры, чат-боты, онлайн-продажи вакансий, таргетированная реклама вакансий и пр.;
- Smart-обучение – концепция развития сотрудников компании посредством инновационных электронно-цифровых технологий (мобильное обучение, обучение с применением искусственного интеллекта);
- облачные технологии – хранение информации вне программного обеспечения компании (в сети интернет). Эти технологии позволяют оперировать всегда актуальными базами данных с различных компьютерных, десктопных, планшетных и мобильных устройств;
- краудсорсинг на базе IT-технологий, краудрекрутинг, тиндеризация и др. (рис. 3).

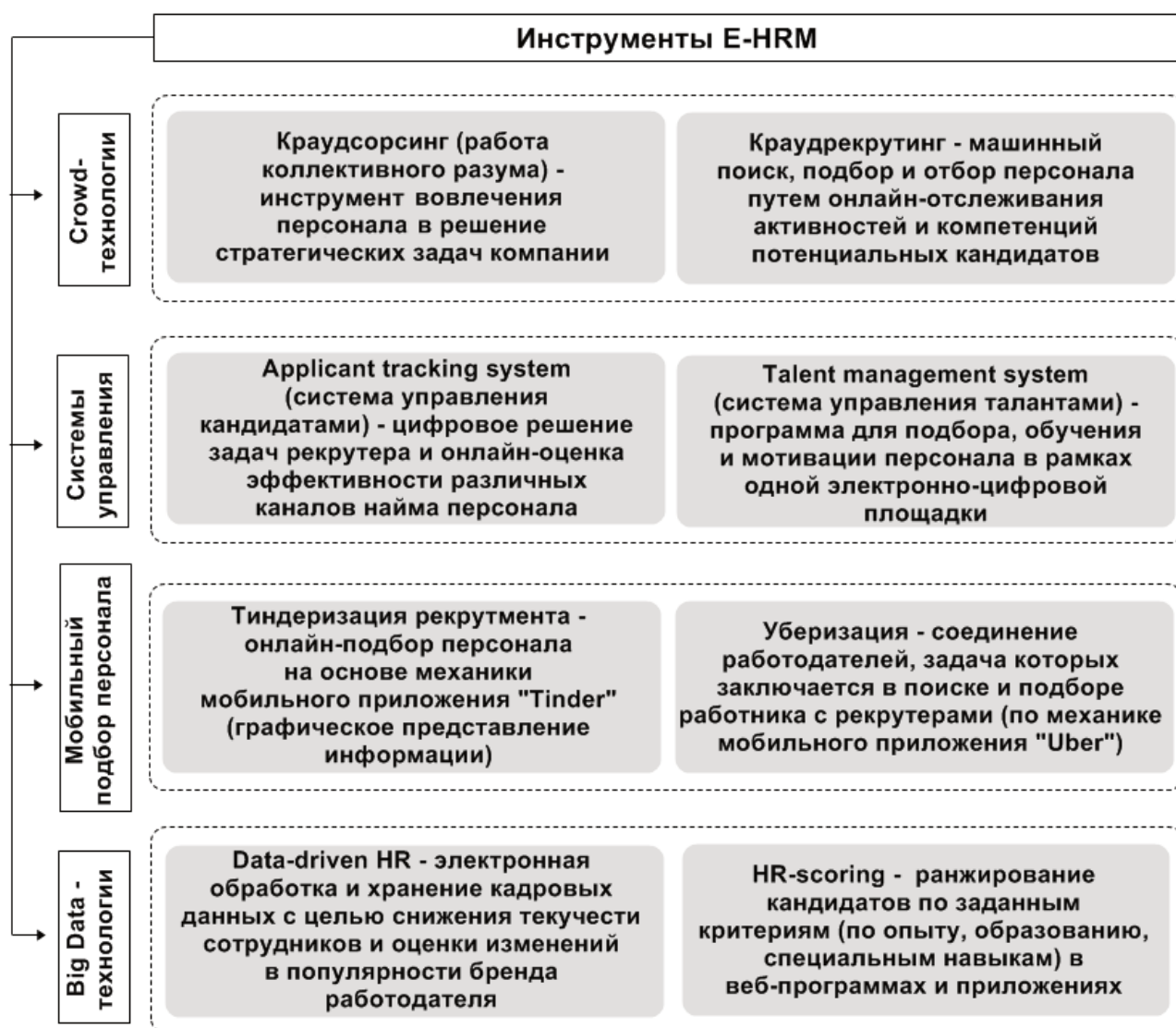

Рис. 3. Электронно-цифровые технологии в системе управления человеческими ресурсами (составлено автором на основе [1; 4])

Вышеперечисленные электронно-цифровые инструменты могут быть использованы в целях повышения эффективности управления персоналом в организации путем акселерации принятия

управленческих решений, повышения актуальности и достоверности операционных данных, а также за счет повышения подлинности прогнозируемых результатов, ожидаемых от внедрения тех или иных бизнес-процессов в системе HR. Вместе с тем, следует отметить тот факт, что стихийное приобретение и внедрение тех или иных электронно-цифровых технологий в сфере управления персоналом (ввиду продолжающейся «цифровой лихорадки» в мировой и российской экономике) не гарантирует безусловный успех хозяйствующей единицы в управленческой отрасли [8]. Для определения эффективного инструментария необходимо учитывать современные тенденции в области HR, играющие на сегодняшний день важную роль при формировании бизнес-стратегии по управлению персоналом.

С точки зрения автора, на первом этапе планирования приобретения и последующего использования технологий E-HRM необходимо уделить внимание бенчмаркетингу успешных компаний, чей опыт в системе управления персоналом можно было бы детерминировать как «лучшую практику». Концепция данного подхода отражается в работах специалиста в области управления человеческими ресурсами Джона Салливэна, который по результатам бенчмаркетинга крупнейших мировых компаний (IKEA, Apple, Nike и пр.) выделил следующие обязательные условия успеха в преобразовании системы HR:

- конечный механизм управления персоналом должен функционировать в направлении повышения производительности сотрудников;
- успешная система HR формируется на основе инноваций (в том числе в электронной сфере);
- управление персоналом на микро- и макроуровнях должно обладать высокой скоростью адаптации к научным и технологическим открытиям: кадровому управляющему необходимо обеспечивать не только быструю трансформацию самой системы HR, но и организацию обучения и повышения профессиональной квалификации сотрудников.

Помимо бенчмаркетинга, актуальной тенденцией при формировании бизнес-стратегии по управлению персоналом является интеграция HR в сторонние бизнес-процессы компании. Сегодня руководитель отдела по управлению человеческими ресурсами ответственен за финансовые результаты хозяйствующей единицы, в связи с чем спектр прав и возможностей у данных сотрудников существенно расширяется и, следовательно, расширяется набор электронно-цифровых инструментов развития HRM.

Немаловажная тенденция современного мира – экономическая свобода граждан большинства развитых и развивающихся государств, мировоззрение которых характеризуется поиском равновесия между трудовой занятостью и личной жизнью. Специалисты и/или потенциальные кандидаты в сотрудники HR-отдела, как и в целом прогрессивные в экономическом направлении граждане, высоко ценят стремления руководящих звеньев в обеспечении благоприятных рабочих условий для собственных кадров. Лояльность и благонамеренность директоров отражается на приспособляемости сотрудников к нововведениям в сфере HR. По этой причине во многих успешных организациях, помимо традиционных направлений в системе управления персоналом, функционируют корпоративные университеты, школы администрирования человеческих ресурсов и пр. В рамках электронно-цифрового развития формируются специализированные digital-отделы, способствующие более быстрому и легкому внедрению инновационных веб-инструментов в работу сотрудников компании.

Немаловажной тенденцией в электронной среде на сегодняшний день является активное использование смартфонов в различных бизнес-процессах и, в частности, в управлении персоналом. Данная тенденция возникла в связи с интенсивным техническим и технологическим прогрессом в сфере разработки мобильных устройств и соответствующих приложений. Так, согласно статистическим данным исследовательской компании Mediascope, основным типом устройства для выхода в сеть в России на 2019 год являются мобильные устройства: их проникновение за 3 года увеличилось на 22 % и составляет 61 % среди всего населения страны (использование компьютеров и ноутбуков за данный период снизилось на 3 % и составляет 52 % среди всего населения страны).

В связи с нарастающим глобальным процессом активного и широкомасштабного использования смартфонов организации стремятся к созданию необходимых условий для разработки собственных мобильных приложений, которые в сфере HR позволяют:

- контролировать и администрировать работу сотрудников в online-режиме без использования сложных и дорогостоящих компьютерных программ (в том числе сотрудников, работающих удаленно);
- быстро адаптировать персонал к новым условиям и задачам профессиональной деятельности;
- поддерживать бесперебойную связь между сотрудниками и руководителями, а также между компанией-исполнителем и заказчиками;
- упрощать процессы согласования кадровых решений, касающихся рабочих графиков, выплат и других вопросов.

Исходя из определения современных тенденций в области HR, можно сделать вывод о том, что для успешного внедрения электронно-цифрового инструментария в систему управления персоналом хозяйствующей единицы необходимо стремиться к максимальной автоматизации большинства HR-процессов и одновременно к концентрации сил на небольшом (целевом) наборе технологий. При наличии множества различных управленческих направлений следует расширять профессиональный состав компании, а не усиливать нагрузку на сотрудников. Быстрый поиск и подбор кадров для малых компаний и стартапов обеспечивается безвозмездными электронно-цифровыми программами и приложениями, для работы с которыми не требуется финансовых или материальных вложений. Управляемцам более развитых организаций в целях поиска сотрудников следует использовать такие цифровые решения, как: TOPS Consulting (платформа по ранжированию специалистов – потенциальных кандидатов на запрашиваемую руководителем должность), VCV digital recruitment (платформа с видеорезюме), тематические веб-сайты (Hh.ru, Worki.ru, Nays.ru, Zoho Recruit и пр.).

Перед приобретением возмездных программных продуктов E-HRM хозяйствующим субъектам необходимо провести сравнительный анализ опыта и эффективности работы собственной компании с показателями других организаций, выявить сильные и слабые стороны действующего HR-отдела, определить степень конкуренции в отрасли (посредством бенчмаркетинга, SWOT-анализа, модели Портера, модели Canvas, модели Хофера-Шенделя или Shell/DPM). По результатам оценочных исследований необходимо выделить основные направления трансформирования системы управления человеческими ресурсами, придерживаясь следующих принципов:

- ориентироваться на реальные навыки и опыт потенциальных кандидатов в сотрудники компании, которые можно выявить посредством мобильных и десктопных приложений по набору персонала, а также с помощью открытых баз данных тематических сервисов и веб-форумов;
- развивать внутрифирменные коммуникации за счет внедрения специально разработанных мобильных и десктопных приложений, поддерживать обратную связь между сотрудниками и руководителями посредством веб-сервисов;
- стимулировать и поощрять профессиональное развитие сотрудников, поддерживать стремления к обучению путем использования инновационных образовательных сервисов (в том числе геймификации) и электронно-цифровых методов повышения квалификации;
- сдерживать текучесть персонала путем предоставления сотрудникам возможности удаленной работы через специализированные интернет-сервисы и корпоративные сайты.

Только имея четкое понимание потребностей HR-отдела, слабых и сильных сторон функционирующей системы управления человеческими ресурсами, а также обладая сведениями об актуальных тенденциях в данной сфере, возможно определить набор эффективных электронно-цифровых инструментов и в целом выявить верные направления трансформации HRM компании в инновационный E-HRM.

Литература

1. Гиниева С.Б., Долженко Р.А. Внутренний краудсорсинг как инструмент вовлечения персонала // Управление. 2016. № 3. С. 36–46.
2. Исследование GfK: Более 60 % россиян пользуются интернетом на мобильных устройствах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/issledovanie-gfk-bolee-60-rossiyan-polzuyutsya-internetom-na-mobilnykh-ustroystvakh-35211.html>
3. Исследования Coleman Services «Уровень развития цифровых технологий в HR» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hr-director.ru/article/67428-tsifrovye-tehnologii-v-hr-kak-i-zachem-vnedryat-19-m7?token=18895af1-bcaa-11a0-7055-2d01c143cd0c&ttl=7776000&ustp=W>
4. Колосницына М. Тотальная автоматизация. The Human Resources Times Magazine [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecopsy.ru/publikatsii/ru-totalnayaavtomatizatsiya.html/>
5. Маркеева А.В. Геймификация как инструмент управления персоналом современной организации // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 12. С. 1923–1936.
6. Нагибина Н.И., Щукина А.А. HR-Digital: цифровые технологии в управлении человеческими ресурсами // Интернет-журнал «Науковедение» [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/24EVN117.pdf>
7. Семенова А.Н., Ступкина В.А. Цифровые технологии в управлении человеческими ресурсами // Молодой ученый. 2019. № 4. С. 250–252.
8. Сулейманов М. Этапы развития новой «цифровой экономики» [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5be205e6eae02b00aa05f4ec/etapy-razvitiia-novoi-cifrovoi-ekonomiki-5cdc6315213a0100b304ac1c>

К вопросу о мультиконтекстном характере GR-деятельности корпораций (на примере Сибирского федерального округа)

On the Issue of the Multicontext Nature of GR-activities of Corporations (on the example of the Siberian Federal district)

DOI: 10.34773/EU.2020.1.28

А. ТУЗОВСКИЙ

Тузовский Анатолий Сергеевич, старший преподаватель кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: astuzovskiy@mail.ru

В статье автор рассматривает процессы выстраивания отношений с властью через призму неоплюралистической исследовательской концепции. В работе показана необходимость формирования универсального понимания причин GR-деятельности в рамках главной цели корпорации – выживания.

Ключевые слова: GR, лоббизм, корпорация, неоплюрализм, мультиконтекстность, нишевой подход.

In the article the author considers the processes of building relations with the authorities through the prism of a neopluralistic research concept. The paper shows the need for a universal understanding of the causes of GR-activities within the framework of the main goal of the corporation – survival.

Key words: GR, lobbying, corporation, neopluralism, multi-context, niche approach.

Можно утверждать, что к настоящему времени контекст функционирования корпоративных игроков в политическом пространстве в исследовательском плане был рассмотрен предельно утилитарно и сравнительно однозначно в отношении результатов деятельности корпораций. Однако формирование в сфере взаимодействия бизнеса и власти потребительского отношения к государственным решениям и соответствующего восприятия институтов выстраивания благоприятных и долгосрочных отношений с государством в качестве своеобразных «супермаркетов»

влияния представляет собой явно неконвенциональный для интересов общества феномен. Проведенное исследование направлено на выявление параметров неопределенности, социальной детерминированности и неинструментальных причин применения GR-технологий и, в конечном итоге, разработку универсальной теории выбора технологий существования корпорации в политическом окружении. Следует оговориться, что аргументация и выводы данной работы будут строиться и иметь прогностическое значение в первую очередь на региональном уровне взаимодействия бизнеса и власти в России.

Одна из наиболее удачных попыток выявления условий потенциальной политической влиятельности корпораций была осуществлена отечественным политологом С.П. Перегудовым в работе «Крупная корпорация как субъект публичной политики» [1]. В ней автор доказывает, что наиболее значимой составляющей политического потенциала выступает экономический вес и роль корпорации, то есть значимость и власть в экономическом поле. Другими составляющими являются стейкхолдерский капитал (субъекты, непосредственно вовлеченные в деятельность и опосредованно зависимые от деятельности корпорации); административный ресурс (неформальные связи топ-менеджеров и собственников с государственными чиновниками); PR-ресурс (установление связей с политиками и общественными деятелями, создание благоприятного имиджа, контроль над СМИ), международные позиции и связи (возможность опираться на зарубежные активы, юрисдикции, авторитет ТНК) [1, 25–34]. С учетом диверсифицированного характера успеха корпораций в реализации властных амбиций современные исследования все чаще обращают внимание на проблемы их доминирования. К примеру, итальянский и американский экономист Л. Зингалес указывает на то, что: «... открытие современной корпоративной формы – как и все открытия – может использоваться как для содействия прогрессу, так и для угнетения. Размер многих корпораций превышает современные государства. Таким образом, они рискуют превратить малые и даже средние государства в современные версии “банановых” республик, создавая экономические и политические риски даже для крупных экономик с высоким уровнем дохода» [16, 128].

Выяснение причин описанных крайностей через эмпирический анализ внешней среды организаций столкнулось с весьма существенными ограничениями. Например, организации бывают разных размеров и организационно-правовых форм. Все эти множества различных организаций взаимодействуют с государством через GR-коммуникацию, в частности лоббирование. Далее мы исходим из того, что задача выстраивания отношений с властью является, пожалуй, единственной потенциально общей ареной для всех негосударственных организаций. Таким образом, GR-деятельность создает одну из основ, на которой возможно эмпирически апробировать теории о влиянии организационной среды, не опуская естественного разнообразия организаций.

Для концептуализации взаимодействия государственной власти и бизнес-структур в российской исследовательской традиции оперируют тремя подходами: плюралистическим, корпоративистским и сетевым [2, 138]. Не оспаривая объясняющие и прогностические возможности указанных подходов, укажем лишь на необходимость учета контекста их научной разработки и конъюнктурный характер оценок их применимости и эффективности GR-деятельности, например, в странах с различными политическими режимами и/или в рамках различных исторических периодов.

Одним из самых многообещающих подходов для теории GR, который своим происхождением также обязан изменению политической конъюнктуры, является неоплюрализм. В данном случае в ряде западных демократий развитие легализованной лоббистской деятельности в русле усиления требований транспарентности закономерно сместило фокус зарубежных исследований в сторону фиксации неопределенности и неэффективности тактик частного влияния на государство. Было замечено, что многие из тех, кто входит в «лоббистский супермаркет», чтобы «купить» политику, остаются разочарованы. Рассмотрим некоторые ключевые результаты исследований последних трех десятилетий:

– в работе Дж. Хайнца, Э. Лауманна, Р. Нельсона и Р. Солсбери 1993 года «Полая сердцевина» описана сфера лоббизма через отсутствие какой-либо уверенности, свойственной «лоббистскому супермаркету» с его четко определенными ролями, целями и ценами [9]. Скорее всего, GR является специфической средой, зависимой от чрезвычайной неопределенности целей, технологий и отношений между целями и технологиями [11, 34];

– в книге М. Смита 2000 года «Американский бизнес и политическая власть» обнаруживается, что, когда бизнес-структуры объединяются для активной поддержки политической инициативы, вероятность принятия решения Конгрессом в соответствии с их пожеланиями заметно уменьшается [14];

– в книге К. Коллмана 1998 года «Внешнее лоббирование» подчеркивается контекст общественного мнения, лежащий в основе выбора тактики лоббирования, указывая на то, что прямое лоббирование перед лицом оппозиционного общественного мнения оказывает незначительное влияние на законодателей [10];

– Б. Пейдж, Р. Шапиро и Г. Демпси выяснили, что бизнес-лоббирование через пропаганду в СМИ чаще производило противоположный ожидаемому эффект [13];

– В. Грей и ее коллеги обнаружили, что число и разнообразие заинтересованных организаций и их представителей, лоббирующих в законодательных органах государства, оказывают незначительное влияние на общий либерализм политики [8]. С точки зрения политической повестки дня плотность и разнообразие лоббирующих групп гораздо больше определяется параметрами и разнородностью повестки дня в законодательном органе власти, чем наоборот [7];

– анализ голосования на референдуме, представленный в работе Э. Гербер «Парадокс популизма» 1999 года, показал, что обильные вливания денег в кампании референдума со стороны бизнес-интересов в поддержку благоприятной политики почти всегда не в состоянии повлиять на голосующих [5];

– два основных исследования в рамках неоплюрализма провели Р. Смит, Ф. Баумгартнер и Б. Лич, которые сделали поразительно схожие выводы [4; 15]. Они были лучше всего суммированы утверждением Ф. Баумгартнера и Б. Лича: «... неизбежен вывод о том, что Комитеты политических действий или прямое лоббирование иногда сильно влияют на голосование Конгресса США, однако они иногда имеют незначительное влияние, а иногда не оказывают влияния» [4, 134].

Для выяснения контекста корпоративного выстраивания отношений с государственными и муниципальными органами власти нами было проведено несколько социологических исследований восприятия должностными лицами исполнительных органов власти бизнес-структур в качестве участников публичной политики в российских условиях на региональном уровне. Результаты, полученные в 2019 году (см. табл.), говорят, во-первых, об отсутствии у большинства чиновников уровня субъекта федерации и муниципальных служащих презумпции добросовестности бизнес-сообщества в отношениях с объектами GR и конкурентами, во-вторых, о сравнительно высоких оценках деятельности, результаты которой непосредственным образом зависят от чиновников, и, в-третьих, о том, что оценки общественно-статусных позиций бизнеса у муниципальных и государственных служащих существенным образом разнятся.

Представленные эмпирические выводы относятся к неоплюралистической исследовательской концепции и подчеркивают сложность выстраивания корпорациями конкретного взаимодействия с государственными и муниципальными органами, особенно в условиях пробелов нормативного регулирования в указанной сфере, внимательности некоммерческих организаций, к информации которых чиновники относятся с несколько сниженным недоверием, а также уровней конфликтности по обсуждаемой проблеме и конкуренции заинтересованных организаций.

После фиксации мультиконтекстных оснований GR-коммуникации закономерно возникает вопрос о первопричинах GR-деятельности. Или, как указывали авторы упоминавшейся ранее «Полой сердцевины»: «Учитывая неопределенность преимуществ, почему же тогда группы интересов должны продолжать инвестировать в представительство частных интересов?» [9, 369].

**Восприятие представителями власти регионального и муниципального уровней
бизнес-сообщества в GR-сфере (%)**

Категория чиновников	Оценка коммуникации с бизнесом			Работа в бизнесе в будущем			Доверие к негос. организациям как информ. источникам		
	Полож.	Отриц.	Нейтр.	Да	Нет	Не задум.	Бизнес	НКО	Ни одним
Госуд. служащие	67	13	20	40	47	13	13	40	47
Муниц. служащие	71	6	23	21	26	53	0	59	41
	Оценка участия бизнеса в реализации госуд. или муниц. проектов			Учет конкуренции в бизнес-среде при принятии решений			Использование государства или органов местного самоуправления как инструмента конкуренции в бизнес-среде		
	Полож.	Отриц.	Нейтр.	Да	Нет	Не задум.	Да	Нет	Не задум.
Госуд. служащие	40	7	53	33	40	27	33,3	13,3	53,3
Муниц. служащие	23	6	71	33	44	23	40	30	30

* Составлено на основе результатов анкетирования, проведенного на базе МЦПК СИУ РАНХиГС в 2019 году [3].

Если руководствоваться практическими намерениями, то такая теория первопричин GR-деятельности должна быть построена с точки зрения корпораций. Здесь имеются в виду те организации, которые принимают решение включиться в политический процесс и применять соответствующие GR-технологии. Это предельно значимая проблематика. Корпорации, включающиеся в диалог с государственными структурами, имеют несколько целей, которые определяют разнообразие результатов GR-деятельности. В GR-коммуникациях первичны цели, а не проблемы, не институты, не общественное мнение, не пространство, где происходит реализация GR-технологий, не даже субъекты GR сами по себе. То есть мультиконтекстность представляет собой важные аспекты среды, в рамках которой организации достигают своих множественных целей. Соответственно, как отметил К. Голдштейн: «Будущая работа над стратегиями групп интересов должна исходить из правильного теоретического понимания того, что именно лоббисты пытаются достичь» [6, 128]. Представляется, что теория GR-коммуникации, исходящая из мотивов корпораций, во многом может быть созвучной поведенческой теории законодателей Д. Мэйхью, которая основана на стремлении к электоральной безопасности [12]. Таким образом, наиболее фундаментальной целью корпорации выступает ее выживание. Все другие цели, которые организации могут преследовать, заслуживают лишь вторичного внимания, поскольку неспособность выжить будет препятствовать достижению какой-либо из них.

Литература

1. Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики: учеб. пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 168 с.
2. Расторгуев С.В. Методология исследования взаимоотношений политической власти и бизнеса в современной России // Власть. 2015. № 8. С. 138–143.
3. Результаты анкетирования, проведенного автором, среди государственных и муниципальных служащих, зачисленных на повышение квалификации в Межрегиональный центр повышения квалификации Сибирского института управления – филиала РАНХиГС с 5 по 15 ноября 2019 г. Выборка составила 49 чел.

4. Baumgartner F.R., Leech B.L. Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science. Princeton: Princeton University Press, 1998. 248 p.
5. Gerber E.R. The Populist Paradox: Interest Group Influence and the Promise of Direct Legislation. Princeton: Princeton University Press, 1999. 176 p.
6. Goldstein K.M. Interest Groups, Lobbying, and Participation in America. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 172 p.
7. Gray V., Lowery D., Fellowes M., Anderson J. Understanding the Demand-Side of Lobbying: Interest System Energy in the American States // American Politics Research. 2005. Vol. 33. № 1. Pp. 404–434.
8. Gray V., Lowery D., Fellowes M., McAtee A. Public Opinion, Public Policy, and Organized Interests in the American States // Political Research Quarterly. 2004. Vol. 57. № 3. Pp. 411–420.
9. Heinz J.P., Laumann E.O., Nelson R.L., Salisbury R. The Hollow Core: Private Interests in National Policy Making. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 450 p.
10. Kollman K. Outside Lobbying: Public Opinion and Interest Group Strategies. NJ: Princeton University Press, 1998. 215 p.
11. Lowery D. Why Do Organized Interests Lobby? A Multi-Goal, Multi-Context Theory of Lobbying // Polity. 2007. Vol. 39. № 1. Pp. 29–54.
12. Mayhew D.R. Congress: The Electoral Connection. New Haven and London: Yale University Press, 1974. 194 p.
13. Page B.I., Shapiro R.Y., Dempsey G.R. What Moves Public Opinion? // American Political Science Review. 1987. Vol. 81. № 1. Pp. 23–43.
14. Smith M.A. American Business and Political Power: Public Opinion, Elections and Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 2000. 245 p.
15. Smith R.A. Interest Group Influence in the U.S. Congress // Legislative Studies Quarterly. 1995. Vol. 20. № 1. Pp. 89–139.
16. Zingales L. Towards a Political Theory of the Firm // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. № 3. Pp. 113–130.

Управление трудовой миграцией (на примере Российской Федерации)

Labor Migration Management (on the Example of the Russian Federation)

DOI: 10.34773/EU.2020.1.29

Г. ЯКШИБАЕВА

Якшибаева Гульнара Вахитовна, канд. экон. наук, доцент кафедры управления проектами и маркетинга Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: Gulnara270271@yandex.ru

В статье рассматривается авторский подход к планово-рыночному регулированию трудовой миграции, включающий в себя следующие этапы: планирование, реализация и контроль. Выявляются сильные и слабые стороны, возможности и угрозы данного подхода. Разработаны концептуальные основы планово-рыночного регулирования трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовая миграция, планово-рыночное регулирование, управление, социально-экономическое развитие.

The article deals with the author's approach to planning and market regulation of labor migration, which includes the following stages: planning, implementation and control. The strengths and weaknesses, opportunities and threats of this approach are identified. Conceptual bases of planned market regulation of labor migration are developed.

Key words: labor migration, planned market regulation, management, social and economic development.

В современный период модели социально-экономического развития многих стран отличаются многогранностью, многовариантностью и изменчивостью. В Российской Федерации продолжительный экономический кризис актуализировал необходимость осмысления и анализа использованных методов экономических реформ 90-х годов и извлечения из всего произошедшего негативного опыта уроков и разработки в эпоху глобализации и интеграции хозяйственных связей совершенно новой модели социально-экономического развития.

Несмотря на то, что рынок считается высокоэффективным механизмом, российский опыт наглядно показал, что самостоятельно рынок не может решить все социально-экономические проблемы (развитие образования, фундаментальной науки, здравоохранения, занятость населения, трудовая миграция, обороноспособность страны, освоение космоса, экологические вопросы и др.), поэтому для решения вышеназванных проблем необходимо активное участие государства в экономике [1].

Одним из важнейших критериев устойчивого социально-экономического развития, фактором экономического роста является наличие ресурсов труда страны, эффективность использования которых зависит, прежде всего, от качественных и количественных параметров, воспроизводственных показателей (рождаемость, смертность, миграция), динамики всестороннего развития, совершенствования и мобильности рабочей силы.

На качество и количество рационального и эффективного использования трудовых ресурсов, рабочей силы в России в настоящее время существенное воздействие оказывает трудовая миграция, которая в последние десятилетия XX и XXI вв. характеризуется в целом как беспорядочный, неуправляемый и научно необоснованный процесс.

Следует отметить, что миграционная политика РФ направляет свои усилия и действия на управление миграционными процессами, которые ориентированы в основном на решение текущих задач, и на выполнение правоохранительных мер. Однако сегодня, в условиях нестабильной внешней среды, неустойчивой политической и экономической обстановки в стране и в мире, неблагоприятной демографической ситуации подобное управление исключительно сложным процессом считается крайне недостаточным и малоэффективным, и для того, чтобы повысить свои конкурентные возможности в борьбе за трудовых мигрантов и извлечь из трудовой миграции максимум выгоды, необходимо разрабатывать планирование на государственном уровне с применением плановых и рыночных механизмов [3].

Цель планово-рыночного механизма регулирования трудовой миграции – получить максимальную полезность от трудовой миграции и обеспечить ее позитивное влияние на экономику, с одной стороны, с другой – минимизировать ее отрицательные последствия.

Для выявления сильных и слабых сторон, возможностей и угроз нами проведен SWOT-анализ планово-рыночного регулирования трудовой миграции (см. табл.). Данный метод является универсальным и хорош тем, что он позволяет предварительно исследовать объект для разработки стратегических планов, целей и задач.

Как видно из SWOT-анализа планово-рыночного регулирования трудовой миграции, сильных сторон (5) значительно больше, чем слабых (2), и возможности (3) преобладают над угрозами (2).

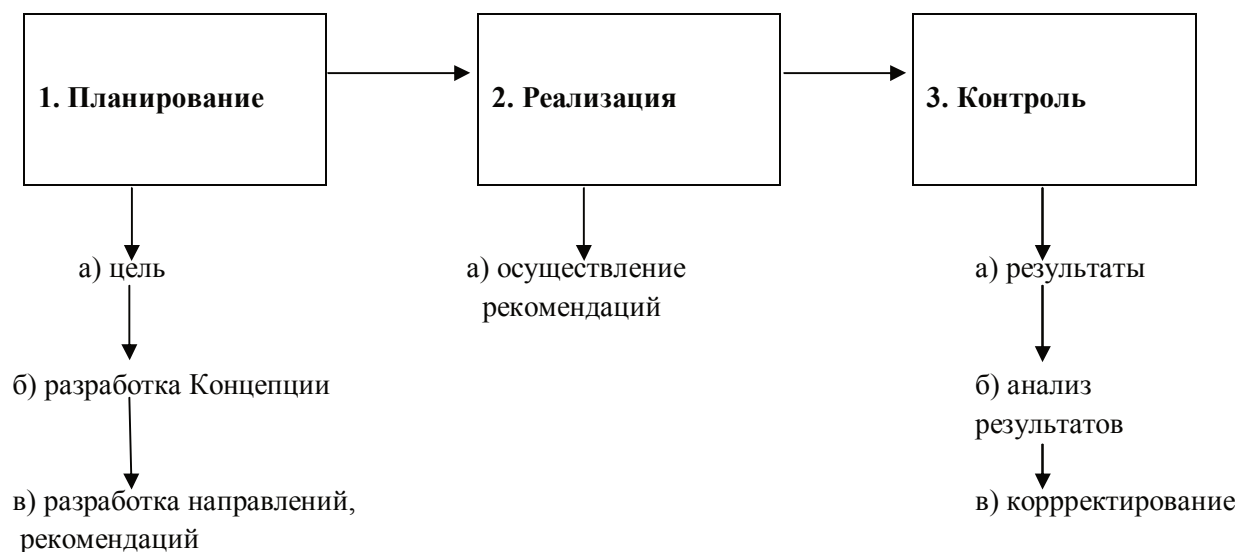
Взаимодействие двух крайних полюсов (плановых и рыночных) позволит получить известный в науке эффект синергии [2], суммарный эффект которого при взаимодействии двух факторов многократно превосходит эффект каждого отдельно взятого компонента. Рассматриваемая комбинация двух совершенно разных подходов реалистична и достижима при условии грамотного и взвешенного применения и соотношения как плановых, так и рыночных механизмов регулирования трудовой миграции.

SWOT-анализ планово-рыночного регулирования трудовой миграции

<u>Сильные стороны</u> 1. Централизованное привлечение, распределение и использование необходимой рабочей силы трудовых мигрантов в соответствии с потребностями развития народного хозяйства. 2. Применение рыночных механизмов, таких как спрос, предложение, цена, будут способствовать стимулированию и мотивированию притока (оттока) трудовых мигрантов, что позволит гибко управлять миграционной ситуацией. 3. Распределение трудовых мигрантов по плану обеспечит прозрачность миграционной ситуации, предотвратит развитие нелегальной миграции и теневой занятости, вследствие чего сократится преступность, криминогенность. 4. Плановый прием и распределение трудовых мигрантов обеспечит снижение нагрузки на социальную инфраструктуру (жилье, здравоохранение, образование, ЖКХ), которая растет за счет притока незаконной миграции. 5. Плановое регулирование позволит существенно снизить государственные расходы по борьбе с негативными последствиями нелегальной миграции и теневой занятости.	<u>Слабые стороны</u> 1. В зависимости от соотношения применяемых плановых и рыночных рычагов регулирования трудовой миграции будет складываться миграционное положение в стране. При выраженном преобладании плановых механизмов управления над рыночными может произойти искажение информации о количестве и качестве необходимой рабочей силы на местах (в регионах, городах, областях, краях), что усугубит миграционную ситуацию, создавая дефицит рабочей силы в одних местах и избыток на других территориях РФ. 2. При преобладании рыночных механизмов управления трудовой миграцией, с одной стороны, это может привести к беспорядочному движению миграционных потоков, с другой – прибывшие граждане с целью трудоустроиться часто оказываются социально незащищенными.
<u>Возможности</u> 1. Возможность рационально и равномерно распределять трудовых мигрантов по регионам, городам, населенным пунктам, по всей территории Российской Федерации в соответствии с количественными и качественными параметрами. 2. Возможность в перспективе смягчить депопуляцию населения, в частности, уменьшение трудоспособного населения, избежание дефицита рабочей силы путем компенсации убыли численностью прибывших трудовых мигрантов. 3. В связи с тем, что экономика Российской Федерации нуждается в квалифицированных работниках, труд которых способствует росту экономических показателей, увеличению производительности труда и росту социально-экономического развития государства в целом, она имеет потребность и в черновой, низкоквалифицированной рабочей силе. Стабильным остается спрос на рабочую силу с низкой квалификацией в строительстве, сельском хозяйстве, торговле, добывающих отраслях.	<u>Угрозы</u> 1. Применение только рыночных механизмов регулирования трудовой миграцией не обеспечит равномерное и рациональное распределение работников по видам экономической деятельности и различным отраслям: а) останется в стороне и без внимания производство товаров и услуг коллективного пользования; б) у трудовых мигрантов отсутствуют гарантии на труд, занятость и доход. 2. Использование только плановых инструментов управления трудовой миграцией может привести к затруднению получения объективной информации о потребностях общества в тех или иных товарах и, соответственно, о необходимой рабочей силе. Отсутствие стимула и мотивации у работников работать продуктивно и производительно.

* Составлено автором.

Схема подхода планово-рыночного механизма регулирования трудовой миграции представлена на рисунке.

Планово-рыночный механизм регулирования трудовой миграции

1. Планирование – это процесс определения целей и поиск наиболее эффективных методов и средств их достижения в условиях действия ограничений по ресурсам и времени.

а) цель плана – разработать концептуальные основы планово-рыночного регулирования трудовой миграции в Российской Федерации с учетом планового (объемы, нормы) и рыночного механизма, представляющего собой совокупность факторов саморегулирования рынка труда (цена труда, норма прибыли, спрос и предложение, конкуренция), которые влияют на поток (отток) трудовых мигрантов.

б) разработка Концепции. Концепция – это полноценный алгоритм текущих и будущих действий, которые позволяют успешно и эффективно достигать поставленной цели. Основным принципом разработки Концепции является адаптивность как реакция миграционной политики на изменения во внутренней и внешней среде государства, мира.

в) разработка направлений и рекомендаций позволит разработать методы выполнения конкретных задач, составить бюджет и распределить обязанности и ответственность за выполнение программы.

2. Реализация происходит через осуществление рекомендаций и создание необходимых условий для достижения поставленной цели, задач.

3. Контроль показывает процесс обеспечения достижения поставленной цели, он оценивает и сравнивает фактические показатели с плановыми и устанавливает результат проведенных миграционных программ и специальных мероприятий, осуществляет анализ результатов, отклонений и способствует устранению помех на пути выполнения плана и корректирует их.

Основные направления и рекомендации по реализации концептуальных основ планово-рыночного регулирования трудовой миграции:

1. Принятие мер по улучшению демографической динамики постоянного населения Российской Федерации как источника воспроизводства трудовых ресурсов.

Необходимо разработать целый комплекс государственных мер на федеральном и региональном уровнях РФ, направленных на преодоление демографических вызовов (падает рождаемость, растет смертность), обеспечение эффективной занятости, повышение производительности труда, отсюда рост доходов и улучшение уровня и качества жизни населения. Важно принимать активные меры по повышению привлекательности притока трудовых мигрантов и пересмотреть

нынешнюю правоохранительную практику, направленную на использование жестких барьеров на пути трудоустройства прибывших граждан.

2. Обеспечение экономики России необходимой рабочей силой в условиях сокращения населения трудоспособного возраста в разрезе отраслей и территорий.

Необходимо проводить меры по стимулированию внутренней трудовой миграции для активизации подвижности российских граждан, обеспечить гибкость рынка труда в географическом плане и на основе плана формировать стратегически желательные направления. При этом стимулирование внутренней миграции и формирование желательных потоков должно быть достигнуто за счет совместных государственных мер (миграционной политики, политики в сфере занятости, регионального развития, жилищного развития, налоговой политики РФ).

Для активизации внутренней миграции и формирования желательных потоков для регионов РФ, испытывающих потребность в рабочей силе, действенными методами могут послужить экономические и стимулирующие меры: льготные кредиты на приобретение жилья, выделение земельных участков для строительства жилых домов, зданий и помещений для производственной деятельности, налоговые и социальные льготы, поддержка малого бизнеса.

3. Рационализация структуры постоянного населения и обеспечение равномерного распределения по всей территории Российской Федерации.

Для достижения равномерного территориального распределения рабочей силы и, в частности, трудовых мигрантов, и обеспечения стабильного социально-экономического развития государства, ее геополитической безопасности наиболее эффективными мерами являются формы, имеющие плано-рыночный характер, когда в основе формирования и направления потоков должны быть заложены, с одной стороны, плановые показатели (количество работников, их профессионально-квалификационная, возрастная, половая структура), с другой – должны учитываться потребности рынка труда (спрос и предложение). Это позволит четко отслеживать, контролировать и адресно направлять потоки в стратегически важные и испытывающие потребность в рабочей силе территории РФ.

4. Оптимизация соотношения городского и сельского населения Российской Федерации. Принятие государственных мер, направленных на препятствие интенсивному оттоку сельского населения в город. Устранение дефицита специалистов на селе.

Меры по снижению оттока сельского населения в городские населенные пункты, принятые на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, должны быть направлены на создание новых рабочих мест с достойной заработной платой, на инвестирование развития сельского хозяйства, обрабатывающего производства, агропромышленного комплекса.

С учетом особенностей и закономерностей хозяйственного развития и природно-климатических условий сельских территорий РФ необходимо диверсифицировать сельскую экономику, развивая неспецифические отрасли – лесное хозяйство, деревообработку, транспортные услуги, хранение и переработку овощей и фруктов, туризм, поддержка предпринимательства, фермерства. Все эти меры обеспечат создание дополнительных рабочих мест и таким образом позволят решить проблему оттока и увеличить приток рабочей силы.

5. Принятие государственных мер по улучшению профессионально-квалификационной структуры трудовых мигрантов (селективный отбор, обучение, переобучение, переподготовка).

Для обеспечения российского рынка труда необходимыми кадрами важно на государственном уровне принимать меры по профессиональной подготовке трудовых мигрантов. Подготовка, переподготовка и переобучение кадров прибывших трудовых мигрантов должны проходить на основе имеющихся и создания новых учебных заведений системы среднего и высшего профессионального образования, что позволит получить необходимый профессиональный уровень и одновременно пройти языковую подготовку. Это можно осуществить, предоставляя кредиты мигрантам с тем, чтобы в последующем они могли отработать свой долг в России.

6. Разработка многоуровневых мер по осуществлению эффективной занятости трудовых мигрантов.

Занятость трудовых мигрантов (внутреннюю и внешнюю) следует рассматривать не как проблему, а как процесс, которым нужно грамотно и продуманно управлять на международном, национальном, региональном и муниципальном уровнях.

- На международном уровне управление занятостью трудовых мигрантов должно быть ориентировано на гармонизацию и соблюдение интересов государств с целью эффективного использования рабочей силы трудовых мигрантов, создания условий (правовых, трудовых, социальных и др.) для проживания, продуктивной трудовой деятельности и дальнейшего развития способностей к производительному, творческому труду для достижения устойчивого экономического роста государства.

- На национальном уровне государственная политика занятости населения, в том числе трудовых мигрантов, представляет собой неотъемлемую часть общегосударственной социально-экономической политики, следовательно, она должна быть направлена на решение проблем занятости прибывших трудовых мигрантов в экономике РФ, где приоритетное положение должны занимать внутренние мигранты.

- На уровне субъекта обеспечить тесное взаимодействие экономического развития региона с федеральным центром, отраслевыми министерствами, ведомствами, муниципалитетами – с одной стороны, с другой – сопоставить интересы трудовых мигрантов и работодателей, создавать условия для рыночной инфраструктуры, эффективной занятости с целью снижения уровня безработицы в регионе, повышения результативности использования труда прибывших работников, пополнения бюджета и процветания региона.

- На муниципальном уровне планировать реализацию ключевых мер по снижению оттока трудоспособного населения и привлечению рабочей силы в населенный пункт, обеспечивая и предоставляя различные социальные гарантии. Осуществлять регулярный мониторинг, принимать активное участие в регулировании процессов трудовой миграции в населенных пунктах, муниципальных образованиях, отслеживать и контролировать миграционную ситуацию, отток и приток населения.

7. Обеспечение баланса и устранение диспропорций между спросом и предложением трудовых мигрантов на рынке труда.

Необходимо на государственном уровне с привлечением межведомственных структур разработать прогноз баланса трудовых ресурсов по субъектам Российской Федерации по отраслям и видам экономической деятельности с учетом ожидаемых изменений в структуре профессионального образования и демографической ситуации, что позволит определить в количественном и качественном выражении реальную потребность в международной трудовой миграции.

Таким образом, предложенный авторский подход планово-рыночного регулирования трудовой миграции в Российской Федерации позволит эффективно управлять сложным и неоднозначным процессом, определить оптимальные размеры внешней и внутренней миграции, в соответствии с количественными и качественными параметрами трудовых мигрантов, пополняя численность недостающей рабочей силы, улучшить демографическую ситуацию, целенаправленно содействовать равномерному распределению населения, тем самым уменьшить дифференциацию социально-экономического развития регионов РФ, оптимизировать соотношение городского и сельского населения и в целом будет способствовать поступательному социально-экономическому развитию России.

Литература

1. Попов А.И. Плановые и рыночные методы: условия сочетания // Экономист. 2005. № 10. С. 45–55.
2. Портер М.Е. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М: Альпина Бизнес Бук, 2005. 246 с.
3. Якшибаева Г.В. Миграционное законодательство: состояние, пути совершенствования // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 6. С. 56–62.

Оценка социально-экономического состояния народов стран различного уровня развития

Assessment of the Socio-economic Condition of the Peoples of the Countries of Different Level of Development

DOI: 10.34773/EU.2020.1.30

А. ХИСАЕВА, Э. ИШМУХАМЕТОВ,
А. ХИСАЕВА, Р. ГАЙСИНА

Хисаева Алия Инисовна, канд. экон. наук, доцент кафедры проектного менеджмента и экономики предпринимательства Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). E-mail: aliyahisaeva@icloud.com

Ишмухаметов Эдгар Маратович, магистрант УГНТУ. E-mail: edgarish@mail.ru

Хисаева Альфия Инисовна, канд. экон. наук, ведущий специалист ООО «РН-БашНИПИнефть». E-mail: alfiah@mail.ru

Гайсина Радмила Руслановна, магистрант УГНТУ. E-mail: radanovaki@gmail.com

В статье изложена оценка социально-экономического состояния трех групп стран – «Золотого миллиарда», развивающихся и так называемых неприсоединившихся стран. При анализе состояния уровня развития использованы качественные категории, переведенные в цифровую форму коэффициентов энтропии. Применена разновидность метода расчета меры хаоса-энтропии для оценки социально-экономического состояния народов. В работе качественные категории показателей энтропии переведены в цифровую форму индексов стандартным методом нормирования для ее компьютерного решения на программе «Mathcad».

Ключевые слова: энтропия, хаос, пассионарность, духовная самооценка, коэффициент Джини.

The article presents an assessment of the socio-economic status of three groups of countries – the «Golden Billion», developing and so-called non-aligned countries. When analyzing the state of the development level, qualitative categories were used that were digitized in the entropy coefficients. A variety of the method for calculating the measure of chaos-entropy is applied to assess the socio-economic status of peoples. In the work, the qualitative categories of entropy indices are digitized by the standard standardization method for its computer solution using the «Mathcad» program.

Key words: entropy, chaos, passionarity, spiritual self-esteem, Giny coefficient.

Социально-экономическое состояние стран определяется внутренней энергией народов и является отражением уровня пассионарного напряжения [4]. Такие параметры пассионарности, как уверенность в завтрашнем дне, духовная самооценка, активность участия в выборах, помощь населения в ликвидации катастроф, генетическая предрасположенность населения к долголетию, в основном лежат в области качественных показателей и трудно оцениваются количественно [13; 14]. Представление этих показателей в количественно-цифровой категории предполагает применение дополнительных мер, нормировки как «долевых» показателей, так и введения «весовых» для вычисления энтропии, оценивающей меру хаоса-случайности. В этой связи предложено кодирование коэффициентов параметров уравнения энтропии (Р) так, чтобы они находились в интервале больше нуля, но меньше единицы, в положительной области и имели безразмерный вид, то есть вероятность коэффициентов уравнения энтропии (Р) должна иметь следующий вид:

$$0 < P < 1.$$

Взаимосвязь – корреляционная зависимость параметров социально-экономического состояния стран – имеет энтропийно-хаотический характер, более подробно рассмотренный авторами в работе.

Инструмент оценки разнообразных сложных процессов разработан американским ученым-математиком Клодом Шенноном на базе теории вероятности физических процессов, описанной Л. Больцманом для оценки меры хаоса [2; 3; 14].

Для анализа и оценки внутренней энергии народов собраны и сведены в таблицу 1 данные 9 стран.

Таблица 1

Параметры энтропийного алгоритма

№	Наименование показателей	«Золотой миллиард»			БРИКС			Неприсоединившиеся страны			Приоритетные показатели	Весовые показатели
		США	Япония	Швеция	Китай	Россия	Индия	Куба	Коста-Рика	Египет		
1	Уверенность в завтрашнем дне	94	97	95	95	43	41	95	94	40	0,98	97
2	Активность участия в выборах	60	52	83	45	45	64	95	60	27	0,65	95
3	Помощь в ликвидации катастроф	0,95	0,9	1	0,5	0,42	95	0,4	0,4	0,25	0,65	1
4	Духовная самооценка народов	0,95	0,9	0,94	0,7	0,5	0,4	0,9	0,9	0,4	0,55	0,95
5	Материальный уровень жизни	5000	4500	6000	400	500	300	30	35	20	0,88	6000
6	Доступность медицины для населения	0,81	0,8	0,95	0,42	0,6	0,4	0,95	0,5	0,3	0,88	0,95
7	Образованность населения	86	99	96	80	99,5	66	99,8	95,9	66,4	0,69	99,8
8	Коэффициент рождаемости	13,8	7,3	10,1	13,2	13,3	20,9	9,99	16,5	24,6	0,8	24,6
9	Уровень смертности	8,4	10,1	10,2	7	13	7,5	7,5	4,3	4,8	0,75	4,3
10	Продолжительность жизни	73,8	85	84	76	71,2	69	79,9	79	73,2	0,85	85
11	Генетическое долголетие	79,6	88	87	85	71	69	86	85	74	0,75	88
12	Пенсионная активность	12	80	10	75	20	57	66	68	60	0,6	80
13	Подвижность населения	0,5	0,4	0,52	0,108	0,19	0,3	0,11	0,12	0,25	0,86	0,52
14	Коэффициент Джини	41	37	25	47	40	37	20	50	34	0,9	20

* Примечание: строки таблицы 3, 4, 6 приведены в нормированном виде для удобства математических вычислений энтропий на основе теории вероятности, естественные единицы измерения в нашем случае большого интереса не представляют.

Определение оценки социально-экономического состояния выполнено на основе энтропийного алгоритма, называемого англоязычной аудиторией теорией хаоса-случайности, нормированные показатели которого приведены в таблице 2.

Таблица 2

Нормированные показатели R_{real}

0,969	1	0,979	0,979	0,443	0,423	0,979	0,969	0,412
0,623	0,547	0,874	1	0,474	0,674	1	0,632	0,284
0,95	0,9	1	0,5	0,42	0,25	0,4	0,4	0,25
1	0,947	0,989	0,737	0,526	0,421	0,947	0,947	0,421
0,833	0,75	1	0,067	0,083	0,05	0,005	0,0058	0,0033
0,853	0,842	1	0,442	0,632	0,421	1	0,526	0,316
0,862	0,992	0,962	0,802	0,977	0,661	0,406	0,961	0,665
0,561	0,297	0,411	0,537	0,541	0,85	0,667	0,671	1
0,512	0,426	0,422	0,614	0,331	0,573	0,573	1	0,896
0,868	1	0,988	0,894	0,838	0,812	0,94	0,929	0,861
0,905	1	0,989	0,966	0,807	0,784	0,977	0,966	0,841
0,15	1	0,125	0,938	0,25	0,713	0,825	0,85	0,75
0,962	0,769	1	0,208	0,365	0,577	0,212	0,231	0,481
0,488	0,541	0,8	0,426	0,5	0,541	1	0,4	0,588

Теория больших чисел – другое, наиболее точное направление определения и оценки социально-экономического состояния народов, рассматривающее в основном характеристики параметров как носителей свойств изучаемого явления, из-за большой степени неопределенности и их разброса в данной работе не применяется и, приходится применять теорию энтропийного алгоритма [3; 14].

Знание и оценка состояния «хаотической» системы необходимы для практического принятия решений и воздействия на нее в условиях хаоса. Например, Дж. Сорос использовал теорию энтропии на практике и искусственно усилил хаос рынка Англии, находящийся на грани неопределенности, сдвинул его в отрицательную сторону и, таким образом, заработал миллиарды долларов, обрушив фунт стерлингов.

Известно, что наилучшее упорядочение системы достигается при теоретических коэффициентах $k=0,7$ и $Z=1,88$, при решении уравнения энтропийного алгоритма R_{real} и R_{norm} , при максимуме энтропии для заданных ограничений и хаоса – при минимуме.

В данном случае в алгоритме энтропийной функции определяется экстремум для выработки альтернативных вариантов и оценки на этой основе оптимизации многосложных и больших количественных, качественных параметров [3]. При этом дополнительной целью является снижение элементов случайности при разумных ограничениях трудно измеряемых параметров (например, строка 8, столбцы 6, 9).

Показатели таблицы (строки 1, 3, 4, 6), имеющие качественный характер, определены на основе опросов, и для перевода их в количественную категорию и меры сходства применены теория подобия и принцип значимости для весовых коэффициентов [12;13].

Приоритетные показатели таблицы взяты как наилучшие и качественные, например, по уровню жизни. Данные показатели строки делятся на рассматриваемый приоритетный показатель, когда последний имеет большее значение. Если показатель принимает меньшее значение, он определяется как при уровне смертности, и дробь, соответственно, переворачивается.

Вероятность появления процесса энтропии дается в интерпретации Клода Шеннона [2; 4; 14].

$$P_{ij} = \frac{P_{ij}}{x}, \quad (1)$$

где x – суммарный показатель столбца, строки матрицы; P – вероятность появления события.

Здесь энтропия – это сумма произведений вероятности события на логарифм при основании данных вероятностей, для двоичной системы исчисления.

j -е показатели таблицы вычисляются по формуле:

$$S_j = -\sum_{i=1}^n (P_{ij} \log_2 P_{ij}), \quad (2)$$

где n – количество показателей при условии $\sum_{j=1}^n P_{ij} = 1$.

Как следует из таблицы, в расчетах принято 14 показателей, и с учетом коэффициентов весомостей λ_i значение имеет вид:

$$S_j = - \sum_{i=1}^n \lambda_i \times P_{ij} \times \log_2(\lambda_i \times P_{ij}), \quad (3)$$

при $\sum_{i=1}^j \lambda_i \times P_{ij} = 1$.

Анализ показателей таблицы 1 (строка 1) показывает, что духовно самодостаточными и уверенными в завтрашнем дне себя оценивают народы США и Швеции, а Россия среди сравниваемых стран занимает одно из последних мест. По материальному уровню жизни (строка 5) максимально положительно оцениваются Швеция и Япония, а минимально – народы Кубы и Коста-Рики. В то же время по уровню доступности медицины для населения имеют максимальные показатели Куба и Швеция (строка 6), а по уровню образованности населения лидируют Япония, Швеция, Россия и Куба (строка 7).

Демографическое состояние (строки 8 и 9), которое выражается как показатели рождаемости и смертности, в России неудовлетворительное. Так, по продолжительности жизни страна занимает 161 место в мире (по данным ООН, строка 10), и только за счет иммиграции населения из стран СНГ, по мнению авторов, эта проблема не может быть решена.

Показатель пенсионной активности (доля работающих пенсионеров в возрасте старше 60–65 лет) для России считается достаточным (примерно 20 %). Чтобы его улучшить, необходимо в целом повысить качество жизни пенсионеров путем решения дефицита пенсионного фонда (максимумом экономии трудовых ресурсов в 8 млн человек, которые еще могли бы продолжать работать). Подвижность населения (строка 13) России исторически всегда была низкой, как из-за привычного оседлого образа жизни, так и из-за отсутствия соответствующих условий жизнеобеспечения: благоприятного климата на северных территориях, инфраструктуры, доступа к недвижимости, образовательным и медицинским учреждениям. Максимальную подвижность населения имеют США и Западная Европа.

Для нивелирования отрицательного влияния коэффициента Джини на самочувствие граждан России требуется замена плоской шкалы налогообложения прогрессивной, введение ограничения максимума выплаты бонусов и премий, в первую очередь для предприятий с государственным участием [9; 13]. При этом если и произойдет незначительное повышение материального уровня жизни части населения, имеющего доход ниже прожиточного минимума, духовные составляющие (пункты 1 и 4) самочувствия, уверенности и энтропии вырастут примерно на 10 %. Физический смысл этого заложен в социальной области изменения данного явления, хотя рассматриваемые математические пункты таблицы, как условно независимые, не указывают на это. Необходимо также отметить, что данные параметры взаимосвязаны [9].

Алгоритм энтропии как суммарный показатель пассионарности народов стран определяет устойчивость общества и имеет максимальное значение у Швеции среди стран «Золотого миллиарда», у Китая – среди стран БРИКС. Среди небогатых, так называемых неприсоединившихся стран можно выделить Кубу и Коста-Рику. Очевидно, здесь играют важную роль духовные составляющие и климатические условия существования и проживания народов [10]. Решение уравнения энтропии показало, что величина оценки социально-экономического состояния России составляет 0,565 и свидетельствует о том, что она коннотирована, то есть не имеет четкой положительной и отрицательной тенденции, но имеет большую степень неопределенности, констатирующую о необходимости разработки мероприятий по увеличению пассионарности населения [9].

Анализ результатов расчета показателей энтропии (таблица 3) показывает, что для развивающихся и неприсоединившихся стран одним из определяющих параметров пассионарности – внутренней энергии народов – является материальный уровень жизни. У этих стран это главная проблема, определяющая такие качественные параметры, как уверенность в завтрашнем дне, духовная самооценка, активность участия в выборах, помощь населения в ликвидации катастроф и непосредственно влияющие на доступность медицины, уровень образования, продолжительность жизни, долголетие, рождаемость, смертность, наличие и величину пенсии, подвижность населения

и т.д. Однако пример Кубы и Коста-Рики показывает, что внутренняя энергия народов – пассионарность – только материальным уровнем жизни не определяется.

Такие показатели, как расслоение населения по уровню богатства (коэффициент Джини), влияние религий на оценку самочувствия народа [5], влияние климата на уровень жизни, детально в данной работе не рассматриваются [10], однако они в значительной степени влияют на энтропию развивающихся стран [7; 8; 9]. Одним из способов нивелирования их отрицательного влияния является повышение уровня жизни населения, уровня образованности, вовлечение народов их стран в культурный обмен с целью показа и ознакомления с прогрессивными путями развития и уклада жизни других народов.

Таблица 3

Результаты энтропийного алгоритма («Mathcad»)

1	США	0,79	1	0,09
2	Япония	0,81	2	0,092
3	Швеция	0,852	3	0,097
4	Китай	0,674	4	0,77
5	Россия	0,565	5	0,064
6	Индия	0,599	6	0,068
7	Куба	0,731	7	0,083
8	Коста-Рика	0,695	8	0,079
9	Египет	0,595	9	0,068
10	Оптимум	1	10	0,114

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Энтропия оценки социально-экономического состояния стран «Золотого миллиарда» отличается тем, что она выше, и поэтому страны имеют больше предпосылок для дальнейшего развития и прогресса.
2. Энтропийная оценка социально-экономического состояния России в 1,7 раза ниже, чем в странах «Золотого миллиарда».
3. Низкую величину энтропийной оценки и, соответственно, социально-экономического состояния среди сравниваемых стран имеют народы Египта и Индии.
4. Величина энтропии (P_{real}) зависит от материального уровня жизни, но только этой величиной не определяется (Куба и Коста-Рика).
5. Величина энтропийной оценки социально-экономического состояния России составляет 0,565, что свидетельствует об ее коннотированности, то есть она не имеет четкой положительной или отрицательной тенденции.
6. Российское социально-экономическое состояние населения располагает небольшим запасом прочности, отделяющим его от хаоса.
7. Странам «Золотого миллиарда» и развивающимся странам необходимо оказывать большую помощь неприсоединившимся странам с целью увеличения энтропии и сглаживания неконтролируемой миграции населения и других катаклизмов.

Литература

1. Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2014. 285 с.
2. Вильсон А.Дж. Энтропийные методы моделирования сложных систем. М.: Наука, 1973. 237 с.
3. Гранберг А.Г. Статистическое моделирование и прогнозирование. М.: Финансы и статистика, 1990. 382 с.
4. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АЙРИС-пресс, 2004. 379 с.

5. Ишмухаметов Э.М., Гайсина Р.Р., Хисаева А.И. Ислам и Россия // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6. С. 366–368.
6. Кара-Мурза С. Евреи и социализм. М.: Алгоритм, 2009. 287 с.
7. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с.
8. Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2013. 635 с.
9. Маннанов М.М., Петряков В.Г., Хисаева А.И. Полифакторный анализ взаимовлияний энтропийной оценки пассионарности народов России, Китая и США // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 70–73.
10. Петряков В.Г., Хисаева А.И., Маннанов М.М. Энтропийная оценка пассионарности народов России, Китая и США // Вестник экономики, права и социологии. Казань. 2014. № 4. С. 74–77.
11. Рюэль Д. Случайность и хаос. Ижевск: ЦНИЦ, 2001. 192 с.
12. Сорос Дж. «Фонд» для России. Что было, что будет. М.: Алгоритм, 2015. 224 с.
13. Федоренко Г.И., Дадашев М.Н. Использование методов энтропии для решения задач стандартизации // Приборостроение и электроника. 1998. № 3-4. С. 27–42.
14. Яглом А.М., Яглом И.М. Вероятность и информация. М.: Наука, 1973.

Современные тенденции развития государственной социальной политики

Modern Trends of Development of State Social Policy

DOI: 10.34773/EU.2020.1.31

З. АТОЕВА, Д. САРКАРОВА

Атоева Замира Курбаналиевна, магистрант Дагестанского государственного университета (ДГУ).
E-mail: a.zamira95@mail.ru

Саркарова Джамиля Салиховна, канд. полит. наук, доцент кафедры «Экономика труда и управления персоналом» ДГУ. E-mail: djam7575@mail.ru

В данной статье рассматриваются роль и направления социальной политики в России. Уделяется внимание направлениям государственной политики в области эффективной системы социальной защиты и уровня жизни населения. Решение наиболее значимых социальных проблем возможно при проведении структурных изменений социального обеспечения, в результате которых произойдет перераспределение социальных затрат в пользу наиболее малоимущих групп населения. В настоящее время в Российской Федерации социальные функции не реализуются в необходимом объеме, предусмотренном законом, в силу ограниченных финансовых возможностей.

Ключевые слова: социальная политика, социальная сфера, качество жизни, государственная политика, безработица, демография.

This article discusses the role and directions of social policy in Russia. Attention is paid to the directions of state policy in the field of an effective system of social protection and the standard of living of the population. The solution of the most significant social problems is possible with structural changes in social security, which will result in a redistribution of social costs in favor of the poorest groups of the population. Currently in the Russian Federation, social functions are not implemented to the extent required by law, due to limited financial capabilities.

Key words: social policy, social sphere, quality of life, state policy, unemployment, demography.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в современных условиях цифровой и инновационной экономики мировые страны нельзя представить и без использования человеческого ресурса. Именно поэтому человеческий фактор играет большую роль в государственной политике государства, без него невозможно социально-экономическое развитие гражданского общества перед новыми вызовами времени. Именно государственная социальная политика требует

активного вмешательства в социальные процессы общества, что должно нивелировать проблемы и предлагать эффективные пути его развития.

Государственная социальная политика включает комплекс мер, направленных на развитие социальной сферы. Достижение целей в этой области имеет важное значение, поскольку от качества проведения такой политики и мероприятий зависит отношение населения к власти, работодателям. Соотнесение мероприятий, проводимых в рамках осуществления социальной политики, с обстоятельствами, происходящими в общественных отношениях, гарантирует достижение определенных социальных результатов.

В первую очередь, лояльное отношение общества – это забота государства [1, 143].

Длительный период развития гражданского общества позволил вывести на первое место социальные функции государства, которые с каждым годом приобретают все более массовый характер.

Социальная политика – это политика государства, которая касается отношений между социальными группами, функционирования и взаимодействия внутри общества. Управление социальной политикой должно уметь поддерживать социальную систему взаимодействия общества с помощью эффективного пути функционирования, направленного на уменьшение проблемной нагрузки для каждого человека внутри страны [5, 1936].

Социальная политика является важнейшим элементом современной экономики, но на сегодняшний день становится актуальным вопрос о роли социальной политики, направленной на обеспечение благополучия и развития общества. Государство усилило свою роль в управлении социальными отношениями, поэтому гуманитарный подход к определению социальной политики является как никогда необходимым для функционирования общественных взаимодействий. Современный подход заключается в том, что целью функционирования и развития стал сам человек, такой подход государства обусловлен социальными процессами.

Бесспорно, экономическая и социальная политика тесно взаимосвязаны. Они направлены на обеспечение достойного уровня жизни граждан. Но данные понятия имеют отличительные черты. Их различия состоят в назначении, результатах, содержании, целях, направлениях деятельности, задачах, объектах, методах, средствах, институтах.

Расходы на социальную сферу в 2019 году в федеральном бюджете увеличились на 7,1 % – до 6,6 трлн рублей, рост этих расходов запланирован и в 2020–2021 гг. [3].

Вместе с тем показатели бюджетных ассигнований на финансирование государственных программ и в разрезе разделов классификации расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации по законопроекту отличаются от указанных расходов федерального бюджета на национальные проекты соответствующих направлений. В таблице приведены данные за 2016 и 2017 годы в соответствии с фактическими показателями исполнения федерального бюджета на кассовой основе, показатели на 2019–2021 годы приведены в соответствии с законопроектом.

Динамика расходов федерального бюджета на реализацию государственных программ социальной направленности, трлн руб.

	2016	2017	2019	2020	2021
Развитие здравоохранения	0,44	0,32	0,17	0,17	0,16
Развитие образования	0,50	0,49	0,19	0,17	0,16
Социальная поддержка граждан	1,40	1,38	1,30	1,28	1,22
Доступная среда	0,05	0,06	0,05	0,05	0,05
Обеспечение доступным комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ	0,09	0,11	0,17	0,15	0,14
Содействие занятости населения	0,09	0,04	0,06	0,06	0,06
Развитие культуры и туризма	0,11	0,10	0,12	0,11	0,11
Охрана окружающей среды	0,05	0,05	0,05	0,05	0,05
Развитие физической культуры и спорта	0,06	0,010	0,05	0,05	0,05
Развитие пенсионной системы	3,63	3,73	2,93	2,78	2,42

Источник: Минфин РФ.

Данная динамика также показывает, что почти по всем направлениям наблюдается тенденция к снижению расходов на социальные нужды граждан Российской Федерации и различные социальные сферы.

Социальная сфера в Российской Федерации имеет ряд проблем, которые каждые год носят актуальный характер. В основном эти проблемы, если коротко их описать, сводятся к недостаточному финансированию, неэффективному расходованию целевых средств, большому проценту безработицы и пробелам в законодательстве.

Конституционное регулирование социального сектора постоянно сталкивается с неэффективной деятельностью специальных органов и должностных лиц. К этой проблеме можно отнести неэффективное регулирование социальных прав и социальной защищенности определенных групп внутри общества.

До сих пор остается дискуссионным вопрос реформирования пенсионной системы, которая актуализировала «болезненные» вопросы общества, в частности, касающиеся пенсионных обязательств пенсионной системы перед гражданами страны. Постоянные изменения расчетов пенсионных накоплений, в которых даже создатели различных расчетов до конца не могут разобраться, не говоря уже об обычных пенсионерах, которые не имеют специальных знаний для этого.

Государство пытается повышать МРОТ и индексации социальных выплат, но этого недостаточно по сравнению с ростом потребительской корзины на 1 человека в стране. Медицинское обслуживание теряет в качестве и в общей доступности, что неизбежно приводит к расходам на посещение частных клиник и больниц. Почти треть страны живет на прожиточный минимум, что не позволяет человеку жить в комфортных человеческих условиях, а также развиваться в карьерном и личностном плане [4].

Для улучшения социальной политики можно предложить следующие направления:

1) Демографическая политика должна быть направлена на повышение качества здоровья граждан. Необходимо создать необходимые условия в больницах, которые будут качественно оказывать медицинские услуги, обеспечить доступность медицины на дому для пожилых людей и в удаленных местностях.

2) Повысить качество образования и научной деятельности. Научная деятельность оплачивается обычным работникам малого и среднего звена крайне низко по сравнению со странами-конкурентами, что, несомненно, должно подстегнуть государство повысить средние заработные платы.

В России крайне слабо развито дополнительное образование, которое должно помогать раскрыть потенциал ребенка в спортивной и творческой деятельности. Необходимо вложиться в дополнительное образование и выстроить соответствующую инфраструктуру.

3) Необходимо обеспечить население страны комфортным экономическим жильем. Для этого необходимо стимулировать жилищное строительство со стороны частных инвесторов по различным ипотечным программам, которые будут очень комфортными для граждан [6, 62].

Следовательно, ограниченные денежные средства государственного бюджета должны выстраивать эффективную социальную политику. Государству необходимо понять, что для решения данной острой проблемы нужно привлекать не только государственный аппарат, но и обычных граждан и общественников.

Таким образом, необходимо еще раз подчеркнуть важность государства в регулировании социальной сферы. Первоочередная задача государства, которая должна стоять и перед гражданами, – это социальное обеспечение и социальная защита общества перед возникающими проблемами социальных нужд. Зарубежные страны на своем опыте показывают, что эффективно выстроенная социальная сфера позволяет повысить различные социально-экономические показатели. Россия должна идти в ногу со временем и построить социальное общество, которое будет открыто к взаимовыгодному сотрудничеству населения страны и государства. Это позволит увеличить различные социальные показатели в ближайшие годы для всех граждан Российской Федерации.

Литература

1. Михайлов В.А. Государственная политика в социальной сфере // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. № 7. Новосибирск: СибАК, 2017. С. 143–146.
2. Официальный сайт Госкомстата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>
3. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minfin.ru/>
4. Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы (Вып. 40) / В. Мау и др.; под науч. ред. д-ра экон. наук А.Л. Кудрина, д-ра экон. наук С.Г. Синельникова-Мурылева; Ин-т экон. политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Изд-во Ин-та им. Гайдара, 2019. 656 с.
5. Суворов А.Н. Основные социальные проблемы России и пути их решения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 1936–1940.
6. Терентьева Н.Ю. Проблемы социальной политики России и трудности ее реализации // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 34-3. С. 60–62.
7. Шмонева Е.Н. Проблемы социальной политики России и пути их решения // World science: problems and innovations: сб. статей XV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2017. С. 164–167.

Реализация концепции миграционной политики Республики Башкортостан

Implementation of the Concept of Migration Policy in the Republic of Bashkortostan

DOI: 10.34773/EU.2020.1.32

Е. ШЕВАЛДИНА, Ю. ЯСАКОВА

Шевалдина Елена Ивановна, канд. соц. наук, доцент кафедры «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: Shevaldinalena@mail.ru

Ясакова Юлия Станиславовна, аспирант факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета. E-mail: Yuliayasakova95@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией Постановления Правительства Республики Башкортостан от 13 октября 2015 года «О Концепции миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года». Делается сравнительный анализ статистических данных в сфере миграции в Республике Башкортостан за первое полугодие 2015 года и первое полугодие 2019 года и вывод об отсутствии положительных сдвигов при реализации указанных постановлений Правительства РБ, призванных улучшить миграционную привлекательность региона, уменьшить отток населения из республики и о декларативности многих пунктов принятой Концепции миграционной политики Республики Башкортостан.

Ключевые слова: Концепция миграционной политики, миграционный прирост (убыль), миграционное движение, целевой показатель миграции, внутрирегиональная миграция, внешняя миграция.

The article deals with issues related to the implementation of the Order of the Government of the Republic of Bashkortostan from October 13, 2015 «On the Concept of migration policy of the Republic of Bashkortostan for the period up to 2025». There is a comparative analysis of statistical data in the field of migration in the Republic of Bashkortostan for the first half of 2015 and the first half of 2019. The article concludes that the implementation of these resolutions of the government of the Republic of Bashkortostan resulted in the lack of objective improvements and the declarativity of many points of the adopted Concept of migration policy of the Republic of

Bashkortostan, even if it was designed to improve the migration attractiveness of the region and reduce the outflow of population from it.

Key words: *Concept of migration policy, migration increase (decrease), migration movement, migration target, intraregional migration, external migration.*

Показатели, характеризующие миграцию населения, позволяют отобразить миграционную привлекательность региона и состояние его социально-экономического развития. Положительное сальдо внешних по отношению к региону миграционных потоков характеризует высокий уровень качества жизни региона, который является привлекательным для мигрантов. В то же время отрицательные показатели миграции населения определяют неудовлетворительное состояние социально-экономического развития региона, характеризующееся негативными тенденциями демографических, экономических и социальных показателей.

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» мероприятия по обеспечению устойчивого естественного роста численности населения стали стратегическим приоритетным направлением страны [6]. В Республике Башкортостан к решению проблем миграции населения вплотную приступили в 2015 году, 13 октября 2019 года исполнилось 4 года со дня издания Постановления Правительства Республики Башкортостан № 446 «О Концепции миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года» [4]. Как указано в Концепции, она «направлена на совершенствование существующих и развитие качественно новых направлений управления миграционными процессами, создание социально-экономических условий, способствующих сокращению убыли населения за пределы республики и сохранению научно-технического, интеллектуального и творческого потенциалов республики, а также на снижение социокультурных, экономических и политических рисков, связанных с притоком мигрантов» [4].

В дополнение к Концепции было издано Распоряжение Правительства РБ от 15.04.2016 № 373-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2020 годах Концепции миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года» [5]. В 87 пунктах данного плана содержится объемный перечень мероприятий, направленных на улучшение состояния дел, связанных с миграционными процессами в Республике Башкортостан. Главным целевым показателем утвержденного плана стал миграционный прирост населения, который в 2016 году должен был составить 180 человек, в 2017 г. – 620 человек, в 2018 г. – 900 человек, в 2019 г. – 1350 человек и в 2020 г. – 1500 человек. Однако за весь период действия как самой Концепции миграционной политики Республики Башкортостан, так и утвержденного Плана мероприятий миграционный прирост населения ни разу не достиг плановых показателей. Более того, вместо планируемого положительного результата наблюдается отрицательное сальдо миграции.

Так в 2016 году сальдо миграции составило -7390 человек, в 2017 – -2607 человек, в 2018 году внешняя для республики миграция (межрегиональная + международная) составила уже -8858 человек, в Республику Башкортостан прибыло 47879 человек, выехало из республики 56737 человек, то есть наблюдается рост темпа миграционной убыли населения. Не менее тревожные показатели по оттоку населения из республики наблюдались и в 2019 году. Используя статистические данные из сводки Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (Башкортостанстат) «Оперативные итоги естественного и миграционного движения населения Республики Башкортостан за январь-июнь 2019 года» [2] и данные за аналогичный период 2015 года [1], в котором была принята Концепция миграционной политики Республики Башкортостан, можно проследить не самое успешное выполнение мероприятий по выравниванию миграционной ситуации в регионе.

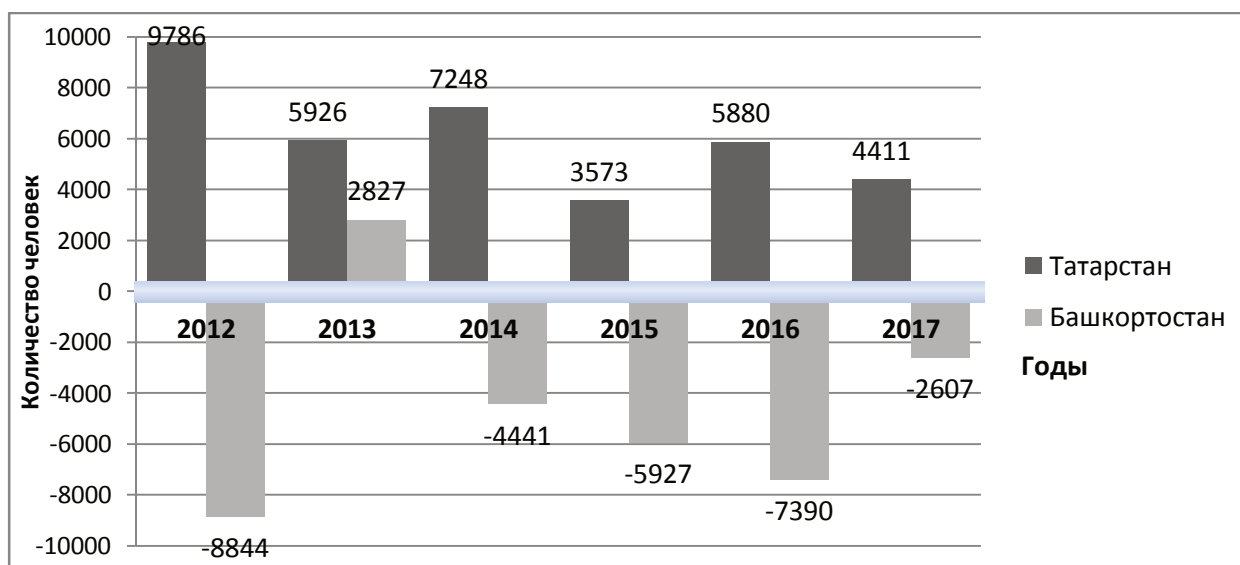
В общем объеме миграционного потока постоянная миграция (то есть с регистрацией по месту жительства) в 2015 году составляла 47,6 %, в 2019 г. – 49,7 %, удельный вес лиц с временной регистрацией в 2015 году достиг 52,4 %, в 2019 г. – 50,3 %. По длительности временной регистрации наибольшее количество мигрантов имеют регистрацию по месту пребывания менее 9 месяцев, число таких мигрантов составило 51,7 % от общего числа мигрантов с временной

регистрацией в 2015 году, 64,6 % – в 2019 году. Соотношение потоков миграции по городскому и сельскому населению в 2015 и в 2019 годах одинаковое, поэтому нельзя говорить о качественном улучшении или, наоборот, ухудшении условий жизни в городе или на селе.

При рассмотрении статистических данных, представленных в официальной таблице «Распределение миграционных передвижений населения в возрасте 14 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства», прежде всего, обращает на себя внимание количество выбывших и убывших в связи с учебой и работой. Так, в 2015 году прибыло в Республику Башкортостан на учебу 9919 человек, на работу 8454 человека, убыло 9807 и 10183 человека соответственно. В 2019 году количество прибывших и убывших значительно сократилось, в связи с учебой прибыло только 1475 человек, в связи с работой – 3736 человек, убыло в связи с учебой 1814, в связи с работой – 4941 человек. Снижение прибывших в республику на учебу и на работу свидетельствует о снижении престижа получения образования в Башкортостане и о сложностях с трудоустройством.

Таким образом, оценка миграционных потоков в Республике Башкортостан позволяет говорить о снижении привлекательности территории для мигрантов и о возрастающем желании коренного населения республики поискать лучшей доли за ее пределами. Это требует пересмотра разработанной ранее Концепции миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года.

Как нам видится, основная причина невозможности реализовать Концепцию миграционной политики состоит в том, что под нее не заложено достаточных лимитов бюджетных ассигнований. Для примера: в Республике Татарстан Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 9 августа 2013 года № 553 «Об утверждении государственной программы “Содействие занятости населения Республики Татарстан на 2014–2020 годы”» была принята подпрограмма «Реализация мер содействия занятости населения и регулирование трудовой миграции на 2014–2020 годы» [3]. Общий объем выделенных финансовых средств на реализацию данной подпрограммы составил 11 млрд рублей, в том числе за счет средств федерального бюджета выделено 6,23 млрд рублей, за счет бюджета Республики Татарстан направлено 4,66 млрд рублей, 110 млн рублей – из внебюджетных источников. Результаты выполнения схожих по своим целям государственных программ в соседних республиках наиболее наглядно могут быть проиллюстрированы итоговым показателем миграции.

Миграционный прирост/убыль населения

На наш взгляд, Республика Башкортостан имеет серьезные предпосылки повышения привлекательности ее территории, среди которых можно выделить следующие:

- развитая транспортная инфраструктура (через республику проходят магистральные автомобильные и железные дороги, имеется международный аэропорт, республика встроена в систему общероссийских логистических процессов);
- развитая промышленность (наличие крупных производств в нефтеперерабатывающем, нефтехимическом, машиностроительном химическом и агропромышленном комплексах);
- научный, образовательный и инновационный потенциал, развитая сеть научно-инновационных центров и образовательных учреждений с инновационной инфраструктурой [7, 23].

Осталось только грамотно распорядиться имеющимися преимуществами и разработать реально работающий план реализации Концепции миграционной политики, подкрепленный необходимым уровнем финансовой поддержки. При этом необходимо учитывать опыт Республики Татарстан, которая на текущий момент имеет несколько отличные от Башкортостана проблемы с миграцией. В Татарстане сейчас стоит задача равномерного распределения прибывающих мигрантов по территории республики. Но те решения, которые были заложены в подпрограмме Татарстана «Реализация мер содействия занятости населения и регулирование трудовой миграции на 2014–2020 годы», могут быть взяты на вооружение республиканскими ведомствами, ответственными за реализацию миграционной политики в Башкирии.

Литература

1. Оперативные итоги естественного и миграционного движения населения Республики Башкортостан за январь-июнь 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/48292239-Operativnye-itogi-estestvennogo-i-migracionnogo-dvizheniya-naseleniya-respubliki-bashkortostan-za-yanvar-iyun-2015-goda.html>
2. Оперативные итоги естественного и миграционного движения населения Республики Башкортостан за январь-июнь 2019 года / Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://bashstat.gks.ru/folder/25491>
3. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 9 августа 2013 года № 553 «Об утверждении государственной программы «Содействие занятости населения Республики Татарстан на 2014–2020 годы» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации Консорциум «Кодекс» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/463304205>
4. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 13 октября 2015 года «О Концепции миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года» // Система информационно-правового обеспечения «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/17783917/>
5. Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 15 апреля 2016 № 373-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2020 годах Концепции миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации Консорциум «Кодекс» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/438885710>
6. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями) // Система информационно-правового обеспечения «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71937200/>
7. Шевалдина Е.И. Демография: Современные миграционные процессы: учеб. пособие. Уфа: УГАЭС, 2006. 101 с.

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе
Республики Башкортостан (издатель), Башкирский государственный университет,
Уфимский государственный нефтяной технический университет (типография)

Адрес издателя (БАГСУ):

450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40.
Тел. (347) 272-10-77. E-mail: bagsu@bagsurb.ru

Адрес редакции:

450057, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Цюрупы, 6, к. 402.
Тел. (347) 273-87-32. E-mail: ekonuprav@ufanet.ru
<http://www.inefb.ru/econuprav-ufa>

Адрес типографии (РИЦ УГНТУ):

450062, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1.
Тел. (347) 243-19-73. E-mail: polegaln@mail.ru

Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 18,0. Тираж 300 экз. Свободная цена.
Заказ № 19. Подписано в печать 12.02.2020 (выход в свет – 26.02.2020).